

История православного монашества на Востоке. Часть 1

профессор Петр Симонович Казанский

Часть первая. История Православного монашества на Востоке (Монашество в Египте)

Известен проф. Казанский и как составитель акафистов: Благоверным князьям Константину и чадам его Михаилу и Феодору, Муромским чудотворцам (1871), Святому и праведному Иосифу Обручнику (1871), Богородице, всех скорбящих Радосте (1866), Казанской Божией Матери (1868); им же написаны «Служба и акафист Иверской Божией Матери» (1861), «Служба святителю и Чудотворцу Тихону» (1861). Как публикатор, проф. Казанский известен прежде всего разысканиями писаний преподобного Иосифа Волоколамского (1847) и дополнительных записей о Несторе-летописце (1846). Все эти творения П. С. Казанского вошли в обиход церковной жизни верующих.

Ученый состоял членом многих исторических обществ и архивных комиссий, деятельно сотрудничал в научных периодических изданиях. Многие из его публикаций и доныне не утратили своего значения. Перечень откликов на труды проф. П. С. Казанского см.: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей. Т. II. Спб., 1910. С. 550–551. Характеристики личности ученого: «Православное обозрение». 1878, т. 1, март. С. 458–508.

Православному Русскому иночеству усерднейшее приношение

Надобно верно исследовать жизнь монахов, подвизавшихся прежде нас, и по ним усовершать себя; ибо они сказали и сделали много хорошего.

Евагрий у Сократа

Предисловие

Три обета составляют сущность иноческой жизни – обет целомудрия, обет послушания, обет произвольной нищеты. Цель сих обетов та, чтобы отрешением от мира и его удовольствий, отсечением своей воли дать свободу духу и телу всецело посвятить себя на служение Богу. Священны узы семейные; для человека созданы и блага временные. Но священнее союза семейного – союз человека с Богом; дороже, безценнее благ временных – блага вечные. Временные связи и временные удовольствия, для поврежденной грехом природы человека, большею частью служат препятствием стремиться к вечному и небесному, приковывают ум и сердце его к земному. Но все, еже в мире, пишет Апостол, *похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская (1Ин.2:16)*. Монашество стремится обетом целомудрия подавить похоть плоти, обетом нестяжательности – похоть очес, дабы не увлекаться сокровищами, которые мир обещает поклонникам его, обетом послушания – гордость житейскую, чтобы оставить и победить искушение суетной славы. Чтобы легче оторвать себя от связей земных, чтобы лучше оградить себя от искушений, какие представляют богатства, удовольствия и слава мира, – инохи избирают местом жительства пустыни, откуда и получили свое наименование монахов или уединенных. Кто не испытал сладости уединения? Кто не знает, что только в тишине уединения созревают высокие мысли, укрепляется дух для великих подвигов? Люди самые пристрастные к удовольствиям мира ищут отдыха в уединении; самые заботливые о снискании благ временных и славы земной в тишине уединения соображают и измышляют для сего средства. Но в деле спасения душа тогда только начинает жить для Бога, когда мир для нас опустеет. В мире непрестанно разсеиваются мысли, порабощаются желания, возмущается душа и совесть.

Посему инохи, чтобы оградить себя от всех искушений мира, поселялись в безлюдных пустынях, в глухи лесов или в темных пещерах. Одни строгие отшельники совсем удалялись

от общества людей и в самых необитаемых местах или совершенном затворе проводили жизнь свою в беседе с одним Богом. Были подвижники, которые в течение тридцати, сорока и более лет не видали ни одного человека. Другие жили по два и по три в недальном разстоянии друг от друга, два раза в неделю в субботу и воскресенье сходились вместе для общего Богослужения. Иные жили целыми обществами, имея общие определенные уставом и труды, и молитвы, и пищу. Но у всех одно было общее стремление – распять плоть свою со страстями и похотями, стать выше себя, выше своей чувственности. Они отыскивали самые строгие правила Евангелия, давали им самое обширное значение, старались выполнять их со всем усилием воли. Они умерщвляли тело свое алчбою, жаждою, бдением, молитвами и трудами. Принося в жертву Богу дар целомудрия в чистом сосуде воздержания, они в глубоком самоотвержении отсекали от своего ума всякий собственный помысел, и от воли всякое собственное желание, от сердца всякое вожделение собственного удовольствия, всякое негодование на ближнего. Увлекаемые непреклонною силою воли ко внутренним и внешним подвигам, они старались достигнуть такого состояния, чтобы ни во внутренней, ни во внешней природе не ощущать никаких движений кроме одной мысли о Боге. Добровольные мученики, они ежедневно умирали для Бога. Велик и свят подвиг предать тело свое в руки мучителей за исповедание имени Христова. Но менее ли потребно мужества каждый день, каждый час умерщвлять свое тело, отсекать всякую нечистую мысль? В трудные решительные минуты жизни более напрягается сила души, и во время великих испытаний человек чаще выходит победителем, нежели в малых ежедневных искушениях. Сколько раз слабая воля может поколебаться в своем направлении! Сколько потребно бдительности над собою! Сколько нужно терпения, чтобы сохранить всегда душу и тело чистыми от приражения греховных движений! Посему Кассиан называет иноков новыми мучениками⁴¹. Один из писателей, близких к началу монашества⁴², главным побуждением к иноческой жизни поставляет ревность верующих во Христа подражать подвигу

мучеников. «Верующие, – пишет он, – видя страдания мучеников и их искреннее стремление к исповеданию имени Христова, начали и сами, при помощи благодати Божией, последовать их жизни и самоотвержению, и в иночестве осуществились слова Апостола: *проидоша в милотех и козиих кожах, скорбяще озлоблена, их же не бе достоин мир, в пустынях скитающиеся, и горах и вертепах и пропастех земных*» (Евр.11:37–38). Как мученики, одушевляемые любовью, радостно шли на страдания и смерть за исповедание веры в Господа Иисуса; так и подвижники, одушевляемые горячою ревностью и пламенною любовью к Богу, в своей труженической жизни, приближавшей их к Богу, находили такой источник блаженства, что желали бы до бесконечности увеличивать свои труды и подвиги. «Поверь, сын мой, – говорил один старец молодому отшельнику удивлявшемуся трудам и изнурению, каким подвергал себя старец в преклонных летах, – поверь, сын мой! Бог такую ревность и любовь к служению даровал душе моей, что я никак не могу вполне удовлетворить ея расположению». В самом деле, могли ли не желать этих подвигов пустынники, когда благодать изливалась в таком изобилии, что они молили даже Господа: «Удержи волны благодати Твоей».

Эта святая, высокая жизнь иноков с самого начала монашества возбуждала внимание благочестивых Христиан. В их жизни представлялся живой пример того совершенства христианской жизни, какое указывается в Евангелии. Не громом побед и завоеваний, не потоками крови и опустошений они стяжали себе вечную память, но сокровенным деланием во Христе, борьбою с греховною природою и врагом спасения; их подвиги сопровождались только их слезами и вздоханиями, а на прочих людей они старались только низводить благословение свыше. Это был неземной мир среди этого мира, изумляющий величием своего духа и жизни, дающий разуметь, какую чудную силу являет природа человеческая, какая власть и могущество заключены в душе и теле человека, когда он весь проникается силою благодати Христовой. *Посему история*

монашества есть история успехов Христианского благочестия.

Таковы всегда были и могут быть по духу своему монашеские общества. Довольно свидетельства одного Святого Иоанна Златоуста, чтобы убедиться в святости жизни монашеской. Сей Святитель, сам украшенный всеми Христианскими добродетелями, с неизъяснимым удовольствием воспоминает о том времени, какое провел он в обителях иноческих, и в своих беседах с пылким увлечением часто говорил о высоком достоинстве иноческой жизни. «Межу монашескою и мірскою жизнью, – говорит он в одной беседе, – такое же различие, какое находится между пристанью и морем, непрестанно волнуемом ветрами. Смотри, самые жилища монахов предуведомляют о их благоденствии. Избегая рынков и городов и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящей жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горестям, ни большим заботам, ни опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют уже только о царствии небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а паче всего с Богом. Жилища их чужды всякого шума. Душа свободная от всех страстей и болезней тонка, легка, и чище всякого тонкого воздуха. Занятия у них те же, какие были в начале и до падения у Адама, когда облеченный славою дерзновенно беседовал с Богом и обитал в блаженном рае. И в самом деле, жизнь монахов чем хуже жизни Адама, когда он до преслушания введен был в рай возделывать его? Адам не имел житейских никаких забот, нет их и у монахов. Адам чистою совестью беседовал с Богом; так и монахи, даже больше чем Адам, имеют дерзновения, так как больше имеют в себе благодати по дару Духа Святого. Опишу хотя одну часть образа их жизни; ибо всей их жизни описать невозможно. Сии светильники міра, едва начинает восходить солнце, или еще до разсвета, встают с ложа здравы, бодры и свежи. Ибо их не возмущает ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни множество дел; но они живут, как Ангелы на небе. Итак, встав с

ложа бодрые и веселые, они с светлым лицом и чистою совестью составляют вместе один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Еgo за все благодеяния, как частные, так и общие. Спрошу вас, чем различествует от Ангелов сей лик на земле поющих и восклицающих: *слава в вышних Богу, и на земли мир в человеках благоволение* (Лк.2:14). И одежда у них соответствовала их мужеству. Одежды их приготовлены, как у блаженных оных Ангелов, Плии, Елисея, Иоанна и прочих Апостолов, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи и то ветхой. Потом, пропевши свои песни с коленопреклонением, прославленного ими Бога призывают на помощь в таких делах, которые другим не скоро бы пришли и на ум. Они не просят ни о чем настоящем; у них не бывало об этом и слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать пред страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, чтобы никому из них не услышать сего страшного гласа: Не вем вас; – и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить сию трудную жизнь и благополучно проплыть сие бурное море. Потом, как вставши окончат сии священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным идет каждый к своему делу и трудами многое приобретают для бедных. Монахи не только, когда поют и молятся, но и когда сидят за книгами, доставляют зрителям приятное зрелище. Когда пение кончится, один берет Исаию, другой беседует с Апостолами, третий читает книги других писателей и любомуудрствует о Боге, о мире, о предметах видимых и невидимых, чувственных и духовных, о ничтожности жизни настоящей и о величии жизни будущей. Они питаются Словом Божиим, сладчайшим меда и сота (Пс.18:11). Это чудный мед, и гораздо лучше того, каким некогда Иоанн питался в пустыне. Ибо не дикие пчелы, садясь на цветы, собирают сей мед, но приготовляет оный благодать Св. Духа и вместо сотов, ульев и дупла полагает в душах Святых. Подобно пчелам они облетают соты Священных книг, почерпая в них великое удовольствие. Принимая такую пищу, уста их не могут произнести ни одного дурного слова, ни одного шуточного или

грубого, но каждое достойно неба. Не погрешит тот, кто уста монахов уподобит источникам, пьющим мед и чистые потоки. Таково их настоящее состояние. А будущее их какое слово может выразить? Какой ум – постигнуть? Их жребий Ангельский, неизреченное блаженство, несказанные блага!⁴³

Говоря в другой беседе, что все мы званы на брак Божий и что званную на этот торжественный чертог душу нужно ввести облеченою и украшеною златыми одеждами, Святой Златоуст продолжает: «Хочешь ли, я покажу тебе одетых в брачную одежду? Припомни Святых, облеченных в власяницы, живущих в пустынях. Они-то носят брачные одежды. Ты увидишь, что они не согласятся взять порфиры, если будешь давать им. И это потому, что знают красоту своей одежды. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю; – ты упал бы на землю, не вынес бы сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести. У святых подвижников нет никакой печали, но как бы на небесах устроив себе хижины, они также далеко обитают от бедствий настоящей жизни и борются с дьяволом так легко, как будто играют. Они убегают городов и общественных собраний, потому что воюющему не годится сидеть в доме, но должно жить в таком жилище, которое легко оставить; они, если нужно, оставляют его, как воины оставляют лагерь во время мира. Но приятнее видеть пустынью, усеянную хижинами монашескими, нежели видеть стан воинов, раскидывающих в поле шатры. В палатках воинов Христовых мы не увидим ни растянутых покровов, ни острых копий, ни золотых тканей покрывающих палатку царскую. Но если бы кто распростер на земле, которая обширнее и неизмеримее нашей, многие небеса, тот представил бы подобное жилищам иноков. Ибо их обитель ничем не хуже небес; потому, что к ним сходят Ангелы, даже Сам Господь Ангелов. Сии подвижники, как воины, живут в шатрах не с копьями, не со щитами и бронями, – и однако они совершают такие подвиги, каких те и с оружием произвести не могут. Они каждый день сражаются и побеждают все возстающие из них похоти. Одним хотением они побеждают врагов, которыми воины побеждаются. Пьянство и пресыщение

побеждено у них питием воды и лежит повержено и мертвое. А это – многовидный и многоглавый зверь. В воинстве духовном каждый воин одерживает победу. Кто сам не нанес врагу смертоносного удара, того он не перестает беспокоить всячески. Каждый из сих воинов воздвигает такие трофеи, каких не могут воздвигнуть воинства, собранные со всех концов вселенной. Они отринули от себя все беспорядочное и безразсудное – безумные слова, неистовые и отвратительные болезни, кичение, и все, чем вооружается против человека пьянство. Они употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности. Нет между ними ни птицеловов, ни рыболовов. Они довольствуются хлебом и водою. Смятение, шум и беспокойство совершенно от них изгнаны, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина. И не только над сладострастием одержали победу оные Святые мужи, но и над любостяжанием, славолюбием, завистью и вообще над всеми болезнями душевными. Итак, трапеза сих воинов не лучше ли трапезы воинов Царя земного? Трапеза мужей Святых возводит на небо; её приготовляет Христос; правила для нее дает любомудрие и целомудрие. Пустынножители не женятся, не посягают иметь много, не предаются изнеженности; но кроме самых неизбежных нужд для существа телесного, живут как безтелесные. Трапеза их приготовляется праведными трудами; будучи свободна, не позволяет собеседникам говорить ничего срамного; ищет пользы своих соучастников, – не попускает оскорбить Бога. Нет у иноков никаких возмущений душевных, нет ни болезней, ни гнева; все тихо, все мирно, везде великая тишина, великое безмолвие. Постелью инокам служит трава; многие спят не имея кровя, а небо служит им вместо кровя, и луна вместо светильника. У них нет господина и раба; все рабы и все свободные. Они рабы друг другу и владыки друг над другом. С наступлением вечера им не о чем сокрушаться, не нужно запирать дверь, бояться разбойников. Разговор их исполнен такого же спокойствия. Они всегда разговаривают и любомудрствуют о будущем, и как бы не здешние, как бы переселившиеся на небо и там живущие, всегда разсуждают о небесном: о лоне Авраамовом, о венцах

Святых, о ликовании со Христом; а об настоящем нет ни помина, ни слова. Они говорят о небесном царстве, о настоящей брани и кознях дьявола, о великих подвигах совершенных Святыми. – Хотите ли пойти в град добродетели, в селения Святых, т. е. в горы и леса? Там-то мы и увидим высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мірскими почестями или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем: не имеют ни хороших одежд, ни удобных жилищ, ни прислуги и во всей жизни своей явственными чертами изображают смижение. Все, что способствует к возбуждению гордости, удалено оттуда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу, сами служат приходящим. Там все слуги, каждый омывает ноги странников и один пред другим старается оказывать им услуги; не разбирают они, кто к ним пришел, раб или свободный, но делают это для всех равно; нет там ни больших, ни малых. Хотя и есть там низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их и чрез то делается большим. У всех один стол, как у пользующихся услугами, так и у служащих им; у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Больший там тот, кто предупреждает другого в отправлении самых низких работ. Там не говорят: это мое, это твое. Оттуда изгнаны слова сии, служащие причиною безчисленного множества распрай. И чему дивиться, что у пустынников один образ жизни, одинаковая пища и одежда, когда у них и душа одна, не по природе только, но и по любви, а любовь может ли когда возгордиться сама пред собою? Там нет ни бедности, ни богатства, ни славы, ни безчестия. Хотя и есть там низшие и высшие по добродетели, но никто не смотрит на свое превосходство: низших там не оскорбляют презрением; ибо там никто не унижает других. А если бы их кто унижал, они тем более научаются переносить презрение, поругание и унижение и в словах и в делах. Любят обращаться с нищими и увечными, и за столом их много таких гостей; а потому-то они и достойны неба. Один врачует раны недужного, другой водит слепого, иной носит безногого. Нет там толпы льстецов и тунеядцев; там даже не знают, что такое лесть. У них во всем

равенство, и потому они весьма удобно преуспевают в добродетели. Все усилия они употребляют на то, чтобы не иметь первенства, но быть в унижении, и всячески стараются превзойти друг друга в том, чтобы не самим пользоваться честью, а воздавать ону другим. Впрочем, и самые их занятия приводят их к смирению. Ибо, скажи мне, кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц, будет высоко думать о себе? Кто, живя в бедности и борясь с голодом, подвергается сему недугу? Как в мире трудно соблюсти скромность по причине множества рукоплещущих и удивляющихся, так в пустыне это весьма удобно. Отшельника занимает собою только пустыня; он видит летающих птиц, колеблемые веянием ветерка древа, потоки, быстро текущие по долинам. Итак, что может возбудить к гордости человека, живущего среди такой пустыни? – Приди и учись у иноков. Это – светильники сияющие по всей земле; стены, коими ограждаются и поддерживаются самые города. Они для того удалились в пустыню, чтобы научить и тебя презирать суetu мірскую. Они, как мужи крепкие, могут наслаждаться тишиною и среди бури; а тебе, обуреваемому со всех сторон, нужно успокоиться и хотя мало отдохнуть от непрестанного прилива волн. Итак, ходи к ним чаще, дабы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог и настоящую жизнь провести сколько можно лучше и сподобиться будущих благ. Приди в пустыню – то же самое, как если бы кто пришел к золотых дел мастеру или в розовый цветник. Как здесь получают некоторый блеск и от золота и от роз: так и приходящие к праведным, получая пользу от блеска их, убавляют несколько от прежней гордости. Или как тот, кто взойдет на высокое место, хотя бы и очень мал был, кажется большим; так и те, восходя в беседе к высоким помыслам праведных, и сами кажутся такими же, пока с ними пребывают». «В мире свирепствует буря, а отшельники сидят в пристани спокойно и в великой безопасности, смотря как бы с неба на кораблекрушения, постигающие других. Они и жизнь избрали достойную неба и живут не хуже Ангелов. Как между Ангелами

нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром, и радостью, и славою: так и здесь никто не жалуется на бедность, никто не превозносится богатством; своекорыстие изгнано отсюда; все у них общее: и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительного в этом, когда у них и самая душа одна и та же? Все они благородны – одинаковым благородством, рабы – одинаковым рабством, свободны – одинаковою свободою. Там у всех одно богатство – истинное богатство; одна слава – истинная слава, потому что блага у них не в именах, но в делах; одна радость, одно стремление, одна надежда у всех. Все у них устроено как бы по какому правилу и мере, и нет ни в чем неправильности, но во всем порядок, стройность и гармония, – самое точное согласие и прочное основание для всегдашнего благодушия. Все и делают и терпят все для того, чтобы им благодушиствовать и радоваться. Только там и можно это видеть в полном событии, потому, что у них не только презирается настоящее, удален всякий повод к несогласию и вражде и питаются светлые надежды на будущее, но случающиеся с каждым из них скорби и радости почитаются общими для всех»⁴⁴.

Святой Златоуст в особом поучении раскрывает, что гораздо лучше быть истинным монахом, нежели владеть земным царством. «Избрать жизнь монашескую, – беседует он в сем поучении, – посвятить себя на служение Богу для всех – легко и удобно. Тот, кто посвятил себя Богу и ведет уединенную жизнь, господствует над гневом, завистью, сребролюбием и удовольствием и другими болезнями, всегда назирая и заботясь, чтобы не подчинить души своей постыдным страстям, не поработить разума горькому тиранству, но всегда возвышаясь умом, поставляет страх Божий владыкою над страстями. Монах сражается с демонами, одолевает их, побеждает и увенчивается от Христа, поскольку тот, кто вступает в борьбу подкрепленный Божественною помощью, огражденный небесным оружием, естественно должен одержать совершенную победу. Он воюет с дьяволом за благочестие, за почитание Бога, желая освободить от заблуждений или города,

или деревни. Монах беседует с Пророками, украшает ум мудростью Павла, безпрестанно переходит от Моисея к Исаии, от Исаии к Иоанну, от Иоанна к другому кому-либо. – Ночью монах украшается служением Богу и молитвами, прежде петлоглашения начинает пение, и с ним сожительствуют Ангелы, – он беседует с Богом, вкушает блага небесные. Пища его так легка, что не погружает в глубокий сон. И трапеза и одежда его умеренны. Монах и бедным и богатым дает дары, он равно щедр для обоих. Хотя целый год носит одну одежду и охотнее пьет воду, нежели вино, но не просит для себя ни большой ни малой милости от богачей, но для бедных он испрашивает многих постоянных милостей, полезных как для дающих, так и для получающих. Таким образом он является общим врачом и для богатого и для бедного, – одного освобождая от грехов добрым наставлением, другого избавляя от нужды. Он раздает дары Духа, освобождает молитвою души, угнетенные тиранством демонов. К ним прибегают и цари в своих нуждах, прося их молитв. Монах носит залог спасения в своей воле, в своей ревности, в своем расположении, по слову Писания: *царствие Божие внутрь вас есть* (Лк.17:21). Смерть для него не страшна; ибо для того, кто презирает богатства, удовольствия и радости, не тяжело разлучиться с этим міром. – Если подвергнется какому-нибудь несчастью, то знает, что по смерти получит бессмертную и вечную жизнь. Монах имеет желателей его благ, подражателей и учеников, старающихся быть подобными ему. По смерти своей монах восхищается на облаках на сретение Христа на воздусех, по примеру Вождя и Установителя сей спасительной жизни и всех добродетелей⁴⁵.

Такими же высокими чертами описывается жизнь древних иноков в истории Руфина. «Видел, – пишет Руфин, – истинно видел сокровище Христово, скрытое в человеческих сосудах. Видел я в Египте отцов, живущих на земле и проводящих жизнь небесную, и новых неких пророков, воодушевленных как добродетелями душевными, так и даром пророчества, о достоинстве коих свидетельствует дар знамения и чудес. В самом деле, почему тем, которые не желают ничего земного, ничего плотского, не получить небесной силы? Некоторые из них

так свободны от всякой мысли о нечестии, что забывают, было ли в мире что-нибудь злое. Таков мир их души, такова их доброта, что истинно об них можно сказать: *мир мног любящими закон Твой* (Пс.118:165). Они обитают в пустыне, разсейянные и разделенные по келлиям, но соединенные любовью. Для того разделяются жилищами, чтобы никакой звук, никакая встреча, никакой праздный разговор не возмущали наслаждающихся покоем безмолвия и священным вниманием ума. Собравши ум, каждый в своем месте, ожидают пришествия Христа, как благого Отца; или как воины в лагере – присутствия Императора, или рабы – прихода господина, обещавшего дать им свободу и дары. Все они не заботятся о пище или о одежде и подобном. Ибо знают, что *всех сих языцы ищут* (Мф.6:32). Они ищут правды и царства Божия; и все сие, по обещанию Спасителя, прилагается им».

«Многие из них, если почувствуют нужду в чем-либо необходимом для тела, не к людям прибегают, но обращаясь к Богу и прося от Него как от Отца, получают просимое. Ибо такова в них вера, что может и горы переставлять. Посему некоторые из них молитвами останавливали стремление волн реки, готовой затопить соседние селения, как посуху переходили по воде, укрощали лютых зверей и совершили многие и безчисленные чудеса, так что нет сомнения, что их добродетелями стоит мир. Особенно удивительно то, что хотя, обыкновенно, все превосходное редко и трудно, – их и по числу много, и по добродетелям они несравненны. Иные живут вблизи городов, другие в деревнях, многие разсейны по пустыне как бы некое небесное воинство, опоясанное на брань, стоящее в лагере, всегда стремящееся к исполнению повелений царя; сражаясь оружием молитв и покрываясь от нападений врага щитом веры, старается приобрести себе небесное царство. Они украшены добрыми нравами, миром, тихи, покойны и связаны союзом любви, как бы неким родством. Они сильно состязаются в соревновании о добродетели. Каждый старается быть снисходительнее, кротче, любвеобильнее, смиреннее и терпеливее другого. Если кто из них был мудрее, то он так прост

со всеми, что, по заповеди, кажется меньшим всех и слугою всех»⁴⁶.

Историк V-го века Созомен называет монашество самым полезным делом, нисшедшем от Бога к человекам. «Это любомудрие (так Созомен называет монашество) наслаждается только добром, и кто удерживается от зла, но не делает добра, того почитает худым; ибо оно не тщеславится добродетелью, но подвизается, почитая людскую славу за ничто. Мужественно противостоя страстям души, оно не уступает ни нуждам физическим, ни немощам тела. Стяжав силу Божественного ума, оно всегда созерцает Создателя всяческих, ночью и днем чтит Его и умилостивляет молитвами и служением. Стремясь благочестно к вере чрез чистоту души и совершение добрых дел, оно презирает очищения, окропления и тому подобное, ибо скверными почитает только грехи. Будучи выше внешних напастей и, так сказать, господствуя над всем, оно не отвлекается от своего избрания ни окружающим жизнь беспорядком, ни нуждою. Обижаемое, оно не ослабевает, терпящее зло – не мстит, угнетаемое болезнью или недостатком необходимого – не упадает в духе; но тем более и хвалится, что, целую жизнь подвизаясь в терпении и кротости и требуя немного, становится, сколько возможно для человеческой природы, ближе к Богу. Смотря на настоящую жизнь как на переход к лучшей, оно не удручается заботами о приобретении вещей и не простирает своего попечения о настоящем далее кратких нужд, но всегда, предпочитая простые и удобоснискиваемые потребности здесь, чает блаженства там и постоянно стремится к тамошнему счастливому жребию. Всегда дыша благоугождением Богу, оно отвращается от безстыдного сквернословия, и что удалило из своей жизни на самом деле, о том не терпит даже и звука. Ограничиваясь немногими естественными потребностями и принуждая тело довольствоваться малым, оно над похотью владычествует воздержанием, неправду наказывает правдою, ложь вразумляет истину, и мерою всего ставит благочиние. Жизнь свою проводит оно в единомыслии и общении с ближними, печется о друзьях и чуждых, делит собственное с нуждающимися,

занимается тем, что полезно для всякого, не возмущает радующихся и утешает скорбящих. Заботясь же о всех и направляя свое попечение к существенному благу, оно здравыми разсуждениями и мудрыми внушениями находит слушателей чуждаться мести и злословия. Будучи свободно от вражды, насмешливости и гнева, беседуя с почтением и скромностью, оно врачует собеседников этим, как бы каким лекарством. Как разумное, оно отрекается от всякого неразумного движения и совершенно властвует над страстями души и тела»⁴⁷.

Другой церковный историк, Сократ, приводит изречение Евагрия: «Надобно верно исследовать жизнь монахов, подвизавшихся прежде нас и по ним усовершать себя; ибо они сказали и сделали много хорошего». Жизнь первого пустынножителя и основателя иночества Антония передана нам Святителем Александрийской церкви – Афанасием. Современники и близкие потомки со вниманием записывали слова, изречения и дела Святых подвижников. Руфин, Палладий, Кассиан, блаженный Иероним, Иоанн Мосх, церковные историки: Сократ, Созомен, Феодорит и другие собирали сведения о древних подвижниках. Жизнь сих подвижников рассказывали как славу и честь Святой Церкви, как назидательнейший пример для подражания и возбуждения к жизни благочестивой. По великому влиянию иноческого сословия на судьбу Святой Церкви история монашества сделалась неотъемлемою частью Церковной Истории. Как непонятна была бы история Церкви в первые три века Христианства без истории мучеников, так непонятна была бы история последующих веков без истории монашества.

Если так велико значение истории монашества вообще, то для Русского иночества изображение жизни древних подвижников иночества имеет особенную важность. Иноческая жизнь в России основана и утверждена иноками Восточными. В основание ея и в руководство положены те же самые правила, которыми руководствовалось монашество на Востоке. В жизни Восточных подвижников Русское иночество всегда искало поучительных примеров для своей жизни; им стремилось

подражать; их душеспасительные писания всегда были источником, в котором почерпало Русское иночество наставления для себя, пищу для своей души.

Правда, что жизнь каждого знаменитого подвижника известна православному Русскому иночеству, и их писания у многих содержатся в памяти. Посему не новое что-либо предлагается в сем труде, но только собирается воедино то, что разсеяно в разных сказаниях, представляется постепенный ход и развитие иноческой жизни на Востоке. Имея главною целью назидание, Автор не оставлял без внимания и требований ученых.

Происхождение жизни монашеской

Монашество своим появлением и происхождением обязано Христианской религии. Конечно, не без примера была девственная жизнь и в Ветхом Завете. Из примера дочери Иеффаевой мы видим, что девы отказывались от брака и были посвящаемы на служение Скинии. Пророки – Илия, Елисей и другие вели жизнь безбрачную. Пред пришествием Христовым между Иудеями, обитавшими в Египте, образовалось целое общество Ферапевтов, проводивших жизнь безбрачную. Впрочем, общее мнение давало предпочтение супружеству перед жизнью девственном. При чаянии рождения обетованного Искупителя бесплодие супругов Пророки представляли наказанием Божиим (Ис.47:9. Ос.9:12).

Христианство при самом появлении своем отдало предпочтение девству перед супружеством, славу рождения обетованного Искупителя даровавши в награду девству, а не супружеству. Пресвятая Мария Богоотроковица, с трех лет посвященная Богу, и по чистейшей совершеннейшей любви к целомудрию избравшая девственную жизнь, и по рождестве Бога Слова пребывшая Девою, представила Собою совершеннейший образец девства. Размышая о девстве Богоматери, как примере для дев Христианских, Отцы Церкви любили повторять слова Псалмопевца: приведутся Царю девы в след Ея, искренние ея приведутся Тебе; приведутся в веселии и радовании введутся в храм царев (Пс.44:15–16).

Пророка и Предтечу пришествия Христова Иоанна Крестителя, проводившего девственную жизнь в пустыне, покрывавшегося кожаною одеждю и питавшегося суровою пищею, подвижники Христианства считают первообразом иноческой жизни. Девственную жизнь освятил Своим примером и Господь наш Иисус Христос. Благовествуя на земле людям пути спасения, Он, не обязуя к девству всех, указал на него как на совершеннейший образ жизни: суть скопцы, иже скопиша себя царствия ради небесного. Но сей высший род жизни Он представил в удел только тем, которые от Творца природы и

Духа благодати всеосвящающей получили дар воздержания и чистоты. *Не вси вмешают словесе сего*, сказал Он ученикам Своим о жизни безбрачной, но им же дано есть (Мф.19:11). Но хотя высота жизни, которую Сам Господь назвал Ангельскою (Мф.22:30), не для всех доступна, тем не менее сподобившиеся сего дара обязываются быть верными Божественному призванию. *Моги вместили да вместиит*, сказал Господь о девственной жизни (Мф.19:12). Не обязывая никого к совершенному отречению от мира, Спаситель указывает на совершенную нестяжательность как на дело высшего совершенства: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и дажь нищим* (Мф.19:21). Желающим последовать Ему Он повелевает искать прежде всего царствия Божия и правды его (Лк.12:31), Отвергнуться себя, взять крест свой и идти в след Его (Мф.16:24). Таким образом, не обязывая никого к отречению от связей семейных и гражданских, Спаситель указывает на девство – на отречение от своей воли и имущества, на жизнь, исключительно посвященную исканию Царства Небесного, как на высшую степень Христианской жизни.

Друг и наперсник Христов Иоанн Богослов писал в своем послании: *не любите мира, ни яже в мире, яко все, еже в мире, похоть плотская, похоть очес, и гордость житейская* (1Ин.2:15–16). Сия заповедь, обязательная для всех, более достигается в жизни иноческой. Иночество стремится подавить похоть плоти – обетом целомудрия, похоть очес – обетом нестяжательности и гордость житейскую – обетом послушания.

Созерцая славу горного Иерусалима, Св. Иоанн Богослов видел и особую честь, возданную девству. И взглянул я, пишет он в откровении, и се Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у коих имя Отца Его написано на чelaх (Откр.14:1). Он слышал песнь, которую пели пред престолом; и никто не мог научиться песни сей, кроме сих ста сорока тысяч, искупленных с земли. Эти старцы суть девственники, не познавшие жен. Они идут за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они куплены от людей, как первенцы Богу и Агнцу. И на устах их нет лукавства; они непорочны пред престолом Божиим (ст. 2–5).

Апостол Павел пишет к Коринфянам: *добро человеку жене не прикасатися (1Кор.7:1)*. Он желал, чтобы все Христиане подобно ему соблюдали девство: *хощу, да еси човецы будут якоже и аз. Глаголю же безбрачным и вдовцам: добро им есть, аще пребудут якоже и аз (ст. 8)*. Он указывал на превосходство жизни безбрачной пред супружескою как в отношении к тесным обстоятельствам времени (ст. 26), так и к совершенству Христианскому: *не оженивыйся печется о Господних, как угодити Господеви: а женивыйся печется о мірских, как угодити жене. Разделися жена и дева. Непосягшая печется о Господних, како угодити Господеви, да будет свята и телом и духом: а посягшая печется о мірских, како угодити мужу (ст. 32–34)*. Впрочем, Апостол заповедал, чтобы каждый в выборе того или другого состояния сообразовался с своим духовным дарованием. *Кийждо, писал Апостол, свое дарование имать от Бога, ов убо сице, ов же сице (ст. 7)*. Избрание девственной жизни он признает добрым тогда, когда оно совершается по непринужденному расположению сердца, по свободной решимости воли. *А иже стоит твердо сердцем, пишет Апостол, не имый нужды, власть же имать о своей воли, и разсудил есть в сердце своем, блюсти деву свою, добрे творит (ст. 37)*. Потому, прибавляет Апостол, хорошо делает и тот, кто отдает дочь свою замуж, и еще лучше делает тот, кто не отдаёт её (ст. 30).

При обилии даров духовных в первенствующие времена Христианства и общей ревности к высоким подвигам не могут не встречаться примеры девственной подвижнической жизни. Многие, родившись в Христианстве, с юных лет избирали жизнь девственную, проводили все время в посте и молитвах, раздавали имение свое на дела Богоугодные, нераздельно посвящая жизнь свою Господу, и таким образом были совершенными иноками прежде появления иночества. Таковы были некоторые из учеников Христовых.

Св. Иаков брат Господень, посвященный Богу от чрева матери, до конца жизни сохранил девство, не вкушал ни вина, ни мяса, не намащал тела своего елеем; колена его от частых преклонений в молитвах к Богу за себя и за других покрыты

были наростами⁴⁸. Всеобщее предание Церкви называет девственником возлюбленного ученика Христова Иоанна, усыновленного Преблагословенной Деве Искупителем с креста⁴⁹. Девственником называют Отцы Церкви и брата Иоаннова Иакова⁵⁰. Апостол Павел сам дает свидетельство о своем девстве (1Кор.7). Его возлюбленные ученики – Тимофея и Тит не налагали на себя брачных уз, чтобы всецело служить Богу⁵¹; ученица Павла Фекла, разделявшая труды Апостольского служения, была девственницею⁵². Дщери диаконов Иерусалимской Церкви, Филиппа и Николая, пребыли девственницами⁵³.

Стремление к девственной жизни так было сильно в первенствующие времена Христианства, что нужно было ограничивать даже эту ревность и защищать святость брака. Из послания Апостола Павла к Коринфянам (1Кор.7) можно заключить, что некоторые почитали обязанностью не только всем безбрачным оставаться в таком состоянии, но и вступившим в брак разлучаться (ст. 1). Чтобы исправить это заблуждение, Св. Апостол находит Коринфян, что девство не есть непременная обязанность Христианина, но произвольный подвиг.

Можно думать, что подобные мысли явились не у одних Коринфян. Апостол Павел защищает важность брака и в послании к Ефесеям (гл. 5, 22–33) и в послании к Тимофею (1Тим.4:2–3). Ученик Апостольский Св. Игнатий Богоносец также писал к одному Пастырю: не возлагай ни на кого ига девства, ибо не безопасно сие стяжение и не легко сохранить его, когда бывает сие по принуждению⁵⁴. К Св. Поликарпу, Епископу Смирнскому, он также писал: если кто может пребывать в чистоте, да пребывает, но без тщеславия. Если же кто хвалится, то погиб; а если хочет быть уважаем более нежели Епископ, то совершенно погиб⁵⁵. В правилах Апостольских мы находим также постановления, ограничивающие неумеренную ревность о девстве и подвижничестве (Пр. 5, 51). Но запрещая женатым клирикам удалять от себя жен, правила Апостольские не запрещают ради подвижничества удаляться от брака, вкушения мяса и вина (Пр. 51).

В постановлениях Апостольских яснее излагается учение о девстве: о девстве повеления мы не получили, но предоставляем его свободе желающих, как обет. Об одном только напоминаем, чтобы не давали обета легкомысленного. Ибо Соломон говорит: *благо, еже не обещаватися, нежели обещавшуся не воздати* (Еккл.5:4). И так дева да будет чиста душою и телом, как храм Божий, как дом Христов, как обиталище Духа Святого. Давши обет надлежит творить дела достойные обета, доказать, что обет сей есть истинный, дан по ревности к благочестию, а не в укоризну браку⁵⁶.

Все эти советы и предписания о чем ином свидетельствуют, как не о том, что ревность к девственной жизни, стремление к высшим подвигам так были сильны, что многие считали подобную жизнь не делом произвола, но непременною обязанностью всякого Христианина? Климент Римский действительно свидетельствует, что между Христианами Коринфскими было много подражателей девственной жизни Апостола Павла⁵⁷. По свидетельству Блаженного Иеронима и Св. Епифания, Климент писал окружные послания к девственницам и в сих посланиях изрекал все, что можно сказать о девстве⁵⁸.

Из приведенных нами слов Св. Игнатия к Поликарпу видно, что девственники пользовались в Церкви особым уважением⁵⁹. Св. Поликарп называет их жертвениками Божиими и в своих наставлениях ставит их наряду с клиром церковным (Флп.4). В постановлениях Апостольских предписывается, чтобы подвижники причащались Св. Таин непосредственно после клира⁶⁰.

Принимая на себя девство по обету, посвящая жизнь свою исключительно на служение Богу и составляя особый класс в обществе верующих, подвижники первых времен Христианства были то же, чем были после иноки⁶¹.

Посему, не напрасно предание начало монашества возводит ко временам Апостольским⁶²; Евсевий старается доказать, что Ферапевты, жившие в Египте, около Мареотидского озера, были девственники и девственницы

Христианские, проводившие всю жизнь свою в посте, молитвах, вдали от общества людей⁶³.

В самом деле, свидетельство Филона о Ферапевтах как подвижниках Иудейских было первое и последнее. Весьма вероятно, что ещё в Апостольский век Ферапевты приняли Христианство и их подвижничество освятилось новой религией.

Зашитники Христианства пред язычниками указывали на девственников и девственниц как на живой пример святости Христианской нравственности. Св. Иустин Мученик писал: весьма многие у нас того и другого пола, сделавшись учениками Христовыми еще в детстве и достигши теперь шестидесяти или семидесяти лет, пребывают в девстве. И я готов указать таких людей повсюду⁶⁴. Афиногор также говорит: среди Христиан между мужчинами и женщинами много можно найти таких, которые до глубокой старости пребыли безбрачны, находя в сем состоянии более удобства угодить Богу⁶⁵. Минуций Феликс говорит: весьма многие у нас соблюдают навсегда девство, не тщеславясь тем пред другими⁶⁶. Ориген писал: у Христиан можно найти людей, для которых достаточно одного слова Божия, чтобы, отринув от сердца всякую похоть, служить Богу молитвами. Подвижницы Христианские соблюдают совершенное девство не для почестей людских, не для наград и денег и не для пустой славы⁶⁷.

Посмотри на сестер наших, писал Тертуллиан к жене своей, которых имена у Господа; невзирая ни на красоту, ни на возраст, они предпочитают святую чистоту супружеству, хотят лучше быть невестами Божиими, для Бога прекрасными девами. С Ним живут они, с Ним беседуют, с Ним обращаются день и ночь, приносят молитвы свои к Господу, как вено; от Него удостаиваются милостей, когда ни захотят, как бы от супруга. Они навсегда приобрели себе благого Господа и на земле уже по безбрачию причисляются к лицу Ангельскому. Сколько таких, которые прямо после крещения посвящают плоть свою чистоте! Сколько таких, которые, по взаимному согласию, пресекают супружеские отношения – произвольные скопцы ради царства небесного!⁶⁸

Во второй половине 3-го века Св. Мефодий, Епископ Тирский, прославлял девство в особом сочинении; пир десяти дев. Он представляет здесь собрание дев у Ареты; они разсуждают о превосходстве девства, раскрывают, в чем оно состоит, и заключают беседу молитвою к Богу⁶⁹.

«Велико, выше природы, чудно и славно девство! Это – питие, которое источается не землею, но небом. Господу предоставлено было преподать сие учение людям: поскольку Он один, пришед на землю, научил человека возноситься к Богу; Архиерею и Главе Пророков и Ангелов прилично именоваться и главою девственников. Ветхозаветные не могли ещё вместить девства. Сколько велико достоинство девства, можно видеть из того, что число девственников изначала определено ста сорока четырьмя тысячами (Откр.14:3–4). В чем же состоит истинное девство, посвящение себя Богу? «Если уста мои, так говорит о сем одна из дев, буду отверзать для изъяснения Писания, или для того, чтобы православно и достоприлично воспевать Богу, и буду полагать дверь и хранение устам, чтобы не говорить суетного: то чисты уста мои и посвящаются Богу. Если буду заграждать слух от злословия и поношений и отверзать для Слова Божия: то и слух я посвятила Господу... Если чиста я и сердцем, все помышления его посвящаю Господу, не помышляю ни о чем суетном, не живет в нем гордость и гнев, помышляю о законе Господнем день и ночь: то истинно совершаю обет великий, еже очиститься чистотою» (Чис.6:2)⁷⁰.

Не только тело должно соблюдать нерастленным; нужно заботиться и о душе и украшать её праведностью. А сие достигается, когда душа чисто внимает Слову Божию, прилепляется к Нему и дотоле не престает приходить к дверям мудрых, доколе не достигнет Того, Кто есть самая Истина⁷¹.

Указывая на славу небесную, ожидающую отрекшихся от мира, одна из девственниц говорит: вот наше таинственное торжество, прекрасные девственницы! Вот награда за чистый подвиг целомудрия! Обручаюсь Слову и приемлю в дар вечный венец нетления и богатство от Отца; возложив венец на главу, украшаюсь светлыми и неувядаемыми цветами мудрости. Хожу

со Христом, воздающим награду на небеси окрест безначального и бессмертного Царя; становлюсь свещеносицею неприступных светов и воспеваю новую песнь с лицом Ангелов, возвещая новую благодать Церкви⁷².

Свой пир девы заключают песнью к Небесному Жениху: Забыла я родителей, возжелав Твоей благодати, Слове (Пс.44:11). Забыла лики сверстниц дев, забыла то, что мною хвалились бы мать и сродники. Ты стал для меня всем, Христе. Тебе посвящаю себя чистою и с светильником светоносным сретаю Тебя, Женише!

Предтеча Твой, омывавший в струях очистительных множество земнородных, беззаконно ведется мужем нечестивым на заклание за чистоту. Окропляя же прах кровью Свою вопиет Тебе, Блаженный: Тебе посвящаю себя чистым и со светильником светоносным, сретаю Тебя, Женише! И мать Твоя, Родительница Жизни, благодать нетленная, непорочная, нося в бессемянной утробе нескверно зачатый плод, будучи Девою, вопияла, Блаженный: Тебе посвящаю Себя чистою и со светильником светоносным сретаю Тебя, Женише!

Блаженный, безначальный, живущий в чистых селениях небесных, все содержащий властью вечною! Се предстоим. Приими и нас, Отче с Сыном Твоим, во врата жизни. Тебе посвящаю себя чистою и со светильником сретаю Тебя, Женише!»

Так прославлял Св. Мефодий девство устами девственниц. Также прославлял девство и Пастырь Карфагенской Церкви Киприан⁷³: «Обращаю слово мое к девственницам, о которых тем более заботлюсь, чем они выше славою. Они суть цветы на древе Церкви, краса и благолепие благодати, торжество природы, целомудренный и непорочный плод хвалы и чести, образ Божий, сообразный святости Господа, лучшая часть стада Христова. Радуется о них Церковь, и в них изобильно процветает славное плодоношение сей Матери, и чем более увеличивается многочисленное сословие девственниц, тем более умножается радость матери».

Но чем выше девство, тем оно труднее, тем более искушений от плоти и мира для отрекшихся от похотей плоти и

мира. Посему Св. Киприан заботливо предостерегает девственниц от всех соблазнов, он внушает им презирать украшения в одеждах, употреблять свое богатство на дела Богоугодные, не выходить в публичные собрания, удаляться от мирских удовольствий. «К сим-то девам, продолжает он, – я говорю, их увещеваю не столько по власти, сколько по сердечному к ним расположению, увещеваю не потому, будто бы я, меньший и нижайший из всех, забывая свою слабость, хотел присвоить себе какую-то решительную власть над их свободою, но потому, что я боюсь нападений врага. И не напрасно сие опасение, не тщетен страх; он ведет на путь спасения и ведет к сохранению животворных заповедей Господа, дабы девы, которые посвятили себя Христу и, отказавшись от плотских похотей, по плоти и по духу предали себя Богу, совершили надлежащим образом дело свое, за которое уготованы великие награды; дабы не думали уже украшать себя и не старались быть кому-либо угодными, кроме своего Господа, от Которого ожидают и награды за свое девство. Если Христос от своих последователей требует воздержания, девству назначается Царство Небесное: то что девам в земных нарядах и украшениях? Утешаясь тем, что оными можно понравиться людям, они оскорбляют Бога. Воздержание и целомудрие состоит не в одной непорочности плоти, но и в скромности одежд и в целомудрии украшений, чтобы, по Апостолу, непосягшая была свята и телом и духом. Дева не только должна быть девою, но надобно, чтобы и разумели и понимали её девою, дабы, видя её, никто не сомневался, что она дева. Непорочность должна быть во всем непорочна, и телесная одежда не должна противоречить внутреннему совершенству. Неприлично девственницам украшать свое лицо, или величаться красотою тела: ибо нет для нас никакой браны труднее, как брань с плотью и телом, которое должны они укрощать и побеждать. Роскошная одежда и убранство девственницы свидетельствует о нечистоте ея сердца, возбуждает и в других нечистые мысли. Ты называешь себя богатою; но девственнице неприлично величаться богатством. Истинное богатство составляют блага духовные.

Сим богатством не может обладать та, которая лучше желает быть богатою для века сего, нежели для Христа. Пусть почувствуют бедные и неимущие, что ты богата. Давай взаймы Богу из этого стяжания, питай Христа; умоляй чрез молитву многих, чтобы приобрести тебе славу девства и достигнуть награды от Господа. Чистые девы должны гнушаться одеждой безстыдных, украшениями распутных, убранством блудниц».

«Некоторые не стыдятся быть в кругу девиц, выходящих замуж, и, увлекаясь вольностью людей нецеломудренных, вести нескромные разговоры, не стыдятся слушать то, что неблагопристойно, и смотреть на то, о чем не должно говорить. Какая нужда до брака той, которая не хочет вступить в брак? И могут ли удовольствия и забавы иметь место у тех, у которых совсем другие занятия, другие обеты?»

«Тесен и узок путь, ведущий к славе. Убегайте широких и пространных путей: утехи там гибельны, удовольствия смертоносны. Первый сторичный плод – есть плод мучеников, второй шестидесятый – ваш (Мф.13:8). Как мученик не думает о плоти и мире, не имеет с ними ни малейшего общения: так и в вас, которые занимаете второе место по награде славы, добродетель должна быть близка к терпению мученическому».

«Помните, о девы, помните, чем вы быть начали, и чем будете. Вас ожидает великая награда добродетели, величайшее воздаяние непорочности. Хотите ли знать, какого бедствия нет и какое благо есть в добродетели девства? Умножая умножу печали твоя, и воздыхания твоя: в болезнях родиши чада: и к мужу твоему обращение твое и той тобою обладати будет, говорит Бог жене (Быт.3:16). Вы свободны от сего приговора, вы не боитесь свойственных женам печалей и воздыханий; не мужья господствуют над вами; Господин и Глава ваша есть Христос; Он ваш Жених, с Коим вы сочетались однажды и навсегда. Вы уже начали быть тем, чем мы будем: вы уже имеете в сем веке славу воскресения (Лк.20:34–36). Пребывая в чистоте и девстве, вы равняетесь Ангелам Божиим. Надобно только, чтобы девство было постоянное и неврежденное. Надобно украшать себя не ожерельем или одеждами, но добрыми нравами. Дева должна взирать на Бога и на небо; и

горе устремленные взоры не должна она опускать к удовольствиям плоти и мира или обращать к земле. Вы ищите лучших обителей в дому Отца Небесного. Ваше пакибытие более свято и истинно; ибо вы не имеете плотских пожеланий. Вы старшие, – так заключает свои наставления Св. Киприан, – наставляйте младших; вы младшие служите старшим, побуждайте равных себе; возбуждайте друг друга взаимными увещаниями, руководствуйте ревностью к славе, подавая собою примеры добродетели».

Так в словах Св. Киприана высказывалось желание видеть девственниц живущих обществами, в совершенном удалении от мира, вместе с обетом чистоты исполняющих и обет вольной нищеты, в послушании благочестивым руководительницам. Исполнение сего желания осуществилось в иноческих женских обителях.

Во время Киприана и ранее девы большею частью, оставаясь в домах родителей, сохраняли приличествующий обету образ жизни, но иногда жили и в особых обществах. Обеты их освящались молитвами и Епископским благословением⁷⁴. Потому они находились под особенным надзором и попечением Церкви. Многие из девственниц во время гонения запечатлели своею кровью верность Небесному Жениху. Во время гонения Диоклетиана добровольные девственные подвижницы⁷⁵, как их называет Евсевий, подвергаемы были поруганию. Из двух девственниц, явивших мужское терпение в Газе, одна – Валентина – попрала ногами жертвенник языческий и ниспровергла его вместе с огнем на него возложенным⁷⁶. В Кесарии предана была огню Еннафа, украшенная венцом девства. В Истории страданий Св. Феодота Анкирского, описанных очевидцем, упоминается семь девственниц. Приведенные мучителем на поругание, они просили защиты у Господа Иисуса Христа: «Доколе в нашей власти было, молились они, сохранять девство непорочным, Ты знаешь, как ревностно мы блюли его до сего дня»; и усердная молитва соблюла для них нетленным венец девства и подготовила новый венец мученичества⁷⁷. Другая подвижница, Св. Иустина, для сохранения девства жертвуя красотою,

просила покровительства у Пресвятой Девы Богородицы и спасла с собою того, кто хотел обольстить её⁷⁸.

Подвижники – девственники более свободные, чем девы, в избрании подвигов и образа жизни отличались большою строгостью самоотречения и умерщвления плоти. Они жили не только среди общества, но поселялись и в отдельных хижинах невдалеке от города⁷⁹, а иногда удалялись и в пустыне⁸⁰. Во время гонения Диоклетианова они показали особенную твердость в исповедании Христа. Таков был подвижник Петр в Киликии. Тщетно судья и его окружающие убеждали его пожалеть себя, пощадить свою юность, он все презрел, всему и самой жизни предпочитая упование на Бога. Таков был Памфил, муж, как говорит Евсевий, прославившийся с юности устраниением и презрением житейского, раздаянием имущества бедным, пренебрежением мірских надежд, жизнью и подвигами свойственными любомуудрию. Из Египта подвижники приходили поддерживать и утешать мучеников Киликийских и сами безбоязненно принимали мучение⁸¹.

Так, с самых первых времен Христианства до конца третьего века, мы видим непрерывный ряд девственников и девственниц, подвижников и подвижниц. Смутные времена Церкви Христовой, преследуемой язычниками, не давали возможности образоваться житию девственному в правильные и благоустроенные общества. Римское правительство преследовало законами безбрачную жизнь⁸² с подозрением смотрело на всякие вновь возникавшие общества. Девственники и девственницы составляли особый чин в Церкви Христовой, но это не было гласно, не выходило большою частью из круга семейного, в который не проникал надзор Римского Правительства. Основать отдельное общество вдали от городов в уединении девственники не могли, когда законы Римские не всегда терпели их и среди прочих жителей. Да и не было нужды подвижникам в первые века Христианства удаляться от своего общества. Каждое семейство Христиан было семейством подвижников, где единственnoю заботою было только исполнение закона Христова; они избегали сношений с язычниками, не участвовали в их развратных

празднествах и увеселениях, при которых нередко проливалась кровь их же братий по вере; искать далеко поприща для подвигов – не было нужды. Подвиги самого высшего самоотвержения и самоумерщвления представлялись так часто в подвиге мученичества. И этот подвиг не только совершившим его уготовлял венец небесной правды, но служил подкреплением для других и очень часто средством обращения для неверующих. Темница для Христианина, пишет Тертуллиан, была то же, что пустыня для Пророков⁸³.

Но положение Церкви много изменилось тогда, как вера Христианская была объявлена господствующею в Империи. Получив полную свободу в своей жизни и действиях, отправляя государственные должности, Христиане среди Империи, которой жизнь, законы, обычаи, нравы, увеселения – все было проникнуто язычеством, при частых сношениях с самими язычниками, теряли первоначальную чистоту жизни. Когда над Христианами постоянно висел меч гонителей, принимали Христианство только по истинному расположению, а теперь немало было примеров, что одни земные выгоды заставляли вступать в общество Христиан. Посему нечего удивляться, что в членах Церкви Христианской уже не видно той нравственной чистоты, какою ознаменована первенствующая Церковь. «Я сам также, как и вы, – говорил Св. Иоанн Златоуст современным ему порицателям монашества, – и даже более, нежели вы, желал бы, чтобы не было нужды убегать в пустыни. Но поскольку здесь все извращено, и самые города, несмотря на судилища и законы, полны нечестия и пороков, и только пустыня приносит богатые плоды любомудрия: то по всей справедливости следовало бы порицать не тех, которые желающие избавляют от такой бури и смятения и вводят в тихую пристань; но тех, которые каждый город сделали до того недоступным и неспособным для любомудрия, что желающие спасения должны удаляться в пустынью. Скажи мне: если бы кто в глубокую полночь взявши огонь поджег большой дом, наполненный людьми, чтобы истребить спящих, кого бы мы стали обвинять – того ли, кто разбудил бы спящих и вывел их из дома, – или того, кто произвел пожар и привел в такую

крайность, как находящихся в доме, так и выведшего их из огня»⁸⁴.

Но в руце Господни власть земли, и потребного воздвигнет во время на ней (Сир.10:4). И явление монашества есть одно из благодеяний Божественного Промысла для Церкви, особенно благопотребных, тогда как жизнь общественная не сообразовалась с началами жизни Христианской. Для всех Христиан открылся безопасный приют для благочестивой жизни, огражденный от искушений и соблазнов мира; для ревнителей высшего совершенства, указанного в Евангелии, обширное поприще для подвигов самоумерщвления. Новый вид добровольного мученичества в отсечении своей воли, в истреблении страстей и нечистых помыслов, в постоянном очищении ума и сердца, в ежедневном приношении себя Богу в жертву чистую и живую. Сонм иноков был сонм мучеников, ежедневно умиравших для Христа.

Иноческая жизнь, начавшаяся в четвертом веке, есть как бы продолжение подвига мученического. Что в первые три века совершили мученики, то в четвертом столетии довершили иноки – эти новые мученики. Как страданиями и терпением тех возбуждались вера и нравственность первенствующих Христиан, так строгими подвигами отшельников возбуждались к благочестивой жизни верующие. Как твердость мучеников сокрушила силу язычества, так пример отшельников разрушил остальные храмы. Как из радости, с какою мученики шли на страдания, открывалась сила Христианства, так из готовности, с какою иноки отвергались всех удовольствий плоти и мира, открывалась сила учения Христова.

Для мира Христианского иноки были тем же, чем были мученики в первенствующие времена, – живым свидетельством святости Христовой веры, образцом чистейшей нравственности, побуждением и подкреплением для колеблющихся, орудием обращения для неверных.

И какое чудное поразительное зрелище представляет это изумительное распространение монашества при его начале! Египет, где язычество искало себе главной опоры, где суеверие и идолопоклонство достигло высшей степени, – представил

такой сонм иноков, что в пустыне было не менее жителей, чем в городах. Ревность к иноческой жизни, как будто быстрый, сильный поток, доселе сдерживаемым в своем течении, разорвал преграду и стремится наводнить всю страну. Подобно плодотворному и обожаемому некогда Нилу, монашество разлилось по всему Египту и дало ему плодоносие не земных, но небесных плодов. «Не столь светло небо, испещренное сонмом звезд, – беседует Св. Златоуст, – как пустыня Египетская, являющая повсюду иноческие кущи. Кто знает древний онъи Египет богоуборный, беснующийся, – раба каких-нибудь животных, страшившегося и трепетавшего пред огороженным луком, тот вполне уверится в силе Христовой. Египетская пустыня лучше рая; там увидим в образе человеческом безчисленные лики Ангелов, сонмы мучеников, собрание дев; увидим, что все тиранство диавольское ниспровергнуто, а царство Христово сияет; увидим, что Египет, некогда матерь и стихотворцев и мудрецов и волхвов, изобретший все виды волхвования и передавший оные другим, теперь хвалится Крестом»⁸⁵. Где искать объяснения сего явления неповторяемого в истории иночества? Видно, что стремление к иноческой жизни давно зрело в Египте и только нужен был случай к обнаружению сего желания. Можно находить объяснение сего явления в особой силе слова Евангельского в Египте. «Нигде, – говорит Евсевий, – слова Евангельского учения, ни над кем не явили столько своей силы, как в Египте»⁸⁶. Много способствовал степенный, всегда полный мысли о будущей жизни характер Египтян. «Меланхолический и торжественный вид природы Египта, – пишет благочестивый Русский путешественник, – вечно ясное небо, строгий характер пирамидального зодчества, ужасное разрушение зданий гигантских, превышающих силы человека, столько великого, столько славного в прахе, и наконец куда ни взглянем, везде поразительное исполнение пророчеств, – все это невольно приводит к жизни созерцательной человека мыслительного»⁸⁷.

Наконец, весьма много значил пример дивной жизни первых подвижников и основателей иночества, каковы были Антоний и Пахомий, Аммон, два Макария и другие, изложением жизни

которых мы и должны начать историю монашества. Их постоянство, терпение, добродетели, чудеса, ими совершаемые, увеличили стремление к иноческой жизни.

**Антоний Великий, основатель иноческого
отшельнического жития; Пахомий
Великий, учредитель общежития
иноческого; Женские иноческие обители в
Египте.**

Преподобный Антоний Великий, основатель монашества⁸⁸.

Преподобный Антоний родился в среднем Египте, в селении Кома, близ Гераклеополя великого⁸⁹ в 251 г., от благородных и благочестивых родителей. Желая сохранить в чистоте сердце сына своего, родители Антония не позволяли ему никуда отлучаться из дома, кроме Церкви. Потому Антоний не получил ученого образования. Но, по словам Афанасия, он дома внимал чтению, и душеспасительным чтением укреплял в себе любовь к благочестию и страх Божий. Двадцати лет он сделался сиротою, лишившись отца и матери, и должен был принять на себя попечение о малолетней сестре. Но заботы домашние не ослабили в душе Антония ревности к благочестию. Он находил всегда свободное время для того, чтобы присутствовать при Богослужении в храме. Однажды идя в храм, он размышлял о том, как Апостолы, оставив все, последовали за Спасителем, как первые Христиане полагали к ногам Апостолов все, что имели. С такими мыслями он вошел в храм и услышал слова Евангелия: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и дажь нищим: и имети имаши сокровище на небеси* (Мф.19:21). Антоний в сих словах услышал голос с неба, относившийся к нему. Возвратясь домой, он немедленно продал свое имущество и раздал его нищим, оставив для содержания сестры небольшую часть. Но услышав в другой раз в церкви слова Спасителя: *не пецытесь на утрей* (Мф.6:34), Антоний раздал нищим и оставшееся у него и, поручив сестру свою знакомым и благочестивым девам, сам решился вдали от мира подвизаться для единого Бога.

Так совершилось призвание Антония к иноческой жизни – призвание непосредственное, Божественное. «Ибо, – говорил Авва Пафнутий, – первое побуждение к обращению принял он от Самого Бога, услышав слова Евангелия о самоотвержении (Лк.14:26) и об отречении от имущества (Мф.19:21); в величайшем сокрушении сердца он принял сие наставление так, как бы оно относилось единственно к нему, и тотчас

оставив все, последовал Христу без посредства убеждения и учения человеческого»⁹⁰. Подобно другим подвижникам, Антоний поселился сначала вблизи селения и отдался под руководство одного благочестивого подвижника – старца, с юности проводившего уединенную жизнь. Он посещал и других отшельников, как умная пчела, по словам Афанасия, унося с собою драгоценнейшую пищу – то, что находил лучшего и совершеннейшего в их образе жизни. Потом он поселился один подальше от селения, заключившись в гробнице, как живой мертвец. Пищею его был хлеб с солью, а питием вода, и то он вкушал однажды в день по заходлении солнца, а иногда через два дня и даже через четыре дня; одеждой его была грубая власяница, ложем сухой тростник, а иногда и голая земля. Пропитание себе добывал Антоний рукоделием, которое брал у него благочестивый мірянин и взамен того приносил пищу. «Изведав, – говорит Созомен об Антонии, – что благая жизнь от привычки делается приятною, хотя в первый раз бывает и трудна, он придумывал способы подвижничества все строже и строже, с каждым днем становился воздержнее, и, как бы всегда начиная, придавал живую силу рвению. Телесные удовольствия обуздывал трудами, против страстей души вооружался Богомудрою решимостью»⁹¹.

Много искушений перенес Антоний в первые годы своей подвижнической жизни. Часто в душе его возникала мысль о трудности и суровости отшельнической жизни и о тех удовольствиях, которые соединены с богатством и славою мірскою. Иногда возникали нечистые пожелания плоти и вочных видениях являлись искушительные образы. Но пламенною любовью к Богу, строгим постом и бдением он очищал свое сердце и в начале отражал прилоги врага. Чем мужественнее был Антоний в постигавших его искушениях, тем более усиливались против него нападения врага спасения. «Сколько раз, – так рассказывал сам Антоний своей братии для назидания, – сколько раз грозные демоны в виде скорпионов, лютых зверей и змей окружали меня и наполняли жилище мое, точно готовые на брань воины, а я пел: сии на колесницах и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего возвеличимся, и

тотчас они, по милосердию Божию, обращались в бегство. Однажды они в ярком свете явились ко мне и сказали: мы пришли, Антоний, сообщить тебе свет наш. А я закрыл глаза, так как гнулся смотреть на свет дьявольский, помолился, и немедленно исчез свет лукавый. Потом когда они пели передо мной Псалмы и разсуждали между собою о Писании: аз яко глух не слыхах. И когда они потрясали мою храмину, я спокойно возсылал молитвы к Господу. Часто злые духи производили шум около меня, часто скакания, часто свист; я пел Псалмы, а их крики обращались в стоны и рыдания. Поверьте, чада мои, тому, что скажу вам. Однажды я видел дьявола в образе высочайшего человека, который, дерзнув назвать себя Провидением и Силою Божественною, сказал мне; чего хочет от меня Антоний? Я плонул ему в лицо, устремился на богохульца, и тотчас этот великан исчез. Когда я постился, он предстал мне с хлебами и так склонял меня к принятию пищи: и ты человек и также обложен немощью, вкуси сей пищи и отдохни немного от трудов, чтобы не сделаться больным. Я узнал в сем соблазнительный образ змия, и когда прибегнул к защите Христовой, он исчез из окна, как дым. Нередко покушался он прельщать меня златом, которое для того и приносил, чтобы или обольстить мои глаза, или осквернить мои руки. Не умолчу и о том, что часто демоны поражали ударами мое тело, а я пел: *никто же разлучит от любви Божия, яже о Христе Иисусе*⁹². Эти слова Антония знакомят нас с многоразличными искушениями, которым подвергался он, с тою тяжкою борьбою, какую он вытерпел.

Однажды приносивший Антонию пищу нашел его почти мертвым от множества ран, нанесенных ему рукою врага. Он взял Антония из гробницы и перенес в дом одной благочестивой вдовы. Все знавшие Антония думали, что он умер. Пришед в себя, ночью он попросил брата опять отнести его в гробницу, и там, не имея сил стать на молитву, он лежа призывал Господа на помощь. Во время молитвы Господь Своим явлением утешил подвижника, и он почувствовал себя здоровым. «Где ты был, благий Иисусе? – воззвал к Явившемуся Антоний. – Пото в начале не пришел Ты прекратить мои страдания? «Антоний! Я

был здесь, – сказал Господь, – и ждал, доколе не увижу Твой подвиг; добрे ты подвизался, Я всегда буду твоим помощником и соделаю имя твое славным повсюду».

Проведши около пятнадцати лет подвижнической жизни вблизи селения, утвердившись в духовной жизни долгим рядом искушений, Антоний, давно жаждавший совершенного уединения, где бы никто и ничто не нарушало его безмолвия, начал склонять своего старца – наставника удалиться с ним в пустыню. Но преклонные лета сего подвижника и необычайность для того времени намерения Антония заставили отказаться от сего предложения. Антоний, имея от роду тридцать пять лет⁹³, в 285 году, оставив обитаемые места, перешел Нил и на восточном берегу его⁹⁴, в запустевшем укреплении⁹⁵ избрал себе место для жительства.

Так описывает это пустынное жилище Антония один из современных нам Русских путешественников: «Приближаясь по Нилу к живописной горе Джебелуль-Тейр, мы искали вдоль отвесных скал места для приступа – но напрасно. Копты нас увидали и знаками рук показывали на северный мыс горы. После дальнего обхода мы пристали к низменным скалам. Подымаясь на берег, я заметил несколько полуобтесанных гранитных камней. Достигнув до высоты горы, я увидал живописные и обширные каменоломни. Я начал обходить линию каменоломен, но, не видя им конца, принужден был от усталости возвратиться; они представляют самые живописные виды. Через полчаса езды от каменоломен, по безжизненным скалам, достигли мы наконец монастыря. Мы спустились на несколько ступеней в глубину пещеры, изсеченной в скале, где, как сказывают, жил Антоний, и тут теперь устроена подземная Церковь, имеющая около 20-ти аршин квадратного пространства. Какой вид открывается с береговых скал на края страшной пропасти! Нил между двумя лентами яркой зелени лугов и пальмовых рощей изливается по неизмеримому пространству в обе стороны. С запада горизонт исчезал в необъятной пустыне Ливийских песков, а с востока от самого монастыря хребты безжизненных гор с песочными насыпями тянутся к берегам Черного моря. Кругом монастыря

мертвенность неизобразимая – здесь нет ни одного растения, ни одного источника, монахи достают воду дальним обходом с Нила, или спускаясь с большою опасностью с отвесных скал»⁹⁶.

Здесь вдали от всех людей, без наставника и сотрудника Антоний прожил около двадцати лет. Чего не вытерпел он в продолжение этого времени? «Поистине, – говорит Святой Афанасий, – достойно удивления, что один человек, живя в дикой пустыне, не боялся ни ежедневных нападений дьявола, ни свирепости безчисленных зверей, ни вреда от пресмыкающихся животных»⁹⁷. Часто приходилось ему терпеть голод, жажду, холод и зной. Чем он был свободнее от внешних соблазнов, тем более духовная борьба его сосредоточивалась внутри – в области помыслов. «Кто живет в пустыне, – говорит сам Антоний, – тот свободен от трех искушений: от искушения слуха, языка и взора: одно только у него искушение – в сердце»⁹⁸. Уединенная жизнь не спасает совсем и от искушения плоти. «Есть в теле, говорит Антоний, движение естественное прирожденное ему, но оно не действует, когда душа не хочет. Есть и другое движение, происходящее от питания и разгорячения тела пищею и питием. В подвижниках бывает еще иное движение, которое происходит от коварства и зависти демонов»⁹⁹. Иногда сомнения колебали его душу, – сознавая чистоту своих стремлений и представляя множество скорбей и искушений, которым подвергался, Антоний спрашивал Бога: Господи! для чего одни умирают в молодости, а другие живут до глубокой старости? для чего одни бедны, а другие богаты? для чего нечестивые богаты, а благочестивые бедны? Но Господь не оставлял верного раба Своего. Он услышал голос: Антоний, себе внимай! А то – суды Божии, и тебе нет пользы испытывать их¹⁰⁰. Но искушения иногда до того доводили подвижника, что он впадал в уныние и обуреваемый помыслами недоумевал, что делать ему, дабы спастись. Господи! взывал он, я хочу спастись, и помыслы не дают мне. Что мне делать в своей скорби? Как спастись? Произнесши сию молитву, Антоний пошел по пустыне, и вот видит кого-то похожего на себя, который сидел и работал, потом встал из-за работы и молился; после опять сел и вил веревку; далее опять встал на молитву.

Это был Ангел Господень, посланный для наставления и подкрепления Антония. И Ангел сказал ему вслух: и ты делай так – и спасешься. Услышав сие, Антоний обрадовался и ободрился. Стал так делать, и спасался¹⁰¹. Упражняясь днем в рукоделии, ночи Антоний любил проводить в молитвах. Солнце, говоривал он при восхождении его, зачем ты хочешь развлечь мои мысли своими лучами, тогда как ты должно бы восходить для того, чтобы подкрепить меня сиянием истинного света¹⁰².

В течение двадцати лет подвижничества уединение Антония только на краткое время было нарушаемо усердными посетителями. Заградивши вход в свою пещеру, он только через малое отверстие беседовал с приходившими. Но настало время, когда он должен был сделаться отцом и руководителем для других. Нельзя не остановиться с благоговейным вниманием при созерцании тех путей, которыми Промысл приготовлял Антония в наставника и руководителя иночествующих. Предъизбранный и призванный Самим Богом в наставника иноков, Антоний прежде прошел все степени духовной жизни, чтобы мог образоваться из него превосходный руководитель душ. Сначала он поступил под руководство старца, в качестве ученика, чтобы научиться быть учителем. Долгое время жил он в неизвестности для того, чтобы иметь возможность безопасно образовывать и усовершать себя. Он испытывал искушения, чтобы знать, как помочь другим – бороться с ними. Тридцать пять лет подвизался он непрестанно молясь, борясь, умерщвляя себя, чтобы научить нас никогда не торопиться налагать бремя на других и показать, что великое дело служения спасению душ требует приготовления деятельным упражнением в добродетелях и уединением, – без чего легко сделаться жертвою неблагоразумной и самонадеянной ревности.

Усиленные просьбы многих ревнителей благочестия, желавших под руководством Антония подвизаться для Бога, заставили его оставить свое затворничество. «Можно ли описать, – говорит Афанасий, – с какою радостью народ узрел лицо, цветущее, к удивлению всех, свежестью и красотою? Толпами стал стекаться к нему народ, когда он открыл к себе

доступ. Чудодейственной силой веры он врачевал, а словом своим утешал печальных, учил неразумных, укрощал гневливых, внушал всем любовь ко Иисусу предпочтить всему. Он представлял величие будущих благ, безконечное милосердие Божие, не пощадившее для спасения нас Своего Единородного Сына. Слово Антония, солью растворенное, столь сильно действовало на сердца приходивших к нему в пустыню, что многие из них, презрев жизнь мірскую, тут же решались проходить вместе с Антонием пустынническую жизнь». Антоний открыл к себе доступ в то время, когда в Египте, как и в других странах Востока, свирепствовало жестокое гонение Диоклетиана. Как ни любил Антоний свою пустыню, но участие к страданиям гонимых за святую веру превозмогло его любовь к уединению. Поспешим, говорил он, к славному торжеству наших братий, дабы или с ними сподобиться мученического венца, или по крайней мере посмотреть на их победу. Он пришел в Александрию. Не имея доступа к темницам заключенных, он пред судищем своими увещаниями подкреплял исповедников веры в мужестве и твердости, указывая им на будущее блаженство. Своими словами он проливал отраду в сердца их и в предсмертные минуты их жизни. Он сам рассказывал после Исидору пресвитеру, странноприимцу Александрийской Церкви, о мученичестве блаженной Потамины, как сладострастный господин предал её в руки мучителя, чтобы страхом мучений склонить к удовлетворению своего нечистого пожелания. Мужественная дева лучше желала сгореть с смолою вскипяченной, нежели лишиться невинности, вместе умоляла лучше медленно опускать её в котел, нежели, обнажив, ввергнуть в него вдруг¹⁰³. Судья, удивляясь неустранимости Антония и бывших с ним, дал повеление, чтобы никто из монахов не являлся на судилище и совсем не жил в самом городе. Многие из монахов удалились из города. Но безтрепетный Антоний на другой день встал на возвышенном месте, прямо перед глазами судьи, когда он в сопровождении воинов шел на судилище. «Антоний, – говорит Афанасий, –

желал и сам мученичества, но Господь сохранил сего мужа для нашего и общего для всех блага»¹⁰⁴.

Возвратясь в свою пустыню, Антоний около себя собрал сонм другого рода мучеников – мучеников подвижничества. Постоянно возраставшее число учеников Антония дошло до того, что безлюдная доселе пустыня походила как бы на город, где пребывали правда и благочестие. Одни из пустынников жили вместе и таким образом составляли общину; другие разселились по пещерам и жили отшельниками. Но все они были под руководством великого Антония, который не переставал одушевлять их ревность своею бдительностью, увещаниями и примером. Святой Афанасий не иначе, как с восторгом удивления говорит о монастырях Антония. «На горах, – пишет он, – были монастыри, которые, как храмы, наполненные Божественными ликами, были наполнены людьми, жизнь которых проходила в пении Псалмов, в чтении, молитвах, посте и бдении, – людьми, которые всю надежду полагали в благах будущих, которые жили в единении и удивительной любви, и трудились своими руками не столько для прокормления себя, сколько для пропитания бедных, так что это была как бы обширная страна, совершенно отдельная от мира, счастливые обитатели которой не имели другой цели, кроме той, чтобы подвизаться в правде и благочестии. Они не знали ропота и прекословия, они не знали желания делать зло другим, они только соревновали, чтобы предварить друг друга в добродетелях. Всякий, смотря на них, мог сказать: коль добри доми твои Иакове и кущи твоя Израилю, яко дубравы осеняющие и яко садие при реках и яко кущи, яже водрузи Господь». Так описывает Афанасий первые монастыри Святого Антония.

Антоний не давал внешних правил для жизни иноческой, он заботился главным образом о внушении живого благочестия своим ученикам. Когда братия стала просить у Антония устава для жизни, он предложил им поучение, замечательное по простоте и глубокой опытности.

«Для познания всех правил жизни, – сказал Антоний, – достаточно Священного Писания. Но великую пользу принесет и

то, если братия будут соутешаться взаимными поучениями. Посему вы мне, как отцу, говорите, что знаете, а я вам, как детям, поведаю многолетние опыты. Да будет первым и общим для всех правилом не ослабевать в предпринятых подвигах, но постоянно, как бы начиная, приумножать доброе стяжение; ибо настоящая жизнь очень кратковременна в сравнении с вечностью. В здешней жизни между людьми обмен бывает равный. Но будущая жизнь обещается нам за дешевую цену. За восемьдесят, много за сто лет жизни обещается царство бесконечное, блаженство вечное. Итак, чада, не предавайтесь унынию или тщеславию; ибо *недостойны страсти нынешнего века к хотяющей славе явится в нас* (Рим.8:18). Мы не найдем во всем мире ничего такого, что бы могло сравниться с обителями небесными. Посему, отказавшись от земных благ, никто не должен превозноситься, как будто многим пожертвовал... Как верные рабы, мы должны постоянно трудиться, последуя повелениям Божественным, помня, что Правосудный мздовоздаятель в чем кого обрящет, в том и будет судить. Чтобы не пасть нам от беспечности, будем чаще воспоминать слова Апостола: *по вся дни умираю* (1Кор.15:31). Когда встаете от сна, думайте, что вы не доживете до вечера; отходя ко сну, помышляйте, что вы, может быть, не увидите разсвета дня. Постоянно памятуйте о изменчивости и непостоянстве всего на земле. Если каждый день будем готовиться к смерти, – предохраним себя от греха. Не бойтесь трудности добродетели. Добродетель не далеко от вас и не вне вас. Господь сказал: *царствие Божие внутрь вас есть*. Добродетель, находящаяся в нас, требует только произволения человеческого. Не оскверняй только, человек, того, что даровала тебе Божественная благодать. Бегайте гнева; ибо гнев мужа правды Божия не соделывает» (Иак.1:20).

«Не страшитесь и нападений дьявола. Его сила сокрушена пришествием Христовым. Будем благонадежны, как получившие спасение, и да помышляем всегда, что когда с нами Господь, то враги никакого зла не сделают нам. Они приспособляют свои мечтания к нашим помыслам: если найдут нас в страхе и смущении, то нападают подобно ворам, на место оставленное

без стражи, и тогда-то, что мы сами помышляем, ещё более увеличивают; видя, что мы ужасаемся, ещё более увеличивают ужас своими мечтаниями и грозами, и бедная душа мучится от сего. Но если найдут, что мы радуемся о Господе, помышляем о благах будущих и о Господнем, если разсуждаем сами с собою, что все в руке Господней и что демоны не имеют силы над Христианином, если, говорю, увидят таким образом укрепленную душу, то со стыдом отступают. Так враг нашел укрепленного Иова и отступил от него, а Иуду, застав без сих укреплений, сделал своим пленником. Итак, если хотим презирать врага, да помышляем непрестанно о Господнем, и да будет душа всегда радоваться во уповании: тогда страшилища демонские будут нам казаться дымом, и мы увидим врагов скорее убегающих, нежели преследующих... Когда будет тебе какое-нибудь видение, воздержи внезапный страх свой. И каково бы видение ни было, наперед вопросы спокойно: кто ты и откуда? Если это явление Святых, то они откроются тебе и обратят страх твой в радость; если же явление дьявольское, то оно тотчас ослабеет, встретив твердость духа: ибо и это есть знак неустрашимости душевной, чтоб вопросы: кто ты и откуда? Так вопросил Иисус Навин и узнал явившегося (Нав.5:13). Явление Святых Ангелов так тихо и смирино, что наполняет душу радостью, восторгом и упованием; ибо с ними Господь, источник радости. Тогда ум наш не бывает возмущен, но спокоен и светел, будучи освещаем Ангельским светом; тогда душа, горя желанием небесных благ, хочет совершенно соединиться с небожителями, дабы с ними лететь на небо. Они так милостивы, что если кто, по слабости человеческого естества, устрашится необычайного их света, тотчас изгоняют такой страх из сердца. Но от явления злых духов рождается ужас в душе, смущение мыслей, скука, страшное представление смерти, похоть плоти, холодность и отвращение от жизни добродетельной. Ограждайтесь знамением креста, и прелесть врага исчезнет. Однажды я увидел, – говорил в другое время Антоний, – все сети врага распостертые по земле, и со вздохом сказал: кто же избегнет их? Но услышал голос говорящий мне: смиренномудрие».

«Но, возлюбленные, заповедую вам паче всего заботиться о том, чтобы жить благочестиво, а не о том, чтобы творить знамения. О сем не радуйтесь, сказал Господь ученикам своим, яко души вам повинуются: радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех (Лк.10:20). Имена в книге живота пишутся за добродетели и подвиги, а изгнание демонов есть дар Божий. Посему тем, кои хвалятся чудесами и скажут: не Твоим ли именем бесов изгоняли и совершили чудеса, Господь скажет: Аминь глаголю вам: не вем вас; отъидите от Мене делающие беззаконие¹⁰⁵. Это наставление Антония свидетельствует, что внутренний мир уже обитал в душе его. После многих искушений он научился уже побеждать врага, и нестрашны были Антонию козни дьявола. Для братии эти слова опытного в духовной жизни отца служили самым лучшим вразумлением.

До нас дошло двадцать поучений Антония к монахам¹⁰⁶. Кратки и просты были поучения, которые предлагал Антоний братии. «Прежде всего, – так учил Антоний братию, – мы должны веровать в Господа нашего Иисуса Христа, должны почитать Его, повиноваться Ему и не уподоблять никакой твари, будет ли она на небе вверху, или на земле внизу. Будем, братия, ходить в страхе Божием. Нет ничего превосходнее страха Божия, страха Господа нашего Иисуса Христа. Страх Господень руководит к великой славе и благодати, и тот, кто боится Бога, благоугоден Ему. Кто имеет страх Господень, тот имеет сокровище духовных благ, тот свободен от вечных наказаний, уготованных грешникам. Страх Господень изгоняет из души всякое коварство и всякий грех. Напротив, кто не боится Бога, тот впадает в многие беззакония. Находясь в человеке, страх Господень сохраняет и оберегает его, доколе он не оставит сего тела и не соделается наследником небесных благ».

«Священное Писание говорит: лучше муж долготерпив, паче крепкого (Притч.16:32). Итак, будем долготерпеливы, поскольку в долготерпеливом Бог обитает».

«Будьте незлобивы. Незлобие источник жизни вечной. Незлобивый подобен Богу; он жилище Святого Духа. Кто

незлобив, тот получает славу и честь в сем и будущем веке, и имя его в род и род. А коварство погубляет душу, оскверняет тело, причиняет много зла и порождает порочные мысли. Коварный угощает дьяволу и его сообщникам. С коварным человеком не сообщайся и даже не прикасайся к нему, но удаляйся от него как от гниющего трупа. Лучше жить в пустыне с зверями, нежели с коварным человеком. Он дружественно разговаривает с тобою, но как скоро ты сделал что неприятное для него, он неожиданно погубит тебя».

«Старайтесь быть смиренными и удаляйтесь гордости, свойственной дьяволам. Гордость презренна пред Богом, Ангелами и Святыми Его. По причине гордости небеса поколебались, основания земли потряслись, бездны возмущились и Ангелы лишились славы своей и сделались дьяволами. По причине гордости ад получил свое бытие и вечные наказания уготованы. От гордости все возмущилось и пришло в беспорядок. Гордость нечиста пред Богом, но смижение и сокрушение сердца благоугодно Богу. Само милосердие Божие смирило себя даже до смерти, смерти же крестной. Убегайте, братия мои, и тщеславия, ибо от него многие погибли. Оно побуждает человека предпринимать многоразличные труды, посты, молитвы иочные бдения; заставляет подавать милостью пред людьми, и за все сие в будущей жизни награждает только стыдом и безчестием. Подвижник, которым обладает тщеславие, прилагая труды к трудам, подобен человеку, который для утоления своей жажды, наливает воду в просверленный сосуд».

«Не все могут нести тяжкое бремя девства, посему оно предоставлено свободе желающих. Девство есть печать совершенства, подобие Ангелам, духовная и святая жертва. Оно есть знак, указывающий путь к совершенству, есть венец, сплетенный из цветов добродетели, есть благоухающая роза, оживляющая всех находящихся близ её, есть великий дар Божий, залог будущего наследия в царствии небесном. Кто презирает девство, тот презирает Бога и Ангелов. Лукавый враг не смеет приступать к тому, кто свято хранит девство. Но хранящий девство не должен хвалиться оным. Ибо хранение его

есть действие благодати Божией. Будем предохранять себя от всякой нечистоты и стараться о чистоте даже до смерти. Не будем смотреть на красоту жен: ибо от них произошла смерть в мире. Будем истреблять всякое нечистое желание: ибо оно многих погубило. Не будем рабами низких и постыдных страстей и порочных желаний, которые нечисты перед Богом. Возлюбим чистоту, ибо ея плод есть свет и истина. Она составляет славу Ангелов. Для сохранения чистоты должно ослаблять свое тело, но ослаблять мудро и благоразумно, чтобы вместе ослабить и погасить в себе чувственные желания; потому что сие ослабление усовершает в нас добродетель целомудрия. Вместе с умерщвлением и порабощением тела умертвятся и плотские страсти. Кто старается быть чистым во всех членах тела своего, кто истинно благочестив и удаляется того, что оскверняет тело, тот может сказать вместе с Давидом: *вся кости моя рекут: Господи, Господи, кто подобен Тебе* (Пс.34:10)? Такой человек обуздывает все чувства свои, не позволяет им господствовать над самим собою и возлагает на них иго Господне»¹⁰⁷.

«Будем обуздывать язык, чтобы не произносить худого слова. Худое слово вреднее всякого яда. Рану, причиненную ядом, можно исцелить, но худого слова, когда оно произнесено, возвратить нельзя. Язык клеветника или ропотника посевает зло между ближними и разрушает многие весьма полезные общества. Язык клеветника подобен жалу змеи, опаснее огня. Как убийца мечем умерщвляет тело: так клеветник словами убивает душу. Посему, дети возлюбленные, удаляйтесь клеветника. Клеветник и тот, кто слушает его, получат одинаковое осуждение. Удаляйтесь, братия, и двуязычного человека; дружество с ним – дружество со смертью. Он заключает союз со смертью и приготовляет себе погибель во аде. Он погубляет души других и везде сеет зло. Молитва, милостыня и пост такого человека неприятны Богу. Блажен тот человек, который хранит свой язык, который предохраняет себя и от малых грехов. Любите молчание, ибо молчаливый человек близок к Богу и Ангелам. Кто обуздывает язык свой из опасения нарушить какую-либо заповедь Господню, того Бог помилует в последний день суда».

«Если неопытный человек спросит вас о том, что может принести пользу душе его, отвечайте ему. Если же видите, что ответ ваш не будет назидателен, то уподобляйтесь глухим, как бы вы ничего не слыхали, – и немым, как бы вы никогда не говорили».

«Дети! Паче всего старайтесь приобрести внимание, и приобретши не оставляйте его. Кто приобрел духовное внимание ко всему, у того ум сделался здрав, страсти не могут получить власти над ним. Если имеющий внимание и впадет в грех, то бдение и внимание тотчас обратят его к добродетели. Имеющий внимание делается местом упокоения для Святого Духа, счастливо оканчивает поприще жизни сей и удостаивается войти в обитель Святых»¹⁰⁸.

Одобряя уединение и нестяжательность, Антоний не одобрял праздной жизни, но особенно советовал предаваться трудам телесным. «Я думаю, сказал Антонию один подвижник, что лучше можно достигнуть совершенства, живя среди мира, нежели живя в пустыне. Где ты живешь? спросил его Антоний. Подле своих родителей, отвечал он, и получая от них пропитание, я свободен от всяких житейских забот и занимаюсь только молитвою и душеспасительным чтением. Но сын мой, возразил ему Антоний, когда с родителями твоими случается какая-либо скорбь, не скорбишь ли ты? Да, отвечал подвижник, все, что случается с ними доброго или худого, трогает меня. Так вот, заметил Антоний, первое неудобство этой жизни, расположение твоей души должно меняться сообразно с обстоятельствами твоих родителей и постоянно привязано к земле. Другое неудобство то, что родные, снабжая тебя всем нужным, лишают тебя награды за труд и добрых плодов труда телесного. Поэтому-то мы предпочитаем бедность всем богатствам и лучше любим в поте лица вырабатывать нужное для пропитания, нежели зависеть от помощи ближних. Ты думаешь, разве мы не стали бы следовать твоему примеру, если бы Апостолы и великие древние мужи не учили нас своим примером, какое состояние лучше? Что доброго, если такой сильный и здоровый человек, как ты, будет жить трудами

других? Сие второе неудобство жизни праздной заставило не одного меня, но и других трудиться для своего содержания»¹⁰⁹.

«Монах, – говорил Антоний, – который, отдохнув после трудов, не принимается немедленно за труд, хотя бы и мог это делать, не получит награды трудившихся в терпении»¹¹⁰.

Всю сущность иноческих обязанностей он высказал в кратком наставлении:

«Всегда имейте страх Божий пред очами; помните Того, Кто мертвят и живит (1Цар.2:6). Возненавидьте мир и все, что в нем; возненавидьте всякое плотское успокоене, отрекитесь сей жизни, дабы жить для Бога. Помните то, что вы обещали Богу; ибо Он взыщет сего в день суда. Алкайте, жаждайте, наготовьте, бодрствуйте, плачьте, рыдайте, вздыхайте в сердце своем; испытывайте себя, достойны ли вы Бога. Презирайте плоть, чтобы спасти всем души свои»¹¹¹.

«Как угодить Богу? – спросил некто Антония. Куда бы ты ни пошел, отвечал Антоний, всегда имей Бога пред очами твоими; что бы ты не делал, имей на это свидетельство в Священном Писании, и в каком бы ты месте ни жил, не уходи скоро оттуда. Соблюдай сии три заповеди, и спасешься»¹¹². Пребывание в келлии Антоний признавал очень важным делом для инока. «Как рыбы, – говорил он, – оставаясь долго на суще, умирают, так и монахи, находясь долго вне келлии или пребывая с мирскими людьми, теряют любовь к безмолвию. Посему, как рыба рвется в море, так и мы должны спешить в келлию, дабы, оставаясь вне оной, не забыть о внутреннем бдении. Уединение освобождает от трех искушений, от искушения слуха, языка и взора»¹¹³. Но и пребывая в келлии, монаху лучше всего руководствоваться советами людей опытных. «Монах, если можно, говорил Антоний, должен откровенно сказывать старцам, сколько он делает шагов или сколько пьет капель воды в своей келлии, чтобы как-нибудь не погрешить и в этом. Я знаю монахов, которые после многих трудов пали, потому что понадеялись на свои дела и презрели заповедь Того, Кто сказал: *вопроси отца твоего и возвестит тебе* (Втор.32:7)"¹¹⁴.

От монаха требовал Антоний полной нестяжательности. Один брат, отказавшись от мира и раздав свое имение нищим,

оставил несколько денег для собственного употребления и пришел к Антонию. Узнав о сем, Антоний сказал ему: если ты хочешь быть монахом, то поди в такое-то село, купи мяса, обложи им нагое тело твое, и так приди сюда. Когда брат это сделал, то собаки и птицы терзали тело его. По возвращении к Антонию старец спросил его, исполнил ли его совет? Брат показал ему израненное тело свое. Преподобный Антоний сказал ему: так нападают демоны и терзают тех, которые, отрекшись мира, хотят иметь деньги¹¹⁵.

Опытный подвижник Антоний знал, что усиленные подвиги иногда небезопасны бывают для души. «Есть люди, – говорил он, – которые изнурили тело свое подвижничеством, – и однако же удалились от Бога, ибо не имели разсудительности»¹¹⁶. Потому в обращении с иноками он позволял и послабление. Один зверолов, увидев, что Антоний шутил с братией, соблазнился. Старец, подозвав его, сказал: положи стрелу на лук твой и натяни её. Он сделал так. Старец говорит ему: ещё натяни. Тот натянул ещё. Ещё тяни, сказал Антоний. Если я чрез меру натяну лук, то он переломится, сказал охотник. Так, сказал ему Антоний, и в деле Божием, если мы сверх меры будем напрягать силы братии, то они скоро разстроятся. Посему необходимо иногда давать хотя некоторое послабление братии¹¹⁷.

Желание быть совершенными во всем при начале подвижничества затрудняло многих из братии. Посему Антоний дал мудрое правило: кузнец, взяв кусок железа, наперед смотрит, что ему делать, косу, меч или топор. Так и мы наперед должны помышлять, к какой нам приступить добродетели, чтобы не напрасно трудиться¹¹⁸.

«Имейте твердую веру в Господа Иисуса; берегите ум от худых мыслей, тело от нечистых пожеланий, не увлекайтесь пресыщением тела. Презирайте суетную славу. Молитесь как можно чаще, пойте Псалмы поутру, повечеру и в полдень и чаще имейте в руках Священное Писание. Вспоминайте о подвигах, совершенных Святыми, чтобы воспоминанием об их примере, побуждать душу свою к добродетели и удерживать от пороков». Антоний часто повторял ученикам своим: Да не

зайдет солнце во гневе вашем (Еф.4:26), объясняя так сии слова, что не в одном гневе, но и во всех прегрешениях да не зайдет солнце, чтобы ни ночью луна, ни днем солнце не были свидетелями наших прегрешений. Он указывал своим ученикам как на весьма полезное средство, чтобы они давали себе отчет, что сделали днем и ночью, находят ли в себе какой проступок, или перестали грешить. Если найдут, что они не подпали никакому заблуждению, то продолжали бы подвизаться тем ревностнее и не дерзали презирать других, или присвоять себе правду, помня слова Божественного Учителя: *темже прежде времени ничтоже судите*: – Господу ведущему тайная принадлежит суд. Многие пути людям кажутся правыми, но последняя их зрят на дно адово (Притч.14:12). Часто мы не можем знать своих грехов, часто мы не так понимаем свои поступки. Иной суд всевидящего Бога, который судит не по внешнему виду, но по тайным помышлениям. Нужно сравнивать себя с собою и нести тяготы друг друга. Отдав суд Спасителю, будем испытывать свою совесть и себя самих. Весьма полезно, чтобы каждый или сам замечал, что он делает, или все свои мысли открывал бы братии. Не вдруг решится на грех тот, кто должен сказать другому все, что он согрешил; один стыд, что делаются грехи его известными, будет удерживать его. Никакой грешник не решится грешить в глазах других, но старается прикрыть свои грехи. Открывая другим свои грехи, мы становим себя как бы пред очами всех. Ещё лучше, если мы будем записывать свои грехи и после показывать их в собрании. Тогда самые письмена будут заставлять нас краснеть¹¹⁹.

Попечительный о благе братии, вверившейся его руководству, Антоний был любвеобилен ко всем. «Антоний хотя жил и состарился в пустыне, – говорит Афанасий, – однако не приобрел здесь какой-либо дикости или грубости, но всегда был ласков и обходителен. Самое лицо его имело необыкновенную приятность и привлекательность. Если кто, не видав его прежде, приходил к нему в пустыню, то во множестве иноков без всякого указания подходил к Антонию. В его лице отражалась чистота души и обитавшая в нем благодать Святого Духа»¹²⁰. Нуждался ли кто в совете, он не отказывал. Приходил

ли бедный к нему, он отдавал последний кусок хлеба, который зарабатывал своими трудами.

Он оставлял свою любимую пустыню и ходил в шумный город, чтобы перед властями городскими ходатайствовать за притесняемых. Каждый считал за честь видеть и слышать Антония, и потому его ходатайство было благоуспешно. Но едва исполнит он в городе дело, как тотчас же и спешил назад в пустыню¹²¹.

Его не тяготило служение нуждам других, но ему тяжело было это многолюдство, это стеченье к нему народа, эта всеобщая молва, возбуждаемая не одною жизнью, но чудесами, совершаемыми им, хотя он и старался самым чудесам своим дать вид событий естественных. Так, начальник воинский Мартиниан привел к нему дочь бесноватую и просил его молиться об исцелении. Что ты просишь моей помощи, сказал ему Антоний, когда я такой же немощный человек, как и ты? Если веруешь во Христа, Которому служу, иди и по вере твоей моли Бога, и он исцелит дочь твою. Мартиниан поверил слову Святого и, призвав Господа Иисуса на помощь, нашел дочь свою здоровою. Опасаясь, чтобы дар чудес не надмил его сердца или не заставил других думать об нем много, он желал скрыться от молвы людской; и проведши столько лет в уединении, он жаждал его опять.

Взявши с собою немного хлеба, Антоний пошел на берег реки дождаться лодки, чтобы отправиться в Фиваиду. Куда ты хочешь бежать? – был ему голос небесный. В верхнюю Фиваиду, отвечал Антоний. Но тот же голос возразил ему: поплыешь ли ты вверх в Фиваиду или вниз в Буколию¹²², тебе не будет покоя ни там, ни здесь. Иди во внутреннюю пустыню. Так называлась лежавшая далее на восток к Черному морю пустыня, куда и удалился Антоний, последуя за проходившими странниками¹²³. После трехдневного путешествия нашел он дикую высокую гору, почти в тысячу шагов. С вершины горы открывался обширный вид. На восток высились горы Хорив и Синай, простирались пустыня до Черного моря; на юге виднелись хребты гор Фиваидских, на севере были безплодные равнины, на западе за песчаной полосой плодоносная равнина Египта. При подошве

горы вытекал ключ воды, часть ее исчезала в песчаной пустыне, другая образовала небольшой ручей, около которого по обоим берегам росли пальмы, придававшие много красоты этому месту, и внизу устроил себе келлию небольшую, чтобы можно было только лечь¹²⁴. С той поры жизнь его делилась между новым приютом его уединения, которое отделялось от жилища человеческого неудобопроходимою пустынею, где немногие удостаивались видеть его, и между оставленным им монастырем Писпером на берегу Нила¹²⁵, где являлся по временам для назидания и пользы братии и приходивших к нему из ближних и дальних стран. Он посещал монастырь иногда через десять, иногда через двадцать дней, иногда через пять, как Бог, замечает Кроний, положит ему на сердце для пользы приходящих в монастырь. рассказ Крония знакомит нас и с тем, как принимал Антоний приходящих. Приходя в монастырь, Антоний спрашивал ученика своего Макария, которого он оставил начальником монастыря: брат Макарий, не пришли ли сюда какие братия? Макарий отвечал: пришли. Египтяне или Иерусалимляне? Антоний прежде приказал Макарию, когда увидит, что пришли в монастырь люди не совсем усердные, то говорил бы, что Египтяне, а когда придут люди благочестивые и умные, то называл бы их Иерусалимлянами. Для Египтян он приказывал приготовить сочivo, накормить их и, сотворив молитву, отпускал их. А с Иерусалимлянами проводил долгое время в беседе о спасении души.

Был в Александре монах Евлогий; получивши в училищах Александрийских образование, он, ревнуя о спасении, раздал свое имение нищим, оставил себе небольшую часть, ибо не мог работать. Не желая вступить в общежитие и страшась трудности отшельнической жизни, он взял на торжище увечного, у которого не было ни рук, ни ног, и дал обет до самой смерти покоить его, чтобы заслужить милость Божию. Пятнадцать лет Евлогий ходил за ним, как за отцом, с любовью, омывал его, мазал маслом, носил его на руках, берег больше, чем он заслуживал, и покончил, сколько требовала его болезнь. Но вдруг увечный сделался капризен. Ему стал противен Евлогий, все его ласки и

угождения; скудна казалась и пища. Связанный обетом, Евлогий не знал что делать и просил совета у некоторых подвижников. Они сказали: Великий (так звали Антония в Египте) жив ещё, иди к нему, что он тебе скажет, то и сделай; через него Бог будет тебе говорить.

Прибыл Евлогий с увечным в Писперстий монастырь, и в тот же день вечером, одетый кожаной одеждой, пришел сюда Антоний. Узнав от Макария, что есть пришедшие в монастырь, он спросил: Египтяне или Иерусалимляне? И те и другие, отвечал Макарий.

Антоний принял всех. Было уже поздно, когда Антоний стал звать: Евлогий, Евлогий, Евлогий! Евлогий не отвечал, думая, что так зовут кого-либо другого. Тебе говорю, Евлогий, – продолжал Антоний, – который пришел из Александрии. Антоний говорил по-египетски, а Кроний был переводчиком. Тогда Евлогий сказал: что тебе угодно? «Зачем ты сюда пришел?» Евлогий отвечал: тот, кто открыл тебе мое имя, откроет и дело, по которому я пришел. «Знаю, зачем ты пришел, – сказал Антоний, – но расскажи, чтобы знали и братия».

Евлогий, рассказав о своих отношениях к увечному, прибавил: я решился бросить его, ибо он сам принуждает меня. Дай мне совет, как поступить.

Великий Антоний с великой строгостью сказал: Евлогий! ты хочешь бросить его? Но Сотворивший его не бросит его. Ты бросишь его, а Бог воздвигнет лучшего, нежели ты, и поднимет его. Устрашился Евлогий. Антоний, обратясь к увечному, сказал: ты увечный, недостойный ни неба, ни земли, перестанешь ли возставать на Бога и раздражать брата? Не Христа ли ради он посвятил себя тебе на служение? Как же ты дерзаешь говорить так против Христа? Дав такое наставление обоим, Антоний занялся беседой со всеми братиями о нуждах каждого из них. Потом опять обратился к Евлогию и увечному: перестаньте враждовать, дети, сказал он им: ступайте с миром и не разлучайтесь друг с другом; бросьте все огорчения, которые демон посеял между вами, и с чистой любовью возвратитесь в келлию, в которой жили вы столько времени вместе; Бог уже посыпает за вами. Это искушение наведено на вас сатаною; он

знает, что вы оба уже при конце поприща и скоро удостоитесь венцев от Христа, – он за тебя, ты за него. Если Ангел, пришедши за вами, не найдет вас обоих на одном месте, вы лишитесь венцев». Обличенные примирились, и с любовью поселились вместе. Не прошло и сорока дней, как скончался Евлогий; через три дня за ним последовал иувечный¹²⁶.

Беседа Антония с Евлогием достаточно знакомит нас с характером бесед Антония с приходившими к нему за советами. Но для нас драгоценна всякая черта, ближе знакомящая с этим великим мужем, и потому мы передадим и другие его беседы.

Пришли однажды старцы к Антонию, и в числе их Иосиф. Антоний, желая испытать их, предложил им изречение из Писания и начал спрашивать каждого, начиная с младшего, что значит это изречение? Каждый говорил, как разумел. Но Антоний каждому отвечал; нет, не узнал. После всех он говорил Авве Иосифу: ты что скажешь о сем предмете? Не знаю, отвечал Иосиф. Антоний сказал: Иосиф попал на путь, когда сказал: не знаю.

Некоторые братья предложили ему слова из книги Левит. Антоний пошел в пустыню, и за ним тайно последовал Аммон, знаяший его обыкновение. Отошел далеко Антоний, стал на молитву и громким голосом воззвал: Боже! Пошли Моисея изъяснить мне слова сии. И Аммон слышал, что голос стал говорить с ним, а силы слов не понял.

Пришли еще братья к Антонию и просили дать наставление: как спастись? Антоний отвечал: вы слышали Писание, и его довольно для вас. Но мы и от тебя хотим услышать что-нибудь, отвечали они. Исполняйте заповедь Евангелия: *аще тя кто ударит в десную ланиту, обрати ему и другую* (Мф.5:39). Но мы не можем сего сделать, сказали они. «Ежели не можете подставить другой, то по крайней мере переносите удар в одну. И этого не можем, сказали они. Если и этого не можете, продолжал Антоний, по крайней мере не платите ударом за удар». Братия сказали: и сего не можем. Тогда оборотясь к ученику, Антоний сказал: приготовь им сочива, они больны. Если вы одного не можете, другого не хотите, то что я вам сделаю? Нужно молиться. Братия хвалили Антонию одного монаха. Когда

пришел этот монах, Антоний захотел испытать, перенесет ли он оскорбление, и увидев, что не переносит, сказал ему: ты похож на село, которое спереди красиво, а сзади разграблено разбойниками.

Один брат просил Антония помолиться о себе. Антоний отвечал: ни я, ни Бог не сжалится над тобою, если ты не будешь заботиться сам о себе и молиться Богу.

В одной обители оклеветали брата в блудодеянии. Он пришел к Антонию. Пришли и братия из обители и стали укорять его, зачем он согрешил; брат утверждал, что он не делал этого. Был тут Пафнутий Кефал. Он сказал притчу: на берегу реки видел я одного человека, который увяз по колена в грязи. Некоторые пришли ему помочь и по самую шею погрузили его. Тогда Антоний, указывая на Пафнутия, сказал: вот истинно такой человек, который может врачевать и спасать души. Оклеветанный брат принят был с честью в обитель.

В обители Аввы Илии с одним братом случилось искушение. Его выгнали оттуда, – и он пошел в гору к Антонию. Антоний, продержав его несколько времени у себя, послал в обитель. Братия опять прогнали его. Не хотят, отче, принять меня, сказал он, воротившись к Антонию. Поди скажи им от меня: буря застигла корабль на море; он потерял груз свой и с трудом сам спасся. А вы хотите потопить и то, что спаслось у берега. Услышав слова Антония, братия приняли инока. Так был снисходителен Антоний к немощам.

Спасение ближнего для него было выше всего. От ближнего, говорил он, зависит наша жизнь и смерть. Ибо если мы приобретаем брата, то приобретаем Бога; а если соблазняем брата, то грешим против Христа.

Не одни неопытные подвижники искали наставления Антония, к нему приходили за советами и Макарий Великий, и Макарий Александрийский, и Пимен, и Памво, сами прославившиеся великим подвижничеством. Что мне делать? спросил Памво Антония. Не надейся на свою праведность, отвечал ему Антоний; не жалей о том, что прошло, и обуздывай язык и чрево.

Пимену он сказал: великий подвиг для человека раскаяние во грехах своих пред Богом и ожидание искушений до последнего издохания. Никто без искушений не может войти в Царство Небесное.

Макарию Александрийскому он сказал: на тебе почил Дух Божий, и ты будешь наследником моих добродетелей.

Основатель иночества в Палестине Илларион был одним из его любимых учеников. Он звал его своим сыном.

К Антонию ходил Аммон, сначала скитский подвижник, а потом Епископ. Ты успеешь в страхе Божием, говорил ему Антоний. Потом вывел его из келлии и, указав ему камень, сказал: брани этот камень и бей его. Аммоний сделал это. Что, камень ничего тебе не сказал? – спрашивает его Антоний. Ничего, отвечал Аммон. В сию меру придешь и ты, сказал ему Антоний. Аммон, действительно, сделавшись Епископом, отличался особою снисходительностью к немощам ближних¹²⁷.

Под его руководством подвизался и другой Епископ, Пафнутий, славный уже как исповедник во времена гонений, мужественно потом подвизавшийся за православную веру на соборе Никейском и за свят. Афанасия на соборе Тирском¹²⁸.

Антоний не был лично знаком с Великим Пахомием. «Об отце вашем, – говорил он ученику Пахомия Закхею, – много раз слышал, что он живет по писаниям, и, истинно, часто желал видеть его телесно, но, видно, был недостоин того. В Царствии Небесном, по благодати Божией, увидим друг друга»¹²⁹. Но, как видно, сношения между обителями были, и Антоний посыпал даже послания к инокам Тавенским.

Серапион, начальник монастырей Арсинойских, был друг Антония, часто навещал его и пользовался письменно его советами. Аммон Нитрийский не только сам посещал Антония, но удостоился посещения и от Антония и по его благословению в Нитрийской пустыне основал келлию для иноков.

Привлеченные славою Антония, приходили к нему для беседы и мудрецы языческие. Незнакомый с ученостью мудрецов Египетских, Преподобный Антоний, просвещенный свыше, нередко изумлял мудрецов своею высокою мудростью. Не раз самонадеянные мудрецы, думавшие видеть в Антонии

необразованного невежду, выходили от него посрамленные необыкновенными его ответами и сильными суждениями. «Антоний, – пишет Созомен, – был приятен для собеседников и мягок в разговоре, хотя бы разговор был даже спорный: ибо как-то мудро свойственными ему одному оборотами и уменьем укрощал возраставшее любопрение, беседе давал тон умеренный, а собеседников, отклоняя от горячности, умел приводить в мирное состояние». Однажды пришли к нему два языческих философа, с намерением запутать его своими софизмами. Антоний по внешнему виду угадал в них философов. Не дожидаясь их вопросов, он сам спросил их: «Зачем вы – мудрецы пришли ко мне – невежде?» «Как невежде? – возразили философы. – Мы много слышали о твоей премудрости». «Послушайте, – прервал речь их Антоний, – если вы пришли к невежде в намерении посмеяться над ним; то это не стоило такого труда; если же к мудрецу, каким вы меня называете, то прошу вас подражать мне: мудрость добро, а добру как не подражать? Если бы я к вам пришел, то с вас бы взял пример. Но поскольку вы пришли ко мне, то будьте мудры подобно мне, будьте Христианами». Философы, удивленные остротою ума Антония, ударились молча.

В другой раз пришли к нему Диалектики. Между прочим разговором, они упрекнули его в том, что у него нет книг. Моя книга – природа вещей, отвечал Антоний. – Она всегда готова, как скоро мне захочется читать слово Божие. Скажите вы мне, что прежде было – разум или письмена? Конечно разум, отвечали диалектики, потому что никто другой был изобретателем и творцом письмен. Стало быть, сказал Антоний, у кого есть неповрежденный разум, тому не нужны и письмена.

Еще пришли к нему мужи образованные по всем правилам мирской философии, уважаемые всеми за свою глубокую ученость. Разспрашивая Преподобного Антония об основаниях веры во Христа и вооружаясь хитрыми софизмами против искренних слов праведника, они между прочим дали волю своим насмешкам над учением о кресте. Тронутый старец умолк на короткое время, потом, изъявив свою глубокую скорбь об их ожесточении, так начал говорить: «Скажите мне, бедные

мудрецы, что честнее, почитать ли крест Христов или мерзости богов, коим вы поклоняетесь? Скажите мне, мудрецы, не лучше ли проповедовать непременяемость и присносущность Слова Божия, приявшего тело человеческое для спасения нашего, для обожения природы нашей, нежели Божество уподоблять безсловесным и кланяться потом четвероногим, пресмыкающимся животным и идолам? А таковы все предметы поклонения вашего, мудрецы. Как вы можете порицать Христиан за то, что они исповедуют Иисуса Христа явившимся истинным человеком, когда вы, низводя бедную душу с неба, заставляете её витать в тела не только человеческих, но даже и скотских?» «Что же касается до креста, то скажите мне, не лучше ли терпеть и не страшиться никакого рода смерти, которую готовит нам нечестие, нежели рассказывать нам басни об Озирисе и Изиде, о коварствах Тифона, – о бегстве и пожирании детей Сатурна и об отцеубийствах? Все это, как видите, ваша премудрость! Притом, для чего вы, понося крест, молчите о воскресении? Для чего, упоминая о смерти крестной, не говорите о прозрении слепых, об исцелении бесноватых, об очищении прокаженных, о хождении по морю, о воскресении мертвых и о других чудесах, доказывающих Божество Иисуса Христа. Те, кои говорили о кресте, писали и о всем этом. Вы, кажется, нечистосердечно читали наши Писания. Но будьте внимательнее, – и вы увидите, что дела Иисуса Христа показывают в Нем Бога, пришедшего спасти человека».

«Теперь раскройте передо мною ваши сказания. Чем вы извините ваше почитание безсловесных? Слышал я, что вы стараетесь все это прикрыть иносказанием; но и в таком случае вы не почитаете Бога, а служите твари вместо Творца. Как бы ни был прекрасен мир, вы только должны удивляться ему, а не боготворить его, чести Зиждителя не отдавать созданию, так как вместо Зодчего не отдают чести зданию, не приписывают победной почести воину вместо вождя».

Пристыженные философы смотрели друг на друга в недоумении. Преподобный Антоний видел их замешательство и продолжал:

«Все это так представляется даже с первого взгляда. Но вы диалектики, не любите ничему верить без доказательств и, обладая искусством словопрения, хотите, чтобы и мы по убеждению доказательств почитали Бога. Скажите же мне: познание вещей и преимущественно познание Бога чем лучше и вернее достигается – умозаключениями или силою веры? И опять, что древнее – вера или убеждение доказательств? Разумеется вера, сказали философы, которая одна только доставляет познание твердое». Так, прибавил Антоний, потому что вера происходит от внутреннего расположения души не так, как ваша диалектика – изобретение человеческое. Значит в ком действует живая вера, для того излишни, даже совсем не нужны ваши доказательства. Мы верою понимаем то, до чего вы должны доходить вашими умозаключениями; даже часто, что мы понимаем, того вы и выразить не можете. Что ж после сего ваши софистические доказательства пред верою? Мы Христиане обладаем тайнами мудрости не от изучения еллинских хитростей, но силою веры, данной нам Богом чрез Иисуса Христа. Что сказанное мною справедливо, это видно из того, что мы, не учившись вашим наукам, знаем Бога, как Творца и Промыслителя. Что вера наша сильна, видно из того, что, утвержденные ею во Христе, всюду распространяемся; а вы, вооруженные вашим софистическим многословием, уменьшаетесь и исчезаете с вашими идолами. Вы вашими умозаключениями и софизмами ещё не обратили ни одного Христианина к язычеству; а мы успели победить ваши нелепые суеверия, и как? – только проповедуя веру во Христа, только заставляя признавать Его Богом и Сыном Божиим. Вы красноречием своим не положили препоны Христианству; а мы, именуя только Христа распятого, прогнали ваших демонов, которых вы чтите, как богов. Где только знамение креста, там безсильна магия, там не действительно чародейство».

«Где теперь, отвечайте мне, ваши прорицалища? Где чары Египетские? Где вымыслы волхвов? Не тогда ли все это обезсилело, исчезло, когда явился крест Христов? Что же теперь достойнее посмения, крест ли или обезсиленное, ниспровергнутое им? Когда Богопознание было святообразнее?

Когда явилось целомудрие? Когда смерть так была презираема, как не по появлении креста Христова? Никто конечно не станет говорить против сего, видя мучеников, с радостью идущих на смерть за Христа, видя дев, сохраняющих себя в чистоте и целомудрии. Довольно сих свидетельств для утверждения того, что Христова вера учит истинному Богопочтению. Но вы и после сего не верите, а требуете на все доказательств?.. В это время привели к Преподобному Антонию одержимых бесами; приказав представить их к себе, он сказал философам; исцелите их, может быть, они послушаются ваших умозаключений, вашего искусства и магии; может быть они убоятся призыва ваших богов. Если же не можете, то перестаньте спорить, и зрите силу креста Христова». Сказав сие, Преподобный Антоний три раза осенил страждущих знамением Святого креста; и в ту же минуту они исцелили, – пришли в себя, и начали славить Бога. Изумленные и устрашенные философы остались неподвижны. «Не удивляйтесь, сказал им Антоний, это не своею силою мы делаем, а Господом нашим Иисусом Христом. Уверуйте, и вы познаете, что сила наша не искусство слов, а вера, действующая любовью». Софисты ушли, признавшись, что они много получили пользы от беседы старца¹³⁰.

Исцеление бесноватых, совершенное Антонием в присутствии философов, не было единственным свидетельством обитавшего в нем дара чудотворения. Как к обыкновенному врачу приводят больных для подания помощи, так к Антонию приводили их для получения сверхъестественного исцеления¹³¹. «Безчисленны чудеса, явленные миру Антонием, говорит Афанасий». Он имел и дар прозорливости, но избегая молвы людской старался скрыть его¹³². Впрочем нередко опыты прозорливости его открывались и пред всеми¹³³.

Слава Антония, говорит Созомен, так была велика в пустынях Египетских, что Царь Константин назвал его своим другом, почтил посланиями и убеждал писать к себе о нуждах»¹³⁴. Афанасий пишет также, что Император Константин и дети его Констанс и Констанций письменно просили Антония, как отца, утешить их взаимным посланием. Долго Антоний,

избегая славы мірской, не хотел исполнить сей просьбы. Потом, собрав братию своего монастыря, сказал: мірские Цари пишут к нам письма. Христианам нечего удивляться тут. Ибо хотя в мире различны состояния, но для всех одинакова участь рождения и смерти. То достойно всякого удивления, что Сам Бог написал закон людям и через Сына Своего обогатил Своим учением Церковь. Что инокам до посланий Царских? Как принять мне сии послания, на которые я не умею отвечать обычными приветствиями? По просьбе братии, представившей Антонию, что молчание его огорчит Царей, решился писать к ним. Сначала Антоний хвалит их благочестие, потом дает совет не превозноситься тем, что они Цари, не забывать, что они и при Царском достоинстве подобные другим люди и будут судимы от Христа. Наконец, внушает им быть правосудными и милосердными к подданным, прилагать попечение о бедных и помнить о том, что един есть Царь над всеми и всех веков – Иисус Христос. Послание Антония, как говорит Афанасий, с великою радостью было принято при Дворе.

Как ни был славим Антоний, но никогда, пишет Афанасий, слава не омрачала его смирения; смиренно наклонял он свою голову пред Епископами и пресвитерами. Диаконов, приходивших к нему за наставлениями, назидал своим словом и вместе просил молиться за себя¹³⁵.

Антоний не любил рассказывать и о своих подвигах. Для назидания братии рассказывая об искушениях, бывших с ним, он и тогда сказал: мне бы хотелось кончить речь свою и прейти молчанием то, что случилось со мною; но дабы вы не подумали, что говорю несбыточное, посему, хотя и безразсудно делаю, но знает Сердцеведец, что не в похвалу себе, а для вашей пользы делаю, расскажу вам из моей жизни немногое из многоного...

Понятно, что тогда, как появилось лжеучение Ариан, для православных чтителей Бога – Слова важно было иметь защитником своей веры Антония. Полный любви к Господу Иисусу, Которому предал всю свою жизнь и в вере в Божественные заслуги Которого положил для себя все упования настоящего и грядущего века, Антоний более всего отвращался Ариан. Он запрещал своим ученикам входить в какое-либо

общение с ними: беседы с ними называл пагубными для души, слова их гибельнее яда змеиного. «В наше время, – писал он к своим ученикам, – явился в Александрии Арий и вымыслил нечестивое учение о Единородном. Безначальному он положил начало, Безконечного и Неограниченного он сделал конечным и ограниченным. Мы знаем, что если человек сделает грех против другого человека, можно умолить Бога за него и испросить ему прощение. Но если человек согрешит против Бога, то кто умолит Бога за него? Арий сделал великое беззаконие. Грех его непростителен и осуждение неизбежно»¹³⁶. «Сердце сих людей, – писал Антоний в другом письме об Арианах, – в сердце змия, или лучше сказать, змий обитает в их чреве и сердце»¹³⁷. Раз Ариане пришли к нему в гору, он велел прогнать их. Сам Антоний старался не входить в словопрение с ними. Но Ариане сами вызвали его на открытое обличение их ереси. Они распустили слух, будто Антоний согласен с их образом мыслей, надеясь одним именем его увлечь многих в заблуждение. Эта клевета и усиленные просьбы Афанасия Архиепископа Александрийского вызвали ревностного поборника благочестия из пустыни в Александрию. Здесь пред всем народом осудил он лжеучение Ариан, и называл их предтечами Антихриста. «Сын Божий, говорил Антоний, – не есть тварь и не из несущих, но присносущное Слово и Мудрость существа Отчего. Не имейте никакого общения с Арианами: ибо кое общение свету ко тьме (2Кор.6:14)? Если соблюдаете благочестие, то вы Христиане, а те, именующие Сына Божия и Слово сущее от Отца тварью, ничем не различаются от язычников, потому что служат твари, паче создавшего Бога. Поверьте мне, – продолжал Антоний, – самые стихии мира негодуют, и вся тварь вздыхает о безумии арианском, видя сравненным с собою своего Господа, чрез Которого все сотворено». Появление Антония, восьмидесятилетнего старца, и его слова произвели глубокое впечатление в Александрии. Православные радовались, слыша, что Арианская ересь проклята столь великим мужем. Силу своего свидетельства Антоний подкрепил множеством чудотворений. «Сколь многие, – пишет Афанасий, – тогда освободились от одержания злыми духами! Сколь многие

получили исцеление! Все жители города стеклись смотреть на Антония. Даже язычники и самые жрецы их стремились к храму, посмотреть на человека Божия (так называли Антония)». Три раза посетил Антоний келлию знаменитого слепца Дидима, ревностного защитника, и преклонял в ней свои колена для молитвы¹³⁸. В немногие дни его пребывания в Александрии число обратившихся в христианство язычников превышало количество обращенных в продолжение целого года. Афанасий торжественно проводил великого пустынника из города¹³⁹.

Вскоре после пребывания Антония в Александрии Афанасий был удален с своего престола. И тогда Антоний, из глубины пустыни своей обратился к Константину с письмом, с просьбою о возвращении Александрии Святителя Божия Афанасия. И хотя не имел в сем успеха, но по крайней мере Император произнес осуждение Ария уже умершего¹⁴⁰.

«Кратко сказать, – так заключает Св. Афанасий обзор жизни Антония, – Христос явил в нем благого врача для Египта. Кто при Антонии не изменил печали на радость? Кто не переменил гнева на мир? Кто при виде его не умерял скорбь сиротства? Кто, забыв горесть бедности его утесняющей, не презрел и изобилия богатств, и не порадовался о своей бедности? Какой монах, утомленный подвигами, не получил вновь бодрости от его наставления? Какой юноша, обуреваемый нечистыми страстями, от его увещаний не сделался любителем целомудрия? Кто стесняемый дьяволом выходил от него без врачевания? Кто разсеиваемый помыслами вражескими, омраченный бурею, не возвращался с ясным умом? Он знал, кто каким недугом страдает, и в опытах своей жизни приобрел распознание духов, и сообразно с болезнями прилагал врачевство. Оттого после его наставления разсеивались все козни дьявола. Многие обрученные девы, увидав его, сходя почти с брачного ложа, повергались в объятия матери Церкви. Многие, оставив богатство и почести, пожелали идти его путем. И что много говорить? Со всего света стекались к нему люди посмотреть на мужа, так победоносного против врагов. И ни для кого не был безплоден этот путь – за труд всякий получал

прекрасное вознаграждение. Когда скончался Антоний, как будто все осиротели, лишившись Отца».

Антоний мог по крайней мере свободно возносить в своей горе молитвы к Богу о мире Церкви. Пустынная жизнь Антония осталась сокрытою и для нас. Можно указать только немногие черты ея, открывающиеся из повести о Павле простом. Павел был поселянин; возвращаясь однажды с поля, он застал свою жену, отличавшуюся красотою, в преступной связи; он поклялся, что не будет более жить с нею. Возьми ты её, сказал он обольстителю, а сам пошел в монастырь. Обойдя восемь монастырей, он пришел во внутреннюю пустынью к Антонию и стучится в дверь.

«Что тебе нужно? – спрашивает его Антоний. Хочу быть монахом, – отвечал Павел. Не можешь, сказал Антоний тебе уже шестьдесят лет; ступай лучше опять в свое селение, работай, и живи в трудах, благодаря Бога; ты не можешь перенести скорбей пустыни. Я буду все делать отвечал Павел, чему ты научишь меня. Я сказал тебе, продолжал Антоний, что ты стар и не можешь быть монахом; ступай отсюда. Если же тебе хочется быть монахом, то поди в общежительный монастырь, где много братии, которые могут снисходить к немощам твоим. – А я здесь живу один, ем через пять дней, и то не досыта. Антоний запер двери и три дня не выходил. А Павел все стоял у дверей и не отходил. На четвертый день отворил дверь Антоний, и, увидев Павла, сказал: «Отойди отсюда, стариk; нельзя тебе здесь оставаться». «Ни в каком месте я умру, как только здесь», – сказал Павел. Посмотрев, что у него нет ничего съестного, ни хлеба, ни воды, и опасаясь, чтобы, не привыкши поститься, он не умер от голода, Антоний ввел его в свою пещеру и сказал: «Можешь спасти, если будешь послушен и станешь делать все, что я велю». «Все буду делать», – отвечал Павел; и начал Антоний в следующие дни вести такую суровую жизнь, какой не вел и в молодых летах. Искушая Павла, он велел ему стать на зное и молиться до тех пор, когда не принесет ему работы. Целый день, палимый зноем,остоял Павел, не двинувшись с места. Потом, намочив пальмовых дерев, велел ему плести веревку, как плел сам¹⁴¹.

До девятого часа плел Павел и с трудом сплел веревку в пятнадцать локтей длиною. Посмотрев на веревку, Антоний сказал: дурно сплел, расплети и начни снова. Павел стал опять плести, нисколько не огорчась. Между тем, уже четыре дня Павел ничего не ел. При заходении солнца Антоний сказал: не съесть ли нам, отец, кусок хлеба? Как тебе угодно, Авва, отвечал Павел. Положили на стол четыре хлебца¹⁴², каждый унций по шести. Антоний начал петь псалом, пропев его двенадцать раз, молился после каждого. Вместе с Антонием молился и Павел; наступил вечер, Павел ещё не ел. Антоний сказал ему: вставай, помолись и ложись спать. В полночь Антоний разбудил его на молитву и продолжал молитвы до девятого часа дня. Поздно вечером Павел съел один хлебец, и не стал более, потому что не ел Антоний. Встав из-за стола, Антоний прочитал двенадцать молитв и пропел 12 псалмов. Уснув немного, они встали с полуночи и пели псалмы до самого дня. Потом Антоний послал Павла обойти пустыню, приказав прийти через три дня. Павел исполнял все, что приказывал Антоний, при всех испытаниях не показывал и вида нетерпеливости. Видя терпение и смижение Павла, Антоний сказал ему: «Во имя Господа Иисуса, ты уже стал монахом»; и на расстоянии трех или четырех поприщ от себя выстроил ему келлию. И отсылая жить туда, сказал: «Вот ты стал уже монахом; живи теперь один, чтобы испытать искушение и от демонов». За свое смижение Павел скоро удостоился дара чудотворения. Однажды привели к Антонию бесноватого. Антоний привел его к Павлу и сказал: Авва Павел! изгони демона из этого человека, дабы он здравым возвратился в дом свой и славил Бога. Павел призвал бесноватого и сказал: «Авва Антоний повелевает тебе выйти из сего человека, чтобы он, выздоровев, славил Бога». Бес не повиновался. Выдь, говорил Павел, или я пойду и скажу Христу, и тогда горе тебе. Бес не выходил. В самый полдень, при нестерпимом жаре, Павел вышел из келлии, и стал под открытым небом на камень, и молился так: Иисусе Христе, Распятый при Понтийском Пилате, Ты видишь, я не сойду с камня, не буду ни есть, ни пить до смерти, если Ты не изгонишь беса из сего человека». Не успел

Павел кончить своей молитвы, как бес оставил больного¹⁴³. Таков был ученик Антония.

Кроме дара чудотворения, Павел владел и даром прозорливости. «Бог даровал ему такую благодать, – говорит древний историк, – что он в каждом видел, какова его душа, так, как мы друг у друга лица. Однажды он пришел в Писпер для посещения братии. Братия пошли в Церковь для совершения обычной службы. Смотря на всех входящих в Церковь, он видел души их светлыми и радостными. Но один брат входит весь омраченный, окруженный демонами. Горько заплакал Павел, сел у Церкви и, ударяя себя в грудь, рыдал об омраченном. Напрасно хотели узнать от него о причине. До конца службы он не мог престать от слез. При выходе из службы он видит, что тот же брат, уже очищенный и просветленный, выходит из Церкви. Павел вскрикнул от радости, побежал на лестницу и громко воззвал: о неизреченное Божие человеколюбие и благость! Он вынудил у брата признание, как слова Пророка Исаии (1, 10–15) пробудили чувство покаяния и он слезами омыл свои грехи»¹⁴⁴. Указывая на пример Павла безропотным послушанием, в короткое время достигшего высокого совершенства, Преподобный Антоний говорил: «Если кто хочет скоро достигнуть совершенства, не должен быть сам себе учителем, ни повиноваться своей воле, хотя бы правым казалось свое желание, но, по заповеди Спасителя, каждый прежде всего должен отречься себя самого, отказаться от своей воли. Сам Спаситель говорит о себе: не приидох творити волю Мою, но волю Пославшего Мя (Мф. гл. 16). Как же мы избежим суда, если будем исполнять свою волю?» Мы видели, что Антоний, приняв к себе Павла, устроил ему келлию в четырех верстах от своей; он охранял его, по замечанию Руфина, от посетителей¹⁴⁵. Сам он, кроме келлии у подошвы горы, устроил себе еще две келлии на самой вершине горы, где и скрывался от приходящих¹⁴⁶.

Антоний нашел в своей пустыне ближе к Черному морю и другого любителя уединения.

Антонию было уже девяносто лет от роду, и семьдесят лет протекло с тех пор, как, оставив мир, проводил отшельническую

жизнь. Сидя в своей пещере, он подумал однажды: «Кроме меня нет другого отшельника в сей пустыне». Но в ту же ночь во сне было ему откровение, что в отдаленнейшем краю сей пустыни есть другой отшельник, совершивший его. Опираясь на свой посох, Антоний тотчас отправился в путь. «Верую моему Богу, – сказал он, – что Он покажет мне раба Своего, которого явил ночью». Целый день он шел по пустыне, не видя ее предела, и встречая одни только следы диких зверей. Другой день уже склонялся к вечеру, а Антоний не находил искомого. На третий день рано поутру, в час утренней молитвы, Антоний заметил гиену, быстро бегущую к ближней пещере¹⁴⁷. Он пошел за зверем и скоро достиг пещеры, внутри которой увидел свет. Желая войти в пещеру, Антоний в темноте поскользнулся на камень и произвел шум, вдруг пещера заключилась. Но Антоний, повергшись на землю у порога, часов до шести или более умолял отворить пещеру. «Откуда ты, спросил голос изнутри, и зачем пришел сюда? Знаю, отвечал Антоний, что я недостоин твоего лицезрения; но если ты принимаешь зверей диких, то неужели отвергнешь человека? Я искал, и нашел. Умру здесь у дверей твоих, и ты принужден будешь погребать мое тело». «Никто однако же, сказал голос, не просит с угрозами». Пещера открылась, и два ветхие старца, из которых одному было уже с лишком девяносто лет от роду, а другому столько же от удаления в пустыню, обнялись, как давно знакомые. Антоний, сказал Павел¹⁴⁸. Павел, отвечал Антоний. Бог открыл им взаимные имена. После взаимных приветствий, старцы сели у источника. «Зачем ты, спросил Павел, предпринимал такой труд, чтобы увидеть старика ветхого и полуистлевшего, который в твоих глазах скоро обратится в прах? – Помолчав немного, он спросил, что теперь делается с родом человеческим? Возвышаются ли новые здания в старых городах? Как управляет мир? Осталось ли еще идолопоклонство? Во время разговора подлетел ворон и положил перед старцами хлеб. Господь наш устраивает нам трапезу, сказал Павел; – поистине щедр и милостив Он. Вот уже семьдесят четыре года, как я получаю половину хлебца; а ныне, ради твоего пришествия, Христос удвоил дачу своим воинам.

Благодаря Бога, старцы сели вкушать хлеб у источника. Здесь Павел рассказал Антонию свою жизнь.

Павел родился¹⁴⁹ в Египте в Нижней Фиваиде, от родителей Христиан, которые дали ему тщательное воспитание. Он учился всем Египетским и Греческим наукам, какие только славились тогда. От природы тихий и миролюбивый по характеру, Павел с юности имел склонность к Богомудрым размышлениям, и его сердце горело любовью к Богу. У Павла была сестра, которую родители ещё при своей жизни выдали в замужество. Зять был человек жестокий, суровый и до крайности корыстолюбивый. Когда Павел на шестнадцатом году возраста, лишившись родителей, сделался наследником огромного состояния, зять решился погубить его, чтобы воспользоваться имением.

Когда Павлу было около 22-х лет от роду, открылось жестокое Декиево и Валерианово гонение на Христиан (249). Проникнув намерение своего зятя – предать Павла гонителям и овладеть его имением, Павел, добровольно оставив все зяту, удалился в пустыню.

Переходя с места на место и отыскивая удобнейшего приюта, он подошел к каменной горе и недалеко от подошвы ее нашел пещеру, заслоненную камнем. Выдвинув камень, блаженный юноша увидел внутри обширный ход, открытый верх которого осенен был длинными и густыми ветвями финикового дерева, и вблизи протекал источник с весьма чистою водою. Это уединенное и от всего мира скрытое место так полюбилось Св. Павлу, что он решился поселиться здесь навсегда. «Таким образом, – замечает блаженный Иероним, – к чему привела необходимость, то теперь утвердила собственная воля». Поселившись в пустыне, святой Подвижник безвыходно прожил в ней около девяносто одного года, никем не видимый и никому не ведомый, кроме одного Бога. Дни и ночи проводил он в чистой пламенной молитве; питался плодами своей пальмы, одевался ее листьями.

Окончив повесть о своей жизни, блаженный Павел сказал Великому Антонию: «Поелику наступило время моего успения, то ты послан от Бога, чтобы покрыть тело мое землею». Со слезами Антоний умолял Павла не оставлять его и взять с

собою. Но Павел сказал: «Тебе ещё надобно жить для пользы братии твоей. Иди в свой монастырь и для облачения моего тела принеси одежду, которую подарил тебе Афанасий Епископ». Антоний молча проливал слезы, лобзал очи и руки Павла и потом пошел в обратный путь.

Подходя к своей обители, Антоний встречен был двумя из учеников своих. «Отче наш, спрашивали они, где так долго ты был? Горе мне грешному, говорил со слезами старец, – я монах только по имени, я видел Илию, видел Иоанна в пустыне; поистине я видел Павла в раю». И тотчас, взяв одежду, снова отправился в путь. На другой день около третьего часу он видит сонмы Ангелов, лики Пророков и Апостолов, и между ними блаженного Павла, восходящего на небо и блистающего необыкновенным светом. Падши на лицо свое, посыпая перстью главу, плача и сетя, Святой Антоний взыпал: «Павел, зачем ты меня покинул? почему не дал мне последнего целования?» С возможною для его лет скоростью, он поспешил к пещере Павловой, – и видит, что блаженный стоит на коленах, глава и руки подняты к небу. Антоний думал, что Павел ещё жив и молится. Но наконец, уразумевши, что молится одно тело Павла, а душа его на небе, Антоний с великими слезами облачил тело блаженного и вынес оное из пещеры для погребения, воспевая псалмы и духовные песни. Долго печалился он, что на земле каменистой и изсушенной зноем не может вырыть могилы. Но тут увидел он, что два льва идут из пустыни. Они вырыли могилу, и в ней похоронил Антоний Павла. Антоний, взяв с собою пальмовую одежду Павла, удалился в свою обитель. В самые торжественные праздники: Пасху, Пятидесятницу, он облачался в эту одежду. «Если бы Бог позволил и мне выбирать, – говорит блаженный Иероним, – то я скорее бы избрал рувище Павла с его заслугами, нежели порфиру Царей с их царствами».

Сколько могло доставить Антонию утешения свидание с великим пустынником Павлом, столько возмущало его душу состояние Православной Церкви, гонимой Арианами.

Однажды сидя на своей горе с братьями за рукоделием, вдруг Антоний объят был Духом и восхищен в видении; пришед

в себя, старец, затрепетав, преклонил колена, преклонили колена по его прошению и братия, долго молился. Когда встал он с молитвы, слезы ручьем текли из глаз его. Устрашенные ученики просили его рассказать: что с ним? Антоний немало отказывался отвечать. Потом со слезами стал говорить: «Дети мои, лучше бы умереть прежде, нежели сбудется то, что я видел. Грядет гнев Божий на Церковь Христову; вера православная подвергнется великому гонению и Церковь Христова предана будет в руки людей, которые подобны безсловесным. Я видел трапезу Господню, окруженную множеством волов, которые все ниспровергают, и слышал голос с неба: так будет осквернен мой храм. Но не отчаивайтесь, дети мои, продолжал вдохновенный старец, как Господь прогневался, так Он же паки исцелит, и Церковь скоро восприимет прежнюю красоту. Увидите изгнанных возстановленными: только не оскверняйте себя общением с Арианами»¹⁵⁰.

Скоро исполнилось пророчественное видение Антония. Арианин Григорий с помощью Филария овладел престолом Церкви Александрийской и поругался над святынею Православных. – Ревностный Антоний думал вразумить Григория посланием, в котором писал: «Вижу гнев Божий, грядущий на тебя, перестань преследовать Христиан, чтобы не постиг тебя гнев, угрожающий тебе близкою погибелью»; но нечестивый Арианин глумился над письмом Святого старца, и за это, по предречению Антония, постиг его суд Божий¹⁵¹. Едва ли не обращался Антоний с просьбою о прекращении гонений на православных и к Императору Констанцию. По крайней мере сохранилось известие, что Антоний получил от Императора Констанция письменное приглашение, чтобы он пришел в Константинополь. Антоний размышлял, что ему делать; потом спросил своего ученика Павла: должно ли мне идти? Павел отвечал: если пойдешь – будешь Антоний; а если не пойдешь – будешь Авва Антоний¹⁵².

Имея более девяноста лет от роду, Антоний принял к себе двух учеников¹⁵³, для услужения его старости.

Не имея уже сил часто навещать свой монастырь, он назидал иноков посланиями¹⁵⁴. Его послания дышат духом Апостольской любви и заботливости о спасении его чад.

«Возлюбленные мои, – так писал Антоний, – я непрестанно днем и ночью воспоминаю о вас в молитвах своих, и прошу Господа нашего, чтобы Он укрепил веру вашу, – умножил добродетели ваши, утвердил мудрость вашу и навык отличать истину от лжи, и даровал вам духовного мужества, еще более, чем вы имеете. Я непрестанно молюсь о вас, потому что я родил вас во Христе и вы сделались моими сынами. Так и Апостол Павел, родивши духовно Тимофея, написал к нему: *непрестанную имам о тебе память в молитвах моих день и нощь: желая видети тя, поминал слезы твоя да радости исполнюсь (2Тим.1:3–4)*. И я, возлюбленные мои, любя вас за правоту сердца вашего, поступаю касательно вас так же, как Павел касательно Тимофея: я вспоминаю о вас, молюсь о вас, желаю видеть вас. Все сие я делаю потому, что помню труды ваши, стенание ваше, скорбь вашего сердца, великое терпение и кротость вашу, и все ваши подвиги благочестия, которыми вы постоянно и мудро занимаетесь».

«Дети мои, я прошу Господа, чтобы он облегчил путь мой к вам, чтобы опять мне прийти и видеть вас. Я знаю, что и вы желаете меня видеть так же, как и я вас. Вы знаете, что на земле ничто не может сравниться с любовью родителей к детям и детей к родителям: и те и другие всегда желают видеть друг друга. Не гораздо ли большую любовь имеют друг к другу отцы и дети духовные? поскольку отцы духовные более знают, нежели отцы плотские; то первые всегда со страхом Божиим и любовью к Богу желают видеть детей своих. Притом известно, что любовь родителей к детям сильнее любви детей к родителям (2Кор.6:11–12). И моя любовь к вам, дети, сильнее вашей любви ко мне; потому что вы дети мои. Итак, будем вместе молить Бога, чтобы Он позволил нам видеть друг друга. Я уверен, что пришествие мое к вам доставит нам великую радость и веселье, как и Апостол некогда говорил о сем же к Римлянам: *желаю видети вас, да некое подам вам дарование духовное, к утверждению вашему. Сие же есть соутешитися*

в вас верою общею, вашею же и мою (Рим.1:11–12)»¹⁵⁵. Такою любовью полон был старец к своим детям инокам. В другое время, не могши сам придти, посыпает для утешения их своего ученика. «Надеясь, что Бог благоволит мне ещё в теле видеть вас, и принести к вам радость, за ту радость, которую вы доставляете мне, я послал к вам возлюбленного сына моего. Господь, видя, что я люблю вас, как отец детей своих, в отсутствие мое Сам будет для вас утешением и радостью, Сам даст вам духовную силу и мир в вашем уединении»¹⁵⁶.

«Благословенные дети мои, я желаю, чтобы вы постоянным и сердечным исполнением дел Господних соответствовали моим молитвам о вас и моей великой любви к вам (письмо 15-е)». То он утешается их духовным совершенством. «Поелику вы избрали Божественное, то я люблю вас всем духом моим. Вы имеете в себе Бога и стоите на высокой степени совершенства». То молит Бога о высшем совершенстве. «Я всегда молю Бога о вас, чтобы в ваших сердцах умножалась любовь к Богу, и открылись к вам великие таинства Божии, чтобы вы достигли той меры совершенства, на которой вы можете знать неисчислимые и бесконечные богатства царства Божия. Я знаю, что немногие из иноков и дев достигли сей степени совершенства, таковые будут судить в последний день суда (письмо 13-е). Я молюсь непрестанно Богу о вас, чтобы вы были вместе со мною там, где я буду; потому что вы дети мои и во всем послушны мне (письмо 14-е). Возлюбленные мои, вы будете составлять мне радость, если будете помнить о моем ничтожестве (письмо 14-е). Прошу вас именем Господа нашего Иисуса Христа, исполняйте ревностно обязанности свои к Богу. Если умеете вы отличать истину от лжи, то можете видеть, что сие мое прошение проистекает из истинной духовной любви к вам. По сей-то духовной любви к вам я желал бы называть вас не плотскими и земными именами вашими, но именами духовными, которые без сомнения вы получили от Бога. Ибо каждый из нас, кроме земного имени, должен иметь от Бога имя духовное».

«Бог Един, посему и человек должен служить Ему в единстве и в полноте духа своего. Если даже и многие люди

соединяются для служения Богу, они должны иметь один дух и одно сердце». Из сего-то любвеобильного сердца истекали те мудрые наставления, которые мы находим в письмах Антония¹⁵⁷.

Чтобы познакомиться с духом и содержанием писем Преподобного Антония, представим в извлечении его наставления. Любопытно видеть, как этот великий отшельник судил о достоинстве уединения.

«Желающий быть благочестивым¹⁵⁸, – пишет Антоний, – должен удаляться мірского шума, чтобы и по телу, и по сердцу и по уму быть свободным от той суety, которая обыкновенно находится между людьми. Когда мы живем в мире между людьми, враг наш нападает на нас и с внутренними и внешними оружиями; в орудие своей ненависти к нам он употребляет против нас и самых людей. Господь наш показал в себе образец сего уединения, когда один взошел на гору помолиться. В уединении в пустыне Он победил дьявола, который искушал его. Он мог победить, живя и между людьми: но победил в уединении, чтобы показать нам, что мы в уединении удобнее можем побеждать духовного врага своего и достигать совершенства. Господь наш не открывал также славы своей ученикам пред людьми, но, удалив их от людей, взошел с ними на гору и там показал им свою славу. И Иоанн Креститель жил в пустыне до явления своего Израилю. Верховный Апостол Петр показывает нам также пользу уединения. Когда он был в уединении, то видел отверстое небо, спускающуюся к нему скатерть, и слышал глас Божий (Деян.10:11. 17). Равным образом и Пророк Иезекииль, когда видел животных, из которых каждое, для обозначения славы Божией, имело четыре лица, был не в городе, или селении каком-либо, но в поле, потому что Бог велел ему выйти туда и там показал ему славу свою. Словом, Божественные видения и явления Святым случались всегда на горах и пустынях. Апостол Павел в послании к Евреям так говорит о сих Святых людях и их благочестивом образе жизни: *их же не бе достоин весь мир, они в пустынях скитались и в горах и в вертепах и в пропастех земных* (Евр.11:38). Пророк Иеремия, зная, что уединение приятно Богу,

так говорит об оном: *Благо есть мужу егда возмет ярем в юности своей, сядет на едине и умолкнет* (Плч.3:27–28). Сей же Пророк видя, что порочные дела людей препятствуют благочестивым людям свободно служить Богу, так говорит: *кто даст мне в пустыни виталище последнее, и оставлю люди моя и отъиду от них* (Иер.9:2). Пророк Давид говорит Богу об уединении: *Ты, Господи, единого на уповании вселил мя еси* (Пс.4:10). И Пророк Илия от Ангелов получал духовную пищу не посреди многочисленного народа, не в городе или селении каком-нибудь, но в пустыне. Все необыкновенные происшествия, случившиеся со Святыми в пустынях, описаны и преданы нам для нашего наставления, чтобы и мы подражали им и любили уединение, которое приближает нас к Господу, делает нас совершенными и доставляет нам духовное утешение. Те люди, которые уединяются и любят смирение всем сердцем своим и всею силою своею, получают более славы и уважения, нежели живущие в городах и селениях. Итак, старайтесь утвердиться в уединении. Оно сделает нас достойными видеть Бога, видеть Его духовным образом по благодати Господа нашего Иисуса Христа, Слова Вечного, оживотворяющего души наши и тела наши»¹⁵⁹. Антоний указывает на три вида призыва к жизни подвижнической. «Трояким образом люди призываются к отречению от мира. Одни, услышав слово спасения, не медля нимало, последуют призыванию Божию и стараются сообразовать жизнь свою с учением Евангельским. Другие возбуждаются к жизни благочестивой страхом мучения в будущей жизни за грехи и желанием вечного блаженства, уготованного праведным. Иные бедствиями и болезнями просыпаются от греховного усыпления». Как же совершается и проходится этот путь самоотвержения, на который вступает подвижник? Сей тяжкий путь, учит Антоний, проходится успешно только при помощи Божией. Дух Святый вначале обыкновенно делает для удалившихся от мира легкими все духовные подвиги, чтобы раскаяние во грехах не было для него трудно и неприятно. Он показывает ему путь к благочестию, более и более усиливает в нем дух покаяния, укрепляет его в добродетелях, научает

обуздывать свое тело и очищать свое сердце, и таким образом соделывает его наследником жизни вечной. Посему человек, который хочет удалиться от мира, прежде всего должен обращаться к Богу с молитвою о Божественной помощи. Душа человеческая, будучи оставлена самой себе, так слаба, что когда или дух злобы нападает на нее, или чувственные желания требуют удовлетворения себе; она редко может противиться им и большою частью порабощается ими; кто желает всем сердцем обратиться к Богу, того Сам Бог научит, как служить Ему (письмо 3-е). Дух Святый ниспосыпает свою помощь по мере ревности его к благочестию, по мере того, как он сильно чувствует нужду в пособии и желает получить оное. Когда Божественная благодать не находит препятствий своим действиям в сердце человека, то она постепенно искореняет в нем все страсти, как те, которых семя скрывается в теле человеческом, так и те, которые рождаются собственно в сердце. Тело умерщвляется обыкновенно долговременными постами, бдением и трудами. Но если действует Дух Божий в человеке, то все Божественное становится легким для него. Тогда человек не чувствует слабости ни в исполнении добродетелей, ни в служении Богу, ни вочных бдениях; он не гневается, когда оскорбляют его другие; не страшится ни людей, ни зверей, ни духов злобы. Ибо при нем и днем и ночью находится радость Господня. Она питает и просвещает ум его. Сия радость возвращает душу человеческую, усовершает и возносит на небо, как пища питает и укрепляет тело (письмо 18-е). И человек уже ясно чувствует, что привязанность к суетным удовольствиям мира сего и возвращение к жизни порочной для него гибельны. Тогда душевный взор человека на окружающие его предметы просвещается, душа и тело очищаются, и в чистоте своей действуют согласно между собою. Все сие производит Дух Святый, Который постоянно истребляет в человеке природное его повреждение, чтобы поставить его в первобытное состояние и чтобы не осталось в нем ничего, что собственно принадлежит врагу его. Господь, по любви своей к благочестивому человеку, иногда подвергает его несчастиям, чтобы он не гордился, но всегда пребывал в труде и возрастал в добродетели. Если

человек тверд и мужествен, то Бог возлагает на него бремя трудов, или повергает его в безсилие, вместо радости дает ему печаль, вместо покоя беспокойство, вместо сладости горесть. Любящий Бога, стараясь преодолеть сии бедствия, более укрепляется. Когда преодолевает их, то Дух Святый вспомоществует ему во всем, так, что человек не боится никакого зла (письмо 18-е). Когда душа человеческая возвращает свою первобытную чистоту, то тело уже теряет свое господство над нею; ибо тогда оно зависит от воли души, которая и предписывает ему правила воздержания в пище и питии и управляет им во всех его действиях. Если душа постоянно повинуется внушениям Духа Святого и терпеливо переносит труды покаяния, то милосердый Творец взирает благосклонно на все ея подвиги, на долговременный и строгий пост, бдение, размышление при чтении Слова Божия, непрестанную молитву, на искреннее и чистосердечное служение всем людям, на нищету духа. Преблагий Бог наконец освобождает её от всех искушений и изливает ей духовное утешение»¹⁶⁰.

Поучительно слышать от опытного в духовной борьбе подвижника, как он раскрывает многообразные козни дьявола, покушающегося совратить подвижника с правого пути его. «Чтобы не явиться в собственном своем свете, дьявол скрывает свою ненависть к нам под видом любви и показывает различные приятные призраки, чтобы своим ложным и обманчивым видом мог совратить сердце наше с пути истины. Все усилия дьявола клонятся к тому, чтобы препятствовать благочестивым занятиям тех душ, которые истинно служат Богу. Чтобы погасить в душе огонь, которым питаются все добродетели, дьявол возбуждает в ней многоразличные страсти: Богохульство, сомнение в вере, осуждение, злословие, ненависть, и особенно производит в теле леность и склонность к удовольствиям. Если же приметит, что человек не исполняет его внушений, то употребляет другую хитрость. Он старается возбудить в сердце гордость. Показывает ночью сновидения, которые оправдывает днем, чтобы лучше таким образом обмануть; ночью является им окруженный светом, освещает их

местопребывание, и производит много подобных явлений. Побуждает нас совершать такие дела, которые превышают силы наши, и отклоняет нас от исполнения того, что для нас полезно и нужно. Все сие он делает для того, чтобы от людей, не усовершившихся ещё в добродетели, удалить всякое подозрение в обмане, чтобы они считали его Ангелом Божиим и принимали к себе. Если он обманывает их, то, возбудив, что они славны и велики, низвергает гордостью. Если же видит, что его обманы не удаются, – его внушение не принимают, то отходит со стыдом. Если мы, хотя немного, попустим им возобладать над собою, то семя зла, которое они посеют в сердце нашем, укоренится, возрастет и умножится¹⁶¹, и мы соделаемся добычею их¹⁶². Искушения духов злобы тем опаснее для нас, что духи невидимы и действуют не телесным, но духовным образом. Мы не можем их видеть, как видим тела, не можем удалиться от них, но они видят. Когда они всевают в душу нашу Богопротивные мысли, то через сие как бы вселяются в нас и делаются как бы видимыми в нашем теле, в наших грехах. Искушения от злых духов неизбежны, ибо мы до совершенного отрещения от тела не можем быть совершенно свободны от склонности ко греху¹⁶³. И Бог, одарив нас свободною волею, попускает злым духам искушать нас, чтобы мы сами могли отражать и побеждать их. Дьявол, будучи низвергнут с неба в ад за гордость свою, всегда ищет погибели тех, которые пребывают верными Господу, и старается погубить их таким же образом, как сам погиб, т. е. гордостью и славолюбием».

Потому Антоний часто в своих письмах внушает инокам смирение, и указывает средство к его приобретению. «Никто, пишет Антоний, не может иметь истинного сердечного смирения, если душа его не будет смотреть на Господа, как на образ совершенного смирения. Святым Бог даровал славу и богатство потому, что они смирялись всем сердцем прежде, нежели Он возвеличил их; и чем более приближались к Нему, тем более старались смиряться. Многие, по-видимому, имеют смирение, но оно не есть сердечное; они кажутся смиренными по внешности пред людьми, но не пред Богом. Не желайте приобретать славы от людей, но постоянно пребывайте в

глубоком смирении и не переходите с одного места на другое с тем, чтобы приобретать славу от людей, потому что вы тогда забудете прежнее свое недостоинство. Я вижу, что некоторые из иноков стараются приобретать славу от людей так, что, когда они получат её в одном обществе иноков, то переселятся в другое, чтобы и там получить её. Знайте, дети мои, что это худо, и не переходите из одного общества иноков в другое, чтобы приобрести только славу от людей; но будьте прости сердцем, как дети, и подражайте тем двум ученикам Иоанна Крестителя, которые дотоле не оставляли его, доколе из свидетельства Иоаннова не узнали, что Господь Иисус Христос более Иоанна, тогда уже они последовали за Иисусом Христом; и как дети сделались его учениками, так и вы всегда поступайте, когда захотите перейти к другому наставнику, который более первого наставника вашего».

«Дети мои, признавайтесь пред всеми, что вы грешники, и оплакивайте себя, когда сделаете какое-нибудь худое дело. После сего вселится и будет действовать в вас сила Господня; потому что Господь милосерд, прощает грехи тех, которые обращаются к Нему, и не вспоминает об них. Но Он хочет, чтобы сами люди помнили грехи свои, не забывали их и старались отдать отчет в них, хотя они уже и прощены им. Вы знаете, что случилось с рабом забывшим, что Господин простил ему долг его (Мф.18:23). Моисей также заповедал народу своему, чтобы он, поселившись в земле обетованной, не забывал грехов своих (Втор.9:7); и мы будем стараться войти в обетованную землю, и вошедши в нее, не будем забывать нашего рабства греху, но будем помнить оное, чтобы не сделаться неблагодарными Богу. Давид, получивши прощение греха своего, помнил его, и память об нем оставил в потомстве, чтобы все знали об нем от одного поколения до другого. Сам Бог чрез Пророка Исаию сказал: *Аз есмъ, Аз есмъ заглаждаяй и беззакония твоя Мене ради, и грехи твоя, и не помяну, ты же помяни, да оправдашися* (Ис.43:25–26). Подобным образом и чрез Пророка Иеремию Бог говорит: *обратися ко Мне, дом Израилев, и не утвержду лица Моего на вас, яко милостив Аз есмъ и не прогневаюсь на вы во веки; обаче виждь беззаконие твое, яко и Господа Бога твоего*

преступила еси (Иер.3:12–13). И вы, дети мои, не должны прощать себе грехов, когда Бог прощает их нам, но непрестанным покаянием должны возобновлять их в памяти: я напоминаю вам о сем, возлюбленные, потому что знаю ваши великие добродетели, и предохраняю вас от ослабления, чтобы не затмился свет ваш, но чтобы умножались плоды ваши соответственно Ангельскому образу, в который вы облечены. Ваши добродетели, возлюбленные, известны всем; но вы не думайте о сем, чтобы не возгордиться, но со смирением воспоминайте о прежнем вашем недостоинстве и бедности. Тогда вы не будете подвержены тщеславию. Получивши милость от Бога, не забывайтесь, чтобы плоды вашего покаяния не сделались бесполезными для вас; но подражайте учителю вселенной Апостолу Павлу, который, удостоившись видеть явившегося ему Бога, помнил прежнее свое неразумение, забытое уже милосердым Богом, и открыто говорил: гоних Церковь Божию (1Кор.15:90¹⁶⁴).

«Сколько бы ни были велики наши добродетели, их никогда не должно считать избытком нашей святости. Ибо кто истинно служит Богу и всем сердцем ищет Бога, тот делает сие по обязанности своей¹⁶⁵. Кто, видя в себе некоторые совершенства, гордится ими, старается оправдать себя делами своими, далек от Бога. Если человек не возлюбит смирения всем сердцем, всеми мыслями и всею душою, если не будет выражать смирения во всех делах своих: не наследует царствия небесного¹⁶⁶. Как вол, вертящий жернов, будет есть зерна, которые мелет, если не завяжут ему глаза; так и Сам Бог действием Своего милосердия иногда скрывает добродетели, которые мы делаем, чтобы наше тщеславие не уничтожило наших добрых дел и не лишило нас награды»¹⁶⁷.

Безопасное и близкое для иноков средство к приобретению смирения и прочих добродетелей указывает Антоний в послушании отцам.

«Кто хочет успевать и возрастать в добродетели, иметь спокойствие в сердце и быть безопасным от коварств диавола, тот должен найти служителя Божия, умеющего врачевать духовные болезни, и прибегать к его помощи: он может указать

истинный путь, который без того неизвестен неопытным. Сами отцы наши повиновались отцам, и следовали их наставлениям, и ПОТОМУ возросли и усовершились в добродетели и благочестии, и сделались учителями других. Они помнили слова, написанные в премудрости сына Сирахова: *не отступайте от повести старцев; ибо тии навыкоша от отцев своих* (Сир.8:11)¹⁶⁸.

Не можем не привести выписки ещё одного места из писем Антония, указывающего на то, что созерцательная жизнь иноков приводила их к некоторым ошибочным представлениям о проникновении в мир духовный.

«Многие, – пишет Антоний, – по глупости своей говорят: мы видели Господа Иисуса Христа, как видели Его Апостолы. Но сии люди обманываются. Всякий человек, освободившийся от страстей, увидит Господа очами веры, но телесными глазами не увидит того блестательного света, который видел Апостол Павел. Если грех царствует в теле, то человек не может видеть Бога, потому что душа его во мраке, и в ней нет света, при котором могла бы видеть Бога. Давид говорит: *во свете Твоем узрим свет* (Пс.35:10). Это тот свет, который Господь повелевает сохранять в себе, чтобы весь человек был светел (Лк.11:35–36). Все чувственные явления Божии свидетельствуют только о несовершенстве и неспособности нашей видеть Бога открыто, как в зеркале (2Кор.3:18). Но у тех людей, которые достигли совершенства, открываются сердечные очи, которыми они спокойно и легко могут смотреть на обильный духовный свет. Кто приближается к Богу, тот познает Его силу (Пс.33:6). Не удивляйтесь тому, что путь жизни вашей далек от подобного состояния. Вы ещё находитесь в духовном отрочестве. Как тело имеет три возраста: отреческий, мужеский и старческий; так и душа преемственно имеет три состояния: состояние веры рождающейся, усовершающейся и усовершившейся¹⁶⁹. На это указывает Иоанн, когда пишет: *писах вам юноши, писах вам дети, писах вам отцы* (1Ин.2:12. 13–14). Нужно постоянно продолжать свой путь, чтобы достигнуть совершенства».

Так в постоянных подвигах самоумерщвления и в заботе о спасении близких протекла жизнь великого Антония. «Вся

протекшая, писал он к монахам, довольно долговременная жизнь моя была не что иное, как непрестанный плач о грехах моих»¹⁷⁰. В письме к Арсинойским монахам он уже высказывает близость своей кончины. «Я желал бы, — пишет он, — видеть всех здесь на земле в бренном теле моем: но я ожидаю уже переселения в те блаженные обители, где нет ни печали, ни стенания, но где все Святые непрестанно радуются. Там я надеюсь видеть вас»¹⁷¹.

Предузнав свое отшествие к Богу, он пришел в последний раз в свой монастырь, чтобы проститься с братией. Когда все собрались, он обратился к ним с последним наставлением:

«Выслушайте, возлюбленные дети, последнее наставление отца вашего. Я более не увижу вас в сей жизни. Мне уже сто пять лет; сама природа дает знать о сроке разрешения моему телу». Услышав это, иноки горько заплакали, стали обнимать и лобзать старца. «Не плачьте, — сказал Антоний, — неуклонно идите избранным вами путем, сохраняйте чистоту душевную, не имейте общения с еретиками, особенно с Арианами, и твердо держитесь правой веры в Господа Иисуса Христа, и преданий Святых Отцев».

Братия просила Антония последние дни жизни провести с ними. «Но для Антония, — говорит Афанасий, — никакое место не было так любезно, как гора». Здесь в совершенном безмолвии провел он остаток дней своих. Почувствовав приближение кончины, он призвал своих двух учеников, пятнадцать лет служивших ему. «Наконец, любезные дети, — сказал он им уже слабым голосом, — наступил час, в который я, по слову Божию, отхожу ко отцам моим. Уже Господь зовет меня; уже я желаю видеть небесное. Заклинаю вас, чада сердца моего, не погубите плодов, приобретенных вашими долговременными трудами; помните, каким вы подвергались искушениям от демонов, и вы знаете как злобные коварства их, так и безсилие против благочестия. Любите от всего сердца Господа вашего Иисуса Христа. Никогда не забывайте наставлений моих. Постоянно помышляйте о том, что вы всякий день можете умереть. Если имеете любовь ко мне, если считаете меня отцом своим, если хотите чем-либо ответить нежнейшей любви моей к вам, —

заклинаю вас, не носите моего тела в Египет, дабы оно не осталось в каком-либо доме. Погребите меня здесь, и никому не говорите о месте моего погребения. Я уповаю, что в день воскресения оно возстанет нетленным. Милоть – ветхую одежду, на которой лежу, отдайте Афанасию за то, что он дал мне новую, другую милоть – Епископу Серапиону, и себе возьмите власяницу. Прощайте, возлюбленные дети, ваш Антоний идет в путь и более не будет уже с вами». После сих слов равноангельская душа его отошла ко Господу; на лице его сияла светлая радость. Это было 17-го Генваря 355 года.

Согласно завещанию Преподобного Антония, тело его похоронено было учениками его в горе без свидетелей.

«Имя человека, – говорит Афанасий в заключении жития Антония, – скрывшегося в неизвестных и непроходимых пустынях, Бог прославил в Африке, Испании и Галлии, Италии и самом Риме». Будучи в Риме, ещё при жизни Преподобного Антония, Афанасий рассказами о подвигах сего подвижника и других пустынножителей Египта воспламенял сердца благочестивых слушателей, помогал им отрешаться от земных привязанностей, и пример Антония нашел себе ревнителей в Риме. Первая Маркелла основала у себя иноческое общежитие¹⁷².

Мы видели, что все почти великие подвижники Египта были или учениками Антония, или искали его наставлений. В Палестине монашество основано его учеником Иларионом. «Ученики Антония, – говорит Созомен, – были везде, но не легко найти их; ибо они, в продолжение своей жизни, старались скрываться ревностнее, чем многие из нынешних людей, волнуемые честолюбием, домогаются известности»¹⁷³. Жизнь Антония осталась навсегда высоким образцом жизни иноческой, и учит его примером во все времена. Посылая инокам жизнеописание Антония, Афанасий писал: «Старайтесь, братия, тщательно прочитывать эту книгу; пусть знают все, какова должна быть жизнь иноков, пусть уверятся все в том, что Спаситель наш Иисус Христос прославляющих Его прославляет и служащим Ему дарует не только царство небесное, но и

земную славу среди пустынь, дабы и они сами пожинали награды за труды свои, и другие последовали пути их¹⁷⁴.

Чрез три года после смерти Преподобного Антония приходил на его гору Преподобный Иларион. Он нашел здесь двух учеников Антония, Исаака и Пелузиана. Память о великом учителе жива была у его учеников. Вот здесь, говорили они Илариону, указывая на место, он пел псалмы, здесь молился, здесь работал, здесь обыкновенно отдыхал, утрудившись. Эти лозы, эти деревца он сам насадил; этот дворик он сам сделал. Этот прудок для орошения садика он сам с большим трудом устроил. Этим заступом много лет он копал землю. Указали и постель его¹⁷⁵. Иларион лег на нее и лобызал её.

Кроме двух учеников Преподобного Антония жили в его горе и другие отшельники, в числе их особенно знаменит Сисой, которого называют одним из самых блестательных светил пустыни¹⁷⁶.

Святой Сисой, пустынножитель горы святого Антония

Он отрекся мира ещё в ранней юности¹⁷⁷ и жил сначала в Ските, под руководством Аввы Ора. После нескольких лет упражнения в подвигах самоотречения и покаяния пустыня Скита показалась ему многолюдною. Услышав, что великий Антоний почил, он перешел Нил и удалился на ту гору, где подвизался Антоний.

Живая память о подвигах Преподобного Антония немало способствовала к возбуждению его ревности к подвижничеству. Он как бы видел его пред собою, как бы слышал из его уст дивные наставления, которые он при жизни давал своим ученикам. Своим строгим подвижничеством, своими добродетелями он скоро заслужил всеобщее уважение знативших его.

Как ни старался он скрывать себя, не мог укрыться от их посещений и любовь к братьям должен был предпочесть удовольствию, какое находил в сохранении безмолвия. Многие приходили к нему за наставлениями. Добротель, которой он преимущественно учил, была смирение. И он тем лучше мог давать наставления в сей добродетели, что сам был примером самого глубокого смирения. Добротель смирения была первым уроком, какой дал Сисою его учитель Ор. Дай мне наставление, просил однажды Сисой Ора. Имеешь ли ты ко мне доверенность? – спросил его Ор. Имею, отвечал Сисой. Поди же, сказал ему Ор, и делай то же, что, как видишь, делаю я. Что же я вижу в тебе, отец? – спросил его Сисой. Ор отвечал: Я почитаю себя ниже всех людей¹⁷⁸.

Один пустынник сказал ему однажды: «Отче, я замечаю за собою, что памятование о Боге всегда со мною. Это ещё не много, сын мой, отвечал ему Сисой, важнее сего – видеть себя ниже всей твари; ибо такое унижение способствует к приобретению смирения¹⁷⁹. Другому брату он сказал: «Будь смирен, отвергайся своей воли, отрекись от пустых забот мірских, и ты найдешь мир сердца»¹⁸⁰.

Один брат спросил его: достиг ли он совершенства Святого Антония? Ах, воскликнул он, если бы я имел в моем сердце одну из мыслей Аввы Антония, – я весь был бы проникнут огнем любви Божией»¹⁸¹. Проходя такую святую жизнь, он так мало думал о своем подвижничестве, что называл себя преданным чревоугодию и хотел, чтобы и другие считали его таким. Некоторые пустынники пришли видеть его и просили сказать что-нибудь в наставление; он отказался, и только повторил: простите меня, и оставил их беседовать со своим учеником. Но его пример восполнил его отказ и доставил им назидания более, нежели сколько могли бы получить от долгого собеседования с ним. Разговаривая с его учеником, пришельцы спросили, зачем эти корзинки. Сисой поспешил перервать ответ ученика и сказал: «Сисой ест то из той, то из другой; братья, зная каково было его самоумерщвление, узнали его смирение и возвратились, получив назидание и довольны своим посещением»¹⁸².

В самом деле, Сисой не только сохранял правила поста, общие пустынножителям, но большую частью он и не думал о принятии своей пищи, и ученик его Авраам должен был напоминать ему о том; притом несколько раз случалось, что он удивлялся, думая, что уже принял пищу; так мало обращал внимания на потребности телесные¹⁸³.

Если случалось, что любовь обязывала его переменить час трапезы из угоддия к странникам, приходившим его видеть, он вознаграждал себя за то долгим постом, вымещая на своем теле снисхождение, которое делал для того, чтобы лучше исполнить любовь. Пустынножители соседние знали об этом его обычай; однажды Авва Аделфий, Епископ Никопольский, не знаяший сего обычая, пришел видеть его и упросил его вкусить пищи с собою пред своим отправлением. Преподобный Сисой не захотел отказать ему в том; но некоторые старцы, пришедшие в сие время, стали упрекать его ученика, говоря, что он должен был воспрепятствовать ему, поскольку знал, что его учитель, за это снисхождение, по своему обычай, станет держать пост продолжительный и очень строгий. Епископ, услышав о сем, много извинялся пред ним¹⁸⁴.

В гору Антония прислали однажды вина, один из пустынников поднес ему две чаши вина. Сисой выпил первую, принял и вторую. Но когда он предложил ему в третий раз, Сисой не взял, сказав: «Разве ты, брат, не знаешь, что есть сатана?»¹⁸⁵. Тот же совет умеренности дал он и другому пустыннику, который спрашивал, как поступить ему в подобном¹⁸⁶.

Он так отвращался похвалы человеческой, что, молясь иногда с руками, воздетыми к небу, тотчас опускал их вниз, как скоро думал, что могут видеть его. Однажды творя свою молитву вместе с другим братом, он, забывшись, несколько раз вздохнул; но как скоро пришел в себя, стал жалеть о том и с великим смирением сказал сему монаху: «Прости меня, брат мой: кажется, я ещё не истинный пустыножитель, вздыхая пред другим». Из всякого события, из всякой встречи он извлекал для себя урок смирения¹⁸⁷. Когда он один ходил по горе, где он уже десять месяцев не видал никого, случайно встретил он охотника, спросил его, откуда он пришел и сколько времени находился в сем месте. Поистине, отче, отвечал охотник, вот уже одиннадцать месяцев, как я хожу по сей горе, не видав человека, кроме тебя. Святой тотчас удалился в свою келлию и, ударяя в свою грудь, с великим чувством сокрушения сердца сказал: «Ах, Сисой! ты думал, что много приобрел в пустыне, пребывая в ней один в продолжение некоторого времени, и вот мірянин оставался в ней долее твоего».

Три пустынника, привлекаемые слухом о святости Сисоя, пришли видеть его, и один из них сказал ему: «Отче, как мне избежать огня геенского», он ничего ему не ответил. «А мне, отче, продолжал другой, как избежать скрежета зубов и червя неумирающего?» И третий сказал: «Что делать и мне, ибо всякий раз, как представляю тьму кромешную, меня обнимает смертельный трепет?» Тогда он отвечал им: «Признаюсь вам, братия, что я не думаю о сих предметах; и зная, что Бог полон благости, уповаю, что Он окажет мне милосердие». Иноки сии, ожидавшие ответа более прямого и пространного, удалились с некоторою печалью; но Святый, не желая оставить их прискорбными, воротил их и с великим смирением сказал:

«Блаженны, вы братия, и я завидую вашей добродетели; вы мне говорили о наказаниях ада, и я понимаю, что вы проникнуты сим так, что получите от сего великую помощь для избежания от греха. Ах, что делать мне, столь нечувствительному сердцем, что и не думаю о том, что после смерти есть место наказания, назначенного для злых, и по сей-то, может быть, причине соделываю столько грехов?» Пустынники, получив назидание от столь смиренного ответа, просили у него прощения и возвратились домой, признаваясь, что справедливо все, что говорили о его смирении¹⁸⁸.

Он говорил, что в продолжение тридцати лет молился Господу Иисусу так: «Господи Иисусе, не дай мне согрешить ныне моим языком, и между тем прибавляет он, я всегда соделываю какие-нибудь грехи сего рода»¹⁸⁹. Сие могло быть в нем только плодом смирения¹⁹⁰: ибо он строго соблюдал уединение и молчание, и дверь своей келлии всегда держал на заперти, чтобы менее быть прерываему.

Так как кротость есть верная спутница смирения, то Сисой был столько же кроток, сколько и смирен. Один брат, обиженный другим, пришел к Авве Сисою и говорит: «Брат обидел меня, я хочу отомстить. Не мсти, сказал ему Сисой, предоставь Богу отмщение. Не успокоюсь, продолжал брат, пока не отмщу. Тогда Сисой сказал: помолимся, брат. И он так начал молиться: Боже, мы не имеем более нужды в Твоем попечении о нас: мы сами хотим мстить за себя! Брат упал к ногам старца и сказал: прощаю брата, прости ты меня, отче»¹⁹¹. Он не приходил в ужас от проступков своих братий, и вместо того, чтобы с негодованием упрекать их за оные, он с крайним терпением помогал исправляться от них. Один пустынник, живший в соседстве с ним, часто приходил говорить ему, что он впал в грех, и Святой всегда отвечал ему: «Возстань. Но, отче, сказал ему однажды сей монах, сколько же времени дашь мне для возставания, после того как я буду падать? Делай сие, отвечал он, до тех пор, как смерть найдет тебя, или павшим или возставшим»¹⁹².

Некоторые братия спрашивали его, если монах впадет в грех, должен ли он нести покаяние в продолжение целого года;

он отвечал: «этого мне кажется очень много. Но, сказали они, не нужно ли нести его в продолжение шести месяцев? Много, отвечал он. Они сказали, по крайней мере сорок дней? И этого даже много, прибавил он. Не хочешь ли ты, сказали братья, того, чтобы допускали его к Св. Тайнам, если тотчас после его падения будет совершаема Литургия? Я этого не говорил, отвечал Святой; но думаю, что благость Божия такова, что, если он обратится к Нему с искренним раскаянием во грехе, Бог примет его даже в три дня»¹⁹³. Передают подобный же ответ Аввы Пимена¹⁹⁴.

Один пустынник сказал ему: «Если в мою келлию придет разбойник с намерением убить меня, могу ли я убить его самого, чувствуя себя сильнее его? Нет, отвечал он; но оставь его Господу; ибо в какой бы опасности ни находились, должны помышлять, что это послано в наказание за наши грехи; а когда случится доброе, нужно признавать, что мы получаем сие от благости Божией»¹⁹⁵.

Другой пустынник спросил его: «Если во время пути он поймет, что его проводник сбился с пути, должно ли сказать ему о том? Не советую сего. Но, сказал ему пустынник, ужели должно, не говоря ни слова, дозволить, чтобы он заставлял меня блуждать? Что же? отвечал Святой, ужели ты захотел бы взять палку и бить его?» Сверх сего он рассказал ему следующий пример: «Братья в числе двенадцати были в пути, их застигла ночь, и они поняли, что их проводник ошибся. Несмотря на сие, они не хотели прервать молчания, дабы сказать ему о сем, и каждый из них думал себе, что скажет об ошибке, когда настанет день, и тогда он выведет их на прямую дорогу. Они шли за ним с терпением и прошли двенадцать миль. Когда настал день, проводник заметил свою ошибку и очень извинялся пред ними. Кротко отвечали они ему: мы это заметили; но ничего не хотели сказать тебе о том. Сей человек удивился их терпению и точности в соблюдении молчания, получил от сего великое назидание и воздал славу Богу»¹⁹⁶.

Он почитал правилом, что пустынник не должен выбирать рукоделья, которое ему более нравится¹⁹⁷. Всего более он желал того, чтобы брат, или по преклонности лет, или по

немощи, имеющий нужду в помощи своих собратий, приказывал им кротко: «Ибо, говорит он, когда заботятся о нас, мы не должны уже распоряжаться сами»¹⁹⁸. Ученик его, будучи принужден отправляться в путешествие, поставил для услуг ему других братьев; но он отказался воспользоваться их любовью, и терпеливо трудился до его возвращения¹⁹⁹. Бог попустил на него искушение; Сарацины пришли даже до его горы, ограбили его и его ученика и отняли у них небольшое количество съестных припасов, какие они имели. По удалении их, они пошли по полям собирать пищу, и Святой старец, нашедши несколько зерен ячменя, одно из них положил в рот, а остальные сберег в руке для своего ученика²⁰⁰.

Бог, возвышающий тех, кои более унижаются, прославил Святого Сисоя даром чудес; но поскольку все, могущее привлечь ему уважение людей, тревожило его смирение, он не хотел обнаруживать сего дара. Но тем разительнее были опыты присутствия в нем благодати Божией. Так, один человек с юным сыном своим шел к нему, чтобы испросить его благословения. Дитя умерло на дороге, но отец без слез, полный упования на молитвы Святого Сисоя, понес его к нему. Вошед в его келлию, он положил его как живого, у ног старца и сам распростерся у них, дабы он благословил того и другого. Когда старец сотворил над ними молитву, отец встал и вышел из келлии, оставив сына у ног старца, который, видя, что он не трогается с места, повелел ему встать и следовать за своим отцом: ребенок встал и пошел. Тогда отец, восхищенный радостию и удивлением, возвратясь к старцу, снова бросился к ногам его, объявил, что он сделал, и воздавал ему великое благодарение за воскрешение сына своего. Но Сисой, крайне боявшийся, чтобы не узнали, что он творит чудеса, весьма сим огорчился и чрез своего ученика приказал сему человеку остерегаться говорить о сем прежде его смерти²⁰¹. Он также сего же самого ученика освободил от жестокого искушения, помолившись Господу с пламенною простотою сердца: «Боже, я не отступлю от Тебя до тех пор, пока Ты не освободишь его от демона, мучащего его»²⁰².

Не нужно удивляться, что его молитвы были столь действительны, потому, что он творил их с необычайною ревностью, и его моления были столь возвышенны, что доходили до восторга. В иное время его сердце так бывало проникнуто любовью к Богу, что почти не могло выдерживать силы ея, и он облегчал его частыми вздохами, не сознавая их, и даже против своей воли.

Доверенность, какую имели к нему братия, обязывала его заботиться об них, и он с крайним вниманием предохранял их от заблуждения в вере, столько же, сколько трудился в обучении их добродетели. Однажды Ариане пришли в его гору, чтобы спорить там с братиями. Он ничего не возражал им, но приказал своему ученику читать в присутствии их сочинение, написанное Афанасием против их заблуждений. Это изобличило лживость их догматов и заключило их уста. Пристыдив их таким образом, он отпустил их с обыкновенною своею кротостью²⁰³.

Ученик его Авраам, видя, что он ослабел от старости и немощей, сказал ему, что лучше было бы приблизиться к местам обитаемым, где легче можно найти помощь; на сие он отвечал: «Ты разсуждаешь хорошо, – отведи меня в то место, где нет женщин. Но, отвечал ему ученик, они повсюду, кроме пустыни. Если так, возразил он, то веди меня в пустыню»²⁰⁴.

В старости он последовал совету своего ученика и жил несколько времени в Клисме, в городе, лежащем на берегу Черного моря²⁰⁵.

Здесь пришел его посетить Авва Аммун Раифский и, видя, что он скорбит об удалении из пустыни, сказал ему: «Что ты скорбишь, Авва? И что ты в такой старости мог бы сделать в пустыне?» Но старец, бросив на него печальный взор, сказал: а что ты говоришь, Аммун? разве не довольно было бы для меня свободы ума, которою я наслаждался там»²⁰⁶?

Наконец сей человек Божий возвратился в свою любимую пустыню, и когда уже находился при конце своей жизни, к нему сошлись пустынники, дабы выслушать последние его изречения. Руфин, рассказывая о сем, говорит, что его лице просияло, он пришел в восхищение и сказал: «Вот Авва Антоний идет ко мне. Немного спустя воскликнул: я вижу лик Пророков, и в то же

мгновение лице его сделалось ещё светлее. Ещё сказал он: вот пришли Апостолы, и стал говорить тихо, как будто разговаривал с кем-то из Святых. Пустынники просили сказать, с кем он разговаривает, и он прибавил: вот Ангелы пришли взять мою душу, и я молил их подождать ещё несколько, дабы они дали мне время на покаяние. Они отвечали ему: ты не имеешь более нужды в покаянии; он возразил им: Не знаю, начинал ли я ещё его. Эти последние слова, при их знании о его глубоком смирении, дали им понять, что добродетель его была совершенна». Наконец его лице просияло, как солнце, и в то же время он воскликнул: «Смотрите, Господь идет ко мне». Произнося сии слова, он испустил дух, и его келлия тотчас исполнилась благоуханием небесным²⁰⁷. Когда великому подвижнику Авве Пимену говорили о Сисоे, он останавливал их, говоря: «Перестаньте говорить о Сисоे; ибо дела его выше повествования»²⁰⁸. Таковы обстоятельства его кончины, как передает их Руфин. Его смерть последовала около 429 г. около 72-х лет спустя после того, как он удалился в гору Св. Антония, что доказывает, что он пришел туда в ранней юности, а умер в глубокой старости. В некоторых Латинских Марти罗логах память его означена 5-го июля, а в Минеях Греческих 6-го.

Не нужно смешивать сего Святого с другими Сисоями, жившими в то же время, из коих один, прозванный фивейским, жил в Каламоне, на земле Арсина, а другой имел свою келлию в Петре²⁰⁹.

Отшельники жили на восточной стороне Нила не в одной горе Антония, но и в окрестных пустынях. Так в пустыне Порфирия были замечательны подвижники Питирим, Посидоний²¹⁰, почти современники Антония, и позднее пришельцы из Палестины здесь встречали отшельников столь высоких по жизни, что они владели даром чудотворения и прозорливости²¹¹. А Кассиан видел там подвизавшегося пустынника Павла, который долгое время питался одними пальмовыми листьями.

Монастырь Антония, Писпер, остался после смерти великого наставника под начальством его ученика Макария, который при смерти своей вручил управление Постумию²¹².

Руфин около 372 г. нашел ещё в Писпере учеников Антония, Пимена и Иосифа.

Ближе к Нилу на самой горе, подле которой расположен был монастырь Антония, во времена Палладия жили отшельники по пещерам, которых было несколько тысяч, под руководством ученика Антония – Питирiona. Питирion после смерти Антония жил с Аммоном, потом, когда умер и Аммон, он перешел на эту гору и об нем замечают, что он особенно отличался распознаванием бесовских искушений... «Он успешно, – говорит о Питирionе Палладий, – изгонял бесов, часто совершал и другие знамения; наследовав место Антония и ученика его Амона, он достойно наследовал от них и дары благодатные. Он много беседовал с нами и с особою силою разсуждал о различении духов, говоря, что некоторые бесы наблюдают за нашими страстями и часто обращают оные к злу. Итак, чада, говорит он нам, – продолжает Палладий, – кто хочет изгонять бесов, тот должен поработить страсти; ибо которую страсть кто победит, такого и беса изгонит. Мало-помалу должно нам порабощать страсти, чтобы изгнать демона сих страстей. Например, бес действует посредством чревоугодия; если мы преодолеваем чревоугодие, то изгоняем и демона его. Сам Питирion вкушал только два раза в неделю, в четверг и воскресенье, и то одну мучную похлебку, и привыкши к ней не мог употреблять другой пищи»²¹³.

Даже в начале VII-го века на горе Антония были чудные пустынники²¹⁴.

Теперь место, где жил Великий Антоний на высоте скалы, обнесено глухою стеною, в которой есть только одно окно, через которое поднимают приходящего на канате в корзине или доске. Двор заключает в себе две тесные церкви, соединенные коридором; кругом стен келлии и внутри двора разведен небольшой овощной огород, сквозь который протекает источник. В нем не более 20-ти братий²¹⁵.

Учреждение общежития иноческого Пахомием Великим.

Начало иноческой жизни положил Антоний Великий. Руководя своих учеников примером своим и наставлениями, он представил образец строгого отшельничества. Устав общежития введен был Пахомием Великим. «Вначале, как стал я монахом, – говорил сам Антоний ученику Пахомия Закхею, – не было ни одной киновии для воспитания других; но каждый из прежних монахов, после гонения, подвизался собою. После того, отец ваш устроил это благое дело при помощи Божией. Ещё прежде его хотел учредить то же другой, по имени Аот; но поскольку не от всего сердца старался о сем, то и не получил желаемого. Великую услугу оказал он, собрав такое множество братий». Так судил о Пахомии основатель и отец иночествующих²¹⁶.

В самом деле, если важно пробудить ревность и усердие к иноческой жизни, то не менее важно было дать такие правила, которые могли бы утвердить эту ревность к благоугодной жизни, сделать её постоянным навыком, удержать немощную волю от разслабления. Большая часть правил монашеских, данных Великим Пахомием, сохранились доселе и руководят иноков на их пути самоумерщвления. А в своей жизни Пахомий представил прекрасный образец наставника иноков, которому могут подражать настоятели иноков. Пахомий родился в верхней Фиваиде около 292 года. Его родители были язычники, но с самых юных лет его видно было, к чему он предназначался. Он не мог пить вина и есть мяса идоложертвенного; жрецы языческие не могли терпеть его при своих жертвоприношениях. Привязанные к идолопоклонству родители Пахомия со страхом смотрели на своего сына, как на неугодного мнимым богам. До двадцати лет пробыл Пахомий в доме родителей. В эти лета он принужден был вступить в военную службу и отправлен был вместе с другими к войску. Милосердие и любовь, оказанные молодому воину Христианами, жившими в одном селении на пути их, обратили его внимание на учение Христиан. Познакомившись с главными

истинами Христианства, он тогда же дал обет быть Христианином. И как скоро новонабранные воины отпущены были в свои дома, он в селении Хиновоски, в верхней Фиваиде, в округе Диосполийском принял крещение²¹⁷.

Пламенная любовь, пробудившаяся в душе Пахомия к новой вере, к Богу-Искупителю, повлекла его в уединение, чтобы там служить Ему одному. Но здесь его юная вера подверглась сильному испытанию. Его нашли отступники от православия и старались увлечь в свои секты. Сначала приверженцы Мелетия, потом последователи Маркиона убеждали его к единомыслию с ними. Волнуемый недоумением, он со слезами молил Бога открыть ему, где истина. Голос с неба возвестил ему, что истина внутри Православной Церкви, и голос ея слышится чрез Александра, Епископа Александрийского²¹⁸. Испытав собственным опытом, как опасно молодому подвижнику жить одному, он решился ввериться руководству опытного старца.

В пустыне Фиваидской славился тогда подвигами отшельник Палемон, много лет подвизавшийся в посте и молитве. К нему пошел Пахомий и у дверей его келлии молил, чтоб он принял его жить с собою. «Ты слишком молод и не можешь жить со мною, сказал ему Палемон. Многие приходили ко мне, полные решимости вести жизнь подвижническую, но, изнуренные трудами, уходили назад. Я питаюсь только хлебом с солью; масла и вина у меня никогда не бывает; большую часть ночи, а иногда и всю ночь привык я проводить в молитве и богомыслии». «Испытай меня, отвечал Пахомий, и тогда увидишь мою твердость. При помощи Божией и при молитве твоей надеюсь все совершить». Тогда Палемон принял Пахомия, и они вместе начали подвизаться в молитве, псалмопении и посте. Домашним рукодельем их было – вязание власяниц. Своими трудами они не только добывали себе пропитание, но помогали и бедным. Когда усталость начинала склонять их ко сну, – старец отправлялся с своим учеником на гору, и там они перетаскивали в корзинах песок с одного места на другое, чтобы приучить себя бодрствовать ночью, когда надобно молиться. «Бодрствуй, Пахомий, – говорил Палемон, –

чтобы враг не искусил тебя и не лишил плода трудов». Так учился Пахомий побеждать сон. Часто подвижники, распростерши руки крестообразно, проводили ночи в молитве.

Пищею для подвижников был хлеб с солью, а иногда, и то очень редко, употребляли они в пищу овощи без масла и всякой приправы, разве только посыпая пеплом, чтобы пища менее имела приятности. Однажды, в день Пасхи, Палемон велел ученику своему ради великого праздника приготовить пищу ранее обычновенного. Пахомий, думая, что в этот день можно отступить от обычного правила, приготовил овощи с маслом. Но когда он поставил на стол приготовленное кушанье, Палемон со слезами на глазах сказал: «Мой Спаситель был распят, вкушал оцет и желчь, а я стану есть теперь масло». Он потребовал только хлеба с солью.

Под таким строгим руководством воспитывался Пахомий. Умерщвляя тело свое постом, он тем более заботился о чистоте душевной и телесной, об утверждении в душе своей чувства смирения. Упражняясь часто в чтении Священного Писания и размышлении о написанном в нем, он старался, забывая все земное, устремлять все свои мысли и надежды к Богу, обращать в жизнь и деятельность истины слова Божия. Не без удивления и с чувством великой радости следил Палемон за успехами в духовной жизни своего юного сподвижника.

Подле горы, где жили Палемон с Пахомием, была пустыня, поросшая терновником и дикими травами. Пахомий часто ходил туда за дровами. Иглы кололи его необутые ноги, но он терпел все, воспоминая гвозди, которыми пригвожден был Спаситель ко кресту, и имел в устах молитву. Среди работы в лесу иногда он останавливался и долго молился наедине. Здесь вдали от людей в глубоком уединении сердце его так разгоралось любовью к Богу и ближним, что хотело бы обнять весь мир и привести всех к Богу. Божественная благодать возгревала в нем эти чувства любви; потому что призывала к служению для спасения других²¹⁹.

Ходя по пустыне, Пахомий однажды отошел от своего жилища далее обычновенного и достиг Тавенны – места, лежащего на берегу Нила, в округе Тентирийском. Здесь он

остановился для молитвы; долга и усердна была его молитва. И вот он слышит голос: «Поселись здесь, и выстрой монастырь; к тебе соберется много иноков». Вместе с этими словами явился пред ним Ангел с медной доскою, на которой начертаны были правила иноческой жизни.

Пахомий рассказал свое видение Палемону. Вместе они осмотрели место; старец присоветовал повиноваться сему голосу. Пахомий разстался с Палемоном и поселился в Тавенне. Но духовный союз между Палемоном и Пахомием не разрывался, они поочередно навещали один другого, пока Палемон на руках Пахомия не предал дух свой Богу²²⁰.

Первый пришел к Пахомию в новую пустыню брат его Иоанн и поселился с Пахомием. Они питались также трудами рук своих и могли ещё уделять бедным избытки. Одежда их состояла из одного левитона, который переменяли только тогда, как нужно было мыть. Пахомий под левитоном носил ещё часто власяницу. Он не ложился для сна, но садился на камень или на что-либо другое посреди келлии, чтобы не прислоняться к стене. Иногда много дней он совсем не спал и даже просил Господа, чтобы совсем освободил его от сна.

Веря в исполнение обетования Божия, Пахомий начал строить монастырь для имеющей прийти к нему братии. Но его брат, любивший безмолвие, препятствовал ему в трудах; и один устроял обитель для принятия многих, другой хотел, чтоб она была как можно теснее. Безмолвно переносил Пахомий это препятствие своему делу, которое считал делом Божиим, но не мог внутри себя подавить чувства огорчения. Его мучило это чувство, и повергшись на землю, обливаясь слезами, он взвывал к Господу: «Вижу, Господи, что мудрость плотская ещё владычествует во мне; вижу, что я ещё работаю ея закону. Горе мне, в течение долгой жизни в пустыне не выучившемуся укрощать свой гнев!.. Как дерзну я руководить других, когда сам себя не умею побеждать?» Так заботился Пахомий о незлобии своего сердца, так глубоко каялся в чувстве нетерпеливости, которое овладело им! С того времени он старался во всем угодить брату, пока тот был жив. Страхом Божиим, памятью

суда всеобщего и вечных мук он ограждал свое сердце от всех нечистых помыслов.

После смерти брата он свободнее мог приступить к своему делу – устроению монастыря, но многое искушений вынес он от духов злобы. Крепкий верою и надеждою на Бога, он разрушал все наветы лукавого, нападавшего на него различными способами. Великое подкрепление в подвигах внутренней борьбы Пахомий получил от одного отшельника, именем Аполлона, подвизавшегося недалеко от него. Аполлон часто навещал его. Свою духовною опытностью подкреплял молодого подвижника, и сам скончался на его руках. Так приготовлен был Пахомий дивными путями Промысла в наставника иноков²²¹.

Первые ученики Пахомия были: Псентезий, Сур и Псой. К ним присоединились: Пекузий, Корнилий, Павел, Пахомий, Иоанн, и потом пришел Феодор, юноша четырнадцати лет, сделавшийся любимым учеником Пахомия.

Пока мало было число братии, Пахомий один принял на себя все заботы о монастыре, чтобы ученики его, свободные от внешних забот, легче собирали свои помыслы и усовершались во внутренней жизни. Он приготовлял все необходимое для трапезы братии; сам сеял и поливал овощи. Если кто стучался в монастырские ворота, он спешил сам отворить и переговорить с ним. Если нездоровилось кому-либо из братии, он даже в ночное время сам готов был для службы ему, и всегда был слугою для всех учеников, оставляя им только сладкое утешение упражнений духовных. Ученики не могли надивиться его подвигам, его любви, смирению, умерщвлению себя и сохраняемой среди безпрерывных внешних занятий собранности духа. Воодушевляясь примером Пахомия, ученики хотели разделять его труды. «Оставьте меня, говорил Пахомий, нужно ли жалеть о воле, который вертит колесо?» Так учит Пахомий примером своих учеников, как они должны будут со временем управлять другими, соединяя с созерцательною жизнию – жизнь деятельную²²².

Заботы Пахомия о спасении ближних не ограничивались малым кругом его учеников. Видя, что многие окрестные

пастухи лишены счаствия слышать слово Божие и причащаться Святых Тайн, он, с согласия Серапиона Епископа Тентирийского, выстроил для них церковь, где по субботам и воскресеньям собирались они. Туда, пока не было священника, ходил Пахомий с некоторыми из своих учеников и предлагал им наставления. Он учил так мудро, и так просто, что самые неразумные понимали его и живо трогались его словами, не только потому, что слова его были слова жизни, но и потому, что его ревность по благочестии, исходя из сердца, отражалась в его лице и во всех его действиях²²³. Многие из язычников увлекались его беседами и крестились. Свои наставления подкреплял Пахомий слезною молитвою к Господу, чтобы они были действенны.

Слава Пахомия разнеслась далеко и привлекла к нему толпы учеников. С умножением братии он вводил свой устав.

Раскроем подробнее этот устав, как первый устав общежития иноческого²²⁴.

Дошедшй до нас в разных собраниях Тавеннийский устав общежития иноческого в полном своем составе, вероятно, не принадлежит Преподобному Пахомию, но дополнен его учениками. Но так как Пахомий был первый учредитель сего устава, и нет возможности указать, что позднее прибавлено к его уставу, то мы предложим его вполне.

Общество Тавенное уже при жизни Преподобного Пахомия состояло из девяти монастырей. Когда первый монастырь сделался тесен для братии, в пустыне, называемой Проу или Пабау²²⁵, Пахомий построил монастырь, который сделался главным монастырем. Несколько времени спустя после основания Пабау Епоним, настоятель монастыря Хиновоского²²⁶, отдал свой монастырь под управление Пахомия. Также поступили пустынники, жившие в Монхозине²²⁷. Пахомий основал ещё пять монастырей в Фазе, в Тивеве, в Тисмене, в Пахнуме на берегу Нила близ Латополя к Югу от него и в Панесе, где монастырь основал при содействии Епископа Вара²²⁸. Кроме того, на другом берегу Нила Пахомий основал женский монастырь, в котором первою жительницею была сестра Пахомия²²⁹.

Все это общество было управляемо одним начальником, которому преимущественно принадлежало имя Аввы. Начальник наблюдал за всеми монастырями; посещал их сам, посыпал от себя и других доверенных иноков осматривать. Не довольствуясь личным наблюдением, он получал от подчиненных ему начальников, управлявших каждым монастырем, подробное донесение о состоянии монастырей и сам часто через письма давал наставления как начальникам, так и частным монахам. Сношения Пахомия с настоятелями монастырей, касающиеся нравственного состояния, происходили на таинственном языке, понятном только ему и настоятелям. Блаженный Иероним, Палладий, Созомен и другие в объяснение сего языка говорят, что Пахомий все общество свое разделил на двадцать четыре разряда. Каждый разряд носил имя одной из греческих букв, так что это название соответствовало его жизни и нравам. Например: простейшие назывались йота, хитрейшие зита или кси; другие другими буквами, сколько можно приспособить было свойство разряда к начертанию букв. Когда настоятелю нужно было спросить своего помощника о ком-либо из братии, – он спрашивал у своего помощника, в каком состоянии находится чин альфы или виты? Знаки эти понятны были только духовникам²³⁰.

Кроме того, главный Авва каждый год два раза в главном монастыре делал общие собрания – одно в Пасху, другое в месяц Мезор, соответствующий Августу. Первое собрание было для того, чтобы все монахи вместе праздновали светлый праздник. Они приходили в великий вторник и уходили только в неделю Антипасхи. В Августе месяце давали великому经济у, на котором лежала обязанность заготовлять все нужное для монастырей и вести строгий счет работе, отчет в ходе работ и годовых издержках. Каждый начальник получал от главного Аввы приказания, в которых имел нужду. В то время избирались новые настоятели и начальники, если то было нужно. Прекращались все разногласия, какие могли возникнуть между братиями; они взаимно изрекали друг другу прощение, чтобы мир и любовь царствовали в сердцах. Блаженный Иероним

называет эти дни подобными дням юбилея²³¹. До нас дошли пригласительные на эти собрания письма: два Пахомия и одно Св. Феодора. В письме Св. Феодора упоминается об оглашенных, которые должны быть крещены в навечерие Пасхи и потом причаститься Святых Таин²³².

У каждого монастыря был свой начальник, именовавшийся настоятелем и игуменом, а иногда экономом, может быть потому, что он совмещал эти должности. У него был помощник. Кроме этих начальников, были ещё частные надзиратели. Каждый монастырь делился на общины, состоявшие из трех или четырех домов, — в каждом доме было двенадцать или тринадцать келлий, в коих жило по два или по три брата. Каждый дом имел своего надзирателя, дававшего отчет в управлении настоятелю монастыря²³³. Это подразделение власти делалось для того, чтобы ближайшие начальники лучше могли наблюдать за иноками. В правилах Пахомия довольно подробно излагают обязанности настоятелей. По внутренним расположениям настоятель должен быть утвержден в смирении, просвещен знанием Священного Писания, быть строгим исполнителем закона Божия и ревнителем отеческих преданий. Он должен умертвить страсти, любить правду и ненавидеть неправду, быть ревностным к исполнению своих обязанностей, не бояться ни труда, ни смерти, а только одного Бога. По поведению внешнему настоятель должен быть образцом строгости, осторожности, умеренности, воздержания, точности, самоумерщвления. Он не должен вступать в бесполезные разговоры; не должен искать лучшей пищи, постели или одежды, чем какие имеют другие. В отношении к братии, вверенной попечению, Пахомий желал, чтобы настоятель не переступал границ своей власти, управлял без жестокости, не говорил высокомерно, остерегался бы, как бы не попустить в свою душу чувства гордости или суетности, когда обязан будет исправлять их, но с чувством смирения высказывать истину. Настоятель должен всегда следовать правилам справедливости, не увлекаясь ласкателством, людским мнением или дарами. Пахомий особенно советовал настоятелю не отступать от правил справедливости из страха, людской

молвы и пересудов; он должен ставить себя выше их суда и бояться одного Бога. Но он не хочет, чтобы начальники были строги до жестокости, не желает, чтобы правосудие было в ущерб милосердию. Смирение и любовь – вот две главные добродетели, которых Пахомий требует от начальников. Они должны быть готовы выслушивать все сомнения и искушения, которые возмущают душу братии, утешать подвергшихся борьбе и искушениям. Если заметят на лице их печаль, должны узнавать причину ея. Если же не делают этого по недостатку любви или внимания и если сами причиняют скорбь брату неправильным поступком; то сами подвергаются наказанию или отрещаются от должности, пока не научатся иметь более любви. Поставляя главною обязанностию настоятеля наблюдать за сохранением монастырского устава во всей его строгости, Пахомий хотел, чтобы настоятель был исполнителем его. Если случится общая работа, начальник должен идти впереди, отвечать за иноков, когда закон молчания не позволяет им говорить, вразумлять их в том, чего они не знают. Вот почему настоятели должны быть опытны в духовной жизни²³⁴.

В случае какого-либо важного нарушения устава монашеского настоятели должны уведомить главного начальника, так, что и сами получали выговор, иногда подвергались наказанию, за потворство своим молчанием греху брата²³⁵.

Наблюдая за всеми и за каждым в особенности, давая каждому наставления по мере его нужды, настоятели должны были три раза в неделю говорить братии поучения и передавать повеления главного начальника²³⁶.

Союз подчиненности так обнимал всех, что ни один начальник не был изъят из подчинения; сам Пахомий, главный Авва всех монастырей, никогда не позволял себе взять самой необходимой для него вещи без позволения брата, которому поручено было хранение монастырских вещей и который, раздавая, в свою очередь сам для себя не смел ничего взять без позволения другого²³⁷.

Чтобы видеть, как управлялась братия в обществе Пахомиевом, мы проследим судьбу их от вступления в монастырь до самой кончины.

О желающем вступить в монастырь извещают настоятеля. Настоятель поручает опытному старцу испытать его расположение и искренность желания. В продолжение десяти или более дней вне монастыря он должен повергаться на землю пред проходящими братиями, терпеть поношение, чтобы показать опыты смирения и терпения. Его учат в это время молитве Господней и Псалмам и тщательно испытывают, – не от беды ли какой идет он в монастырь, свободного ли он состояния, может ли оставить родителей, отречься от имущества? Пахомий не только не позволял приходящим в монастырь приносить с собою какое-либо имущество, но не принимал от них денег и на пользу монастыря, чтобы давший не гордился своим приношением или при выходе из монастыря не вздумал требовать их обратно. С вступающего в монастырь снимают мірскую одежду и облекают в монастырскую, давая разуметь, что для него чуждыми сделались все те вещи, которыми он владел, что он не должен иметь ничего своего, не должен заботиться о завтрашнем дне, возлюбить нищету Христову. Скинутая мірская одежда с новопоступившего хранится у эконома, и когда новопоступивший утвердится в правилах иноческих, то отдают её нуждающимся мірянам; а если заметят в нем ропот и неповиновение, то возвращают мірскую одежду и высылают из монастыря²³⁸.

Одежда иноков Пахомиевых состояла из льняного хитона без рукавов, сшитого вроде мешка, достававшего до колен, в знамение отчуждения от всего мірского и в знак того, что руки не должны быть готовы на обиду. На голове носили они шерстяные шапочки (коуко#2έ3;λιον) без подвязки в знак того, что они должны жить чисто и непорочно, подобно детям, на которых надевают такие шапочки для прикрытия их головы. На кукулях делались кресты красного цвета, и еще, – когда увеличилось число монастырей под ведением Пахомия, – значки монастыря и дома, из которого был инок. Хитоны перепоясывались по чреслам поясом и перевязью (άναβολέус). Это были два шнура

шерстяных, которыми, накинув их за затылок и спустя под мышцы, опоясывали себя, дабы, сдерживая одежду, иметь более свободы в действии. Шею и плечи покрывали небольшою епанчею, внушая мысль, что надобно быть готовым для служения Богу и для подвигов. Сверх хитонов, по примеру Илии и Иоанна Крестителя, носили кожаную одежду – милоть, чтобы, памятуя подвиги Пророка и Предтечи, мужественно противиться нечистым пожеланиям. Сапог иноки Тавенские не имели, но, в случае холода или жара, обувались в сандалии; в руках носили жезлы. Волос иноки не стригли, но носили длинные распущеные по плечам. Инок не только выходить, но даже и спать должен в полной одежде. Для сна устраивались седалища с наклоненным задником и двумя загороженными стенками; единственная подстилка была рогожа, более ничего не позволялось подстилать. Тогда только как приступали к причащению, иноки разрешали поясы и скидали милоть²³⁹.

Принятый в число братии и облеченный в иноческую одежду не прежде года был допускаем в общество братии. Его прежде всего знакомят с правилами монастырскими. Когда узнает их, назначают ему двадцать псалмов и два послания Апостольских для изучения. Но если он не знает грамоте, то в первый, третий и шестой час должен ходить к старцу, который читает ему Псалмы и послания. Потом начинают его учить азбуке, дабы каждый в монастыре знал грамоту и мог сам читать, по крайней мере, Псалмы и Новый Завет. Новоначальный инок под надзором старца занимается сначала принятием странных и услужением им. Если он служит им безропотно, с терпением и смирением; то его допускают в общество братии²⁴⁰.

Вступив в монастырь, новый инок вверяется старцу, который прежде всего старается приучить его побеждать свои желания. Для этого с намерением старец приказывает ему делать то, к чему у него нет расположения; ибо умерщвление своей воли есть источник всех добродетелей. Чтобы молодой подвижник лучше сохранял чистоту помыслов, заставляют его открывать помыслы тотчас, как они возникнут, и в суждении об их доброте или вреде основываться не на своем мнении, а на суде старца. Это лучшее средство оградить подвижника от

обольщений дьявола²⁴¹. К высшим подвигам допускаем он был не прежде трех лет²⁴².

Послушание старцу требуется безусловное, так что молодой инок не может без его позволения ни сделать шагу, ни сказать слова, ни сорвать тростнику с земли, ни протянуть руку к пище прежде его.

Когда голос трубы призывает в церковное собрание, каждый немедленно выходит из своей келлии, так что занимающийся письмом бросает писать на том месте, где застает призыв, не смея окончить даже начатой буквы²⁴³. Никто не имел права уклоняться от общего собрания на молитву. Находившиеся в послушании, не позволявшем им присутствовать на молитве, или путешествовавшие в определенные часы должны были сами совершать молитву.

По уставу, данному Ангелом Св. Пахомию, иноки должны были совершать двенадцать молитв днем, двенадцать вечером и двенадцать ночью. Когда Пахомий сказал на это, что молитв мало, Ангел отвечал ему: я положил столько для того, чтобы и слабые удобно без отягощения могли выполнить правило; совершенные же не имеют нужды в уставе, ибо, пребывая наедине в келлии, они всю жизнь свою проводят в созерцании Бога²⁴⁴.

В монастырях Преподобного Пахомия общественное Богослужение не было продолжительно. Братия всего монастыря собирались в церковь только два раза в сутки – днем и ночью. В этих собраниях читалось двенадцать псалмов, с присовокуплением двух чтений – одного из Ветхого, другого из Нового Завета. В субботу и воскресные дни, равно как и в дни Пятидесятницы чтения бывали оба из Нового Завета, одно из Апостольских посланий, другое из Евангелия.

Псалмы прочитывали не вдруг, но, смотря по числу стихов, разделяли их на две или на три статьи, присовокупляя к каждой молитве. Читали неспешно, дабы было приятно, и не очень продолжительно, чтобы не показалось утомительным. Чтение двенадцати Псалмов разделяют между братиями так: если читающих бывает два брата, то каждый читает по шести Псалмов; – если три, то по четыре, а ежели четыре, то по три

Псалма. Читающих меньше двух и более четырех никогда не бывало. Когда читают Псалмы, обыкновенно стоит один читающий, а прочие сидят на самых низких седалищах; потому что от постоянных дневных работ и поста очень изнемогают. По прочтении Псалма, когда читается молитва, все встают и молятся и вслед за читающим преклоняются до земли, и потом вместе с ним поднимаются. Но с вечера субботнего до вечера воскресного, равно как и в дни Пятидесятницы не преклоняют колен и не постятся²⁴⁵.

Поутру, равно как и повечеру перед сном молитвы совершались в каждом доме отдельно²⁴⁶. О вечерних молитвах из устава видно, что прочитывалось тут шесть молитв и Псалмов, вероятно, и поутру прочитывалось столько же. Иноки вставали от сна прежде пения петухов и продолжали бдение до разсвета, так что утренний свет находил их укрепленными и духовным размышлением²⁴⁷. В первый и последний день недели иноки причащались Святых Тайн. Они подходили к принятию Святых даров босыми ногами, без пояса и милоти²⁴⁸. Литургию обыкновенно совершали священники из соседних сел. Пахомий не хотел, чтобы кто-либо из братии принял степень священства, дабы не питать в них духа любочестия, желания преимущества, откуда, говорил Пахомий, происходят потом в монастырях распри, зависть и разделения²⁴⁹.

Чтобы иноки Пахомия не соблазнялись тем, что в других монастырях принимали священство и постриженные, Пахомий внушал им видеть здесь одно только повиновение власти Епископа, возложившего на них руки. Но во всяком случае суд над ними принадлежит только Господу и Пастырям, от него поставленным. Не принял священства и сам Пахомий, хотя этого желал Серапион, Епископ Тентирийский. Не дозволяя своим инокам принимать степень священства, Пахомий, впрочем, не отказывался принимать в свои монастыри лица, имеющие степень священства, – только и от них требовалось подчинение общству. Впрочем, впоследствии, как видно из послания Св. Кирилла Александрийского к Епископам Пентаполя, и приглашение посторонних священников для служения было причиною значительных беспорядков²⁵⁰.

В уставе Пахомия назначались наказания на неисправных к Богослужению. Если кто днем приходил к Богослужению после совершения первой молитвы, тот получал от настоятеля выговор и во время обеда должен был простоять на ногах в трапезной²⁵¹. Более снисходителен был устав к тем, кто опаздывал к ночному Богослужению; наказание налагаемо было на тех только, кто приходил после третьей молитвы²⁵². Но строго взыскивалось за всякое неблагочиние в церкви. Иноческие во время молитвы не должны разговаривать, смеяться или выходить из церкви, но даже не должны смотреть друг на друга. Если кто осмеливался говорить, смеяться или даже внутренние чувства выражать восклицаниями, того заставляли с его места выйти на средину церкви, снять свой пояс и простереться лицом пред алтарем. Там начальник определял ему наказание; то же повторялось во время трапезы братии. Если кто хотел выйти из церкви, то он должен был просить дозволения у настоятеля. Кто приходил из-за монастыря во время молитвы, тот не был обязан идти на нее, если был утомлен²⁵³.

Кроме устной молитвы, монахи Тавеннские должны были совершать еще молитву умную, с открытою головою, в знамение живого сознания присутствия Божия. Непрестанное Богомыслие, кроме сего, было постоянно внушаемо инокам. Идут ли они в храм, или в трапезу, или находятся в пути, или занимаются рукоделием, всегда они должны в уме иметь какое-либо место из Св. Писания, на котором должна останавливаться мысль их. Таким образом, говорит Кассиан, и руки их не были праздны и ум их не оставался без благочестивого размышления. Упражняясь в одно и то же время умом и телом, они старались соединять благо одного с пользою другого, так что трудно различить, кто из двух занимал первое место. Обыкновенными предметами их размышления были основные истины веры – смерть, суд, муки ада, жизнь Господа Иисуса, сущность земного. Святой Пахомий в своих беседах преимущественно указывал на сии истины с тою ЦЕЛЬЮ, чтобы вдохнуть в своих монахов спасительный страх²⁵⁴. Так как устав Св. Пахомия требовал, чтобы иноческие знали наизусть что-либо из Св. Писания, как-то: Псалмы, Новый Завет, то память всегда

могла им представлять какой-либо предмет для благочестивого размышления.

Духовное чтение было прямо назначено в Тавенне. В монастыре была библиотека²⁵⁵, в которой книги были расположены в хорошем порядке, и которыми заведовал эконом и его помощник. Они каждый день раздавали монахам книги²⁵⁶, в которых каждый имел нужду, и обратно брали их вечером, поскольку никто без нужды не должен был держать книг в своей келлии. Было повелено иметь о них великое попечение до того, что правило запрещало оставлять в келлии открытую книгу, когда шли в трапезную или к Богослужению.

Главным учением их было изучение Св. Писания. Они размышляли о нем не только днем, но и большую часть ночи; поскольку после полуночицы они не ложились, но дожидались Богослужения утреннего в работе, чтобы не предаться сну, и в умственном размышлении о каком-либо месте Св. Писания. Когда их затрудняло какое-нибудь трудное место, или не совсем хорошо понимали его, они обращались к начальнику монастыря или своей общине для объяснения его. В жизни Св. Пахомия и в жизни Св. Феодора мы видим, что они часто объясняли их, и в учении Орсисия заповедано, чтобы начальники были в состоянии разрешать недоумения братии, когда они предложат их. Из сего видно, что начальники должны быть сведущи в Св. Писании и быть в состоянии объяснить неудобовразумительные места в Священных книгах.

Кроме книг Св. Писания, они читали также писания Св. Отцов или творения подвижнические, потому что как в уставе, так и в житии Св. Пахомия и Феодора часто внушается следовать наставлениям древних, под коими разумеются прежде бывшие святые. Но сколько хотел Св. Пахомий, чтобы духовное учение почерпали из православных церковных писателей, столько же запрещал он читать книги Оригена или других писателей, впавших в заблуждение, и он особенно заботился о том, чтобы удалить из своих монастырей все творения, которые могли бы повредить вере его монахов; он почитал всего опаснее для монашества допускать книги, наполненные ядом ереси или даже немного подозрительные.

Как в житии, так и в уставе Св. Пахомия часто говорится о духовных беседах. Настоятель каждой общине три раза в неделю предлагал беседы своим монахам, которые слушали его сидя и стоя. Устав, предписывая беседы, говорит, чтобы братия после утренней молитвы не вдруг удалялись в свои келлии, но собирались бы вместе для наставления, которое дает им настоятель²⁵⁷.

Кроме сих бесед настоятеля²⁵⁸, начальник монастыря предлагал всем одну в субботу, а две в воскресенье в месте назначенному для сего. Все монахи монастыря присутствовали там, и каждая община занимала свое место, также, как каждый монах свое место в той общине, к какой принадлежал, так что каково бы ни было их число, замешательства не случалось. Это очень поразило Аммона. Он говорит, что когда он первый раз был в собрании братии, крайне удивился прекрасному порядку, который царствовал там. Св. Пахомий имел обычай беседовать каждый вечер²⁵⁹. Так он часто наставлял монахов после ночного Богослужения.

Беседа оканчивалась молитвою²⁶⁰, чтобы испросить у Бога благодать успеть в Св. Его слове. Каждый потом в молчании возвращался в свою келлию, чтобы подумать до вечернего богослужения о тех истинах, кои услыхали. После вечерни братия снова собиралась вместе, чтобы беседовать о поучении. Настоятель спрашивал у каждого, что он удержал из него²⁶¹.

В уставе сказано²⁶², что если монах, сидя во время поучения, дозволит себе заснуть, начальник или настоятель должны заставить его стоять, сколько времени почтут приличным. Такому же наказанию подвергался и тот, кто не приходил слушать поучение по первому зову.

Мы сказали, что было назначено время, когда они могли беседовать между собою о наставлении, какое слышали. Жизнеописатель Св. Пахомия²⁶³ присовокупляет, что им не дозволяли говорить слов бесполезных или разсуждать о делах временных; но что все их разговоры должны быть или о Св. Писании, или о средствах преуспеть в добродетели посредством совершенного исполнения воли Божией.

То же очень определенно предписано правилом²⁶⁴. Но и время, назначаемое для благочестивых бесед, было непродолжительно. Остальное время монахи Тавенские должны были соблюдать строгое молчание. Они наблюдали его не только за трапезою, но и работая в хлебне, в кухне, моя левитоны²⁶⁵ и проч., и если во время сих работ они хотели кому-нибудь сообщить нечто, объяснялись знаками. То же правило наблюдали они, когда были на суднах монастырских.

Запрещено было рассказывать в одном монастыре, что было узнано в другом; говорить в одной общине то, что слышали в другой; повторять в монастыре узнанное в поле и рассказывать в поле, что узнано в монастыре. Этот закон не только отсекал бесполезные разговоры, но и подавлял суетное любопытство иноков, дабы, не развлекаясь посторонним, могли тем полнее устремлять свое внимание на очищение своей души. Тем, которые отправлялись в путешествие, запрещено было рассказывать в монастыре о том, что они видели вне его²⁶⁶. Устав Пахомия, доставляя все выгоды, хотел также, чтобы иноки пользовались и выгодами уединения. Потому заботился о том, чтобы доставлять средства избегать шума общежития и каждому, живя в обществе, быть вместе уединенным. Для сего предписывалось, чтобы братия не входили один к другому в келлию, чтобы никто кроме настоятеля не входил в рабочие разных ремесленников²⁶⁷.

Иноческая жизнь держится, главным образом, на двух добродетелях – на послушании и нестяжательности. Воспитать эти добродетели преимущественно заботился Пахомий.

Кассиан, говоря о послушании монахов Тавенских, замечает: «Что хотя их было так много под руководством одного начальника, но они так покорны были ему в продолжение всей жизни, как и один здесь (т. е. на западе) не был бы в продолжение немногого времени». И немного после прибавляет он: «Что эта покорность и послушание таковы, что мы в своих монастырях не видывали никого, кто бы мог подражать им в течение только одного года»²⁶⁸.

Мы уже заметили, что первое, к чему приучаемы были новопоступающие, было отсечение своей воли. И это потому,

как замечает Кассиан, что по многим опытам знали, что монахи никогда не могут потушить в себе пламени гнева, печали, нечистоты; не могут приобрести истинного смирения, не могут долго жить с братией в мире твердом и постоянном; ни остаться, наконец, в монастыре, если не научатся прежде подчинять свою волю воле начальника. Следствиями воспитания столь спасительного и столь мудрого была совершенная покорность низших высшим и послушание малейшему их повелению столь совершенное, что нельзя читать без удивления рассказов о сем Кассиане.

Их зависимость от начальников простиралась и на малейшие действия. Мало того, что они не могли выйти из монастыря без их позволения; даже и в монастыре они не могли ни начать новой работы, перейти с одного места на другое, ни вымыть одежды, или что-либо иное, без позволения или приказания начальника²⁶⁹.

Когда они шли вместе на работу или на какое-либо дело, настоятель или помощник шел впереди их. Запрещено было опережать его и на один шаг²⁷⁰. Каждый должен был держаться своего места, удаляясь от него разве на малость.

Можно сказать, что инохи ни одной минуты не были вне сей подчиненности; не смея сделать ни одного шага без ведома начальников, они почти всегда были пред глазами начальников. Поэтому-то каждый начальник имел помощника для того, чтобы в его отсутствие он занимал его место, то же было и у настоятелей каждой общины; и если тот и другой должны были удалиться на несколько времени, то призывали старшего монаха занять их место²⁷¹. Подобным образом в путешествии по воде, или по земле, самый старший назначался начальником, и ему обязаны были повиноваться как начальнику монастыря²⁷².

Монахи должны были внимательно выслушивать приказания, которые им давали, чтобы запомнить их, и исполнить в точности. Им сказывали вечером, что они должны делать наутро²⁷³.

Для приучения к послушанию употребляемы были наказания, добровольное подчинение которым есть уже

свидетельство духа послушания.

Наказания одни определялись уставом, другие зависели от воли настоятелей.

Наказания, определяемые уставом, состояли в том, что виновных или заставляли публично принести раскаяние, или стоять на ногах во время поучения и трапезы, или в лишении трапезы, отделении от другой братии, заключении в келлии, потери своего чина, даже телесном наказании и пр. Неисправимых выгоняли из монастыря.

Начальники употребляли три средства для исправления своих монахов, в коих видели погрешность в исполнении своих обязанностей. Первым – была молитва и покаяние пред Богом, в унижении пред Ним, в посте, умерщвлении тела, дабы на свое исправление привлечь Его Божественное благословение и благодать совершенного исправления виновных. Вторым – было обличение виновных и увещание их или с любовию, или с строгостью однажды и многократно по нужде, пользуясь всеми побуждениями, которые вера и благочестие могли внушить им, чтобы обратить их к исполнению своего долга. Третьим – был выговор и наказание, соразмерное вине и качеству монаха, но особенно возрасту; ибо более было сострадания к юным, как не имеющим еще суждения строгого и важного по слабости их, между тем достигшие совершенного возраста почитались менее заслуживающими извинения²⁷⁴.

Начальникам всякого рода не было дозволено накладывать наказаний произвольных. Настоятели общин за своими монахами строго наблюдали за исполнением устава и благочиния, но их право касательно наказаний было очень ограничено; и когда какой-либо брат совершал проступок более важный, чем нарушение устава, настоятель обязан был уведомить о том начальника монастыря²⁷⁵, который наказывал виновного судя по тому, что он сделал против установлений монастыря, или чего требовал случай, если в частности не было сего определено уставом. Если настоятель не доносил в подобных случаях начальнику, его наказывали за то, что своим молчанием и нерадением потворствовал злу²⁷⁶.

Он подвергался также наказанию и тогда, когда злоупотреблял своею властию, обижая братию без законной причины, или когда нерадел о том, чтобы заставлять их наблюдать обычаи, утвержденные в общине, или когда он хотел бы ввести там по собственному произволу обычай, какой там не был утвержден. В сих случаях его монахи имели право относиться к начальнику монастыря, который наказывал настоятеля по мере важности его проступка. В случаях, не терпящих отлагательства, примирение разногласий между подчиненными и начальниками возлагалось на старцев.

Если бы начальник монастыря оказался нерадив или изменил истине, как говорит устав, по злобе ли или по заметному невниманию, должны собраться двадцать иноков, или десять, или по крайней мере пять, известных по благочестию всей братии, и они судили его и низводили с степени, если проступок заслуживал того²⁷⁷.

Когда братия сознавались в вине своей, они снимали пояс, что было знаком унижения, простирались ниц, смиленно выслушивали выговор начальника и обещали исправиться. Они исполняли потом в Церкви или в трапезной наказание, наложенное на них.

Кассиан²⁷⁸ в одной главе вообще исчисляет проступки, за которые нужно было нести публичное покаяние. «Если монах случайно разбьет глиняный сосуд, для заглаждения проступка должен был нести публичное наказание. Когда братия соберутся в Церковь, он простирается ниц, испрашивая прощения, до тех пор, пока кончится Богослужение, в ожидании милости, когда начальник позволит ему встать»²⁷⁹.

«То же самое наказание назначено тому, кто поздно приходит на работу или к Богослужению, кто делает какую-либо невольную ошибку при чтении Псалмов, кто сделает некстати ответ, или немного грубо и смело, кто нерадиво исполняет обязанность, какая возложена на него; кто падает с легким ропотом; кто предпочитает чтение работе или другому чему-либо, что назначено ему, и занимается сим с холодностию, кто, выходя от Богослужения, не тотчас идет в свою келлию; кто останавливается хотя бы на одно мгновение поговорить с

другим; кто удаляется в какое-либо тайное место; кто берет брата за руку; кто осмеливается беседовать с братом, живущим не в той же келлии; кто молится с братом, устраниенным от общественной молитвы; кто видится с кем-либо из своих родителей или друзей и говорит с ним не в присутствии старца; кто получает письма и отвечает на них без дозволения начальника».

«Но гораздо строже наказывались более значительные, каковы: обиды, явное презрение, противоречие гордое, свобода, которую дозволяли себе идти куда угодно, обращение с женщинами, разглагольствия, жалобы, смелость сделать что-либо по своей воле, любовь к богатству, обладание какою-либо лишнею мебелью, которой нет у других; принятие пищи, сделанное тайно, и другие поступки подобного рода; их наказывали не простым выговором, но или каким-либо наказанием телесным, или высылкою из монастыря»²⁸⁰.

После послушания Св. Авва в своем уставе всего более заповедует нищету иноческую. При жизни Святого Пахомия²⁸¹ один эконом монастырский берег у себя деньги и брату, назначенному для закупок внешних, давал сумму приблизительно достаточную на покупку, так что если у него останется что-нибудь по его возвращении, он обязан отдать经济у, не оставляя в своей келлии даже на одну ночь.

За исключением сих, другие братия не касались денег. Многие умирали, не зная, что такое деньги, когда вступали в монастырь в юности, ещё не видав их. Считалось важным преступлением, если кто-нибудь сберегал в своей келлии деньги, даже самую малую монету²⁸².

Целью Святого Пахомия в сем случае было удалить своих монахов от всякой привязанности к земному, освободить их от заботы о благах мира и всецело спасти от рабства сребролюбию и скупости, так чтобы, не воспящеемые ничем временным, они могли возвышаться к Богу сердцем чистым и свободным от попечений временных.

Таким образом, он хотел с одной стороны, чтобы монахи в отношении к их нуждам временным всецело полагались на нежную заботливость начальников монастыря и чтобы они не

смутились заботою иметь одежду, инструменты или какую-либо нужную вещь, когда начальники сами заботились предусмотреть все; с другой стороны, он хотел, чтобы начальники и экономы были до того внимательны в доставлении братии назначенного уставом, что если бы пренебрегли сим, были бы наказаны, как виновные не только в нерадении о своей существенной должности, но и в недостатке любви и соблазне своих братий.

Никому из братии не дозволялось ничем распорядиться, хотя бы это была вещь самая незначительная²⁸³. Также им запрещено было давать взаймы, получать что-нибудь, сберегать в кладовой, как внутри, так и вне монастыря, без дозволения начальника. У инока нет своей собственности. Если он и по ошибке назовет своими книгу, письменные доски, грифель, одежду, которые выданы ему от обители, и за это он подвергается епитимии²⁸⁴. Восемьдесят первый член устава повелевал всякому иметь в своей келлии только дозволенное законами монастырскими и отнимать у него, что найдется кроме сего.

«Они имели в своей келлии, — говорит Блаженный Иероним²⁸⁵, — стул со спинкою, служивший им ложем, два левитона, и третий поношенный для одеяния во время сна, льняное покрывало и два кукуля, милоть, пояс льняной, сандалии и жезл для путешествия. Вот все их имущество. Они ничего не носили с собою, когда шли из одного монастыря в другой. Когда они мыли левитон, им не позволено было оставлять его на ночь в своей келлии, если он не был ещё сух; но они вечером отдавали его досушить назначенному для сего, который возвращал им его назавтра»²⁸⁶. Столь были они внимательны к тому, чтобы не беречь в келлии бесполезного.

По тому же самому духу нищеты требовали от них, чтобы они весьма заботливы были о тех вещах, какие им давали и потребление коих им дозволяли. Приставники смотрели за целостью левитонов, милотей, покрывал, книг, инструментов каждого ремесла в особых комнатах, в которые, кроме них, никому не дозволялось входить²⁸⁷. К ним обращались, когда имели нужду в какой-либо из сих вещей²⁸⁸. Святой Пахомий подчинялся сему, частию по верности в исполнении устава,

частию чтобы дать пример другим. По уставу было строго запрещено без дозволения приставника взять даже один пальмовый лист, из коих делали корзины²⁸⁹.

Если монах терял кукуль, сандалию, пояс или что-либо подобное, ему данное, ему делали строгий выговор. Если какая-нибудь из сих вещей была в его употреблении, ему давали её только после трех недель покаяния. Тому, кто оставлял свою одежду развшанную на солнце три дня, делали выговор или за его забывчивость, или за нерадение. Он нес публичное покаяние в Церкви или стоял прямо в трапезной в продолжение трапезы. Если он разбивал сосуд или ломал инструмент, ему налагали такое же наказание²⁹⁰.

Равным образом не оставляли без наказания нерадения приставников. Настоятель обчины, если в продолжение трех дней не давал начальнику монастыря сведения о какой-нибудь вещи потерянной на поле или в доме, получал выговор от настоятеля монастыря и сам должен сделать выговор потерявшему²⁹¹.

Если монах брал какую-либо вещь, которая предназначена для употребления другого, то взятое он должен был носить на шее и таким образом исполнять публичное покаяние в Церкви и в трапезной, где он оставался стоя в продолжение трапезы²⁹².

Когда находили потерянную кем-либо вещь, её в продолжение трех дней вывешивали на месте собрания, чтобы потерявший мог узнать её²⁹³.

Отдельно каждому монаху не позволяли зажигать огонь, чтобы согреться, но обогревались все вместе в каждой общине²⁹⁴.

Для монахов Египетских и особенно для монахов Тавенских рукоделие было одним из главных занятий. В своих монастырях они имели всякого рода ремесленников, нужных для содержания общества. Занятия их, говорит Палладий²⁹⁵, вот в чем состоят: «Один возделывает землю, другой работает в саду, кто – на кузнице, на мельнице, в кожевне; иные идут в мастерскую плотничать; иные валяют сукна, другие плетут разного рода и величины корзины».

Занимавшихся одним ремеслом помещали вместе, так в одном доме жили сапожники, в другом слесаря и проч. и они образовали различные общины, из коих каждая имела своего настоятеля и его помощника²⁹⁶. Они заведывали ремеслом, назначали закупщику цену, которую нужно было просить за работу, когда он отправлялся в Александрию продавать их. Для перевозки товаров в Александрию и для привоза оттуда жизненных припасов у общества Тавеннского было своих два судна. Плетение циновок было общим рукоделием иноков. Даже те, которые занятые были особыми ремеслами, в свободное время плели циновки²⁹⁷.

Кроме сих особых ремесел, начальник иногда водил некоторое число монахов на острова Нила и на гору, частью за тем, чтобы собирать тростник для делания циновок и корзин, частью рубить деревья, частью для запаса трав, кои солили для пищи иноков, и в таких трудах они проводили иногда восемь дней, а иногда пятнадцать²⁹⁸.

Вот порядок, который они соблюдали, когда шли работать вне монастыря. Как скоро дан знак для сего, они тотчас оставляли всякое другое занятие и выходили из келлии, никто не мог себя уволить от них, по крайней мере, кто не имел на то позволения, никто не смел взять своей мантии. Они разставливались по порядку, так же и шли в порядке, строго наблюдая молчание и скромность, имея впереди себя своего настоятеля. Они не могли спрашивать, куда их ведут, или на какую работу идут они. Для них достаточно было идти в след за настоятелем и потом исполнять его приказания. На пути они размышляли о каком-нибудь месте Св. Писания. Если на пути они встречали кого-нибудь, кто хотел говорить с кем-либо из них, настоятель отвечал за него²⁹⁹.

В продолжение работы они размышляли о какой-нибудь истине Писания, или, по крайней мере, работали в молчании. Великим проступком почиталось разговаривать между собою о предметах мирских; в продолжение работы они не могли сесть без дозволения. Наконец, они относили назад в монастырь инструменты, коими работали³⁰⁰.

Вечером назначали работы на следующий день и раздавали нужное для них. Если какой-нибудь монах приходил из-за монастыря после того, как получено это распоряжение, его утром снабжали тем, что нужно для работы. Когда кончали работу, извещали настоятеля, чтобы получить от него другие³⁰¹.

Начальникам запрещено было обременять монахов работой. Они должны быть умеренны, назначая работу по силам каждого, чтобы они исполняли её без печали и ропота³⁰². Но равно и монахам заповедано было не жаловаться без дела и работать с покорностью и любовью к Богу; совершенная любовь не почитает работы тягостною и напротив берется за нее с святою ревностью.

Если монах ропщет на то, что чрезмерно работает: снисходительно выслушивают его жалобы и удовлетворяют им, если они справедливы; но если это несправедливо, если видно, что это происходит от лености, праздности, худого нрава или недостатка добродетели, пять раз убеждают его сознаться, что он жалуется несправедливо; и если, несмотря на это снисхождение, он продолжает роптать, его кладут в больницу или, не заставляя ничего делать, кормят как слабого до тех пор, пока стыд видеть себя праздным среди стольких трудолюбивых монахов приведет его в себя и сделает более покорным³⁰³.

Кассиан³⁰⁴, Руфин и Палладий говорят о монахах Тавенских, как о людях строгого воздержания; но они сохраняли его неодинаково. Устав Ангела выражается о сем так: «Позволяй каждому есть и пить по потребности; назначай им труды по мере того, что они едят; не возбраняй ни поститься, ни есть; труды тяжелые налагай на тех, кои крепче силами и больше едят; а малые и легкие назначай слабым и постяющимся».

В полдень обыкновенно приготвлялась общая трапеза, где иноки вместе принимали пищу³⁰⁵. В субботу и воскресенье была и вечерняя трапеза³⁰⁶. Но только дети и слабые старцы ходили за вечернюю трапезу. Всем, кто хотел, позволялось соблюдать строгое воздержание. Не желающим быть за трапезою давали по два малых хлеба в келлии, но кроме соли и воды другой приправы для хлеба не позволялось употреблять; любители

поста оставались два, три и четыре дня без пищи, особенно в пост. Иные, проведя весь день за работою, всю ночь стояли на молитве. Среда и пяток для всех иноков были днями поста³⁰⁷, исключая времени Пятидесятницы.

За трапезою предлагали хлеб, маслины, сыр, овощи соленые или рубленные и приготовленные с уксусом и с маслом, смоквы и другие плоды сообразно с временем года. «Роскошью во время стола, — пишет Кассиан, — считались у Тавенских монахов рубленый лук, дикая капуста, толченая соль, оливы, небольшие соленые рыбки»³⁰⁸. Но из жизни Св. Пахомия видно, что их ели только дети и старцы, хотя всем предлагали есть их. В самом деле Св. Пахомий хотел, чтобы их подавали для всех, предоставляя свободе каждого отказываться от них, дабы их самоумерщвление не было принужденное.

Он хотел также, чтобы братии давали все нужное, дабы они умерщвляли свое тело свободно и с большою заслugoю пред Богом, потому что трудно определить точно нужду каждого. Но с другой стороны он не хотел, чтобы они с жадностью принимались за предлагаемые им кушанья. В этом он сам подавал им пример, ибо он никогда досыта не только не ел, но не пил и воды, и в одном путешествии, какое он совершал с некоторыми братиями по Нилу, видя, что они вечером ели все приготовленное для их трапезы, пролил несколько слез; и когда сии монахи спросили его о причине слез, он отвечал, что потому плачет, что видит в них так мало любви к самоумерщвлению, к коему они должны стремиться.

Каждый приходил к столу в назначенный ему час, под опасением подвергнуться покаянию. Они садились по порядку, и когда начальник приказывал переходить с одного стола на другой, они повиновались, не подавая ни малейшего знака неудовольствия³⁰⁹. Вкусная пища, они опускали покрывала на лицо, так что не могли видеть ничего, кроме стола, ни по сторонам, что ели другие. Они соблюдали столь строгое молчание, что хотя бы их было очень великое число, каждый вел себя за трапезою так, как бы был один в своей келлии. И мог умерщвлять себя сколько мог вынести по своему усердию,

не опасаясь, чтобы заметили сие братия, бывшие подле него³¹⁰. Руфин и Палладий говорят: «За трапезу они садились только для вида, чтобы скрыть друг от друга свое постничество; брали два или три куска хлеба, и только дотрагивались до прочего, чтобы нельзя было сказать, что они ничего не ели»³¹¹.

Когда имели нужду в чем-либо, тихо стучали, чтобы позвать кого-либо из служащих, притом почти всегда это делали настоятели общин. Если монах осмеливался смеяться или говорить, ему тотчас делали выговор, и он оставался на ногах до конца трапезы.

Не позволено было говорить, выходя из-за стола. Нужно было в молчании идти на то место, куда надлежало идти³¹².

Когда иноки собирали плоды, они не могли съесть ничего, когда собирали с дерева; но после работы настоятель давал понемногу каждому на том же самом месте, где они собирали, по возвращении в монастырь им давали ещё долю равную с другими. Если в саду они находили какой-либо плод на земле, то, не вкушая его, с покорностью клали его при корне дерева³¹³. Они не могли хранить никакого плода в своей келлии. Каждому особо запрещено было рвать в саду даже травы, они должны были получать их из рук садовника³¹⁴.

Готовившие кушанье не могли вкушать его прежде братии³¹⁵, вино запрещено было пить всем, кроме больных, и между сими святыми иноками мы видим старцев шестидесяти и семидесяти лет, которые никогда ни здоровые, ни больные не пили вина³¹⁶.

Когда монах делался болен, настоятель общины, к которой он принадлежал, отводил его в больницу и поручал смотрителю над больными, так что уже не имел более за ним никакого надзора и никакого права вмешиваться в его дела, больной поступал в полную зависимость от больничного, которому он должен покоряться во всем и из рук коего должен принимать был все, в чем имел нужду, как в отношении к одежде, так и к пище и нужным лекарствам.

Никто без позволения не мог входить в больницу, чтобы навестить больного или послужить ему, хотя бы то был отец или брат. Больным давали все, в чем они имели нужду, и чтобы

утешить и облегчить их, оказывали им нежность самую внимательную³¹⁷. «Для того так было, – по словам Блаженного Иеронима, – затем у пустынножителей так обращались с больными, чтобы они не сожалели ни об удобствах города, ни о нежности своих матерей»³¹⁸.

Хотя монахи Тавенские не ели мяса и не было обычая давать его больным, однако не отказывали, когда они его просили. При жизни Святого Пахомия случилось³¹⁹, что один из больных захотел мяса, но больничный отказался дать ему; когда узнал о сем Пахомий святой он много жалел о ревности больничного, в которой так мало любви, и сидя за трапезою он, не вкушая предложенного, подозвал больничного и строгим голосом сказал ему: «Скажи мне ты, лицемер, как забыл ты правило, повелевающее любить ближнего, как самого себя? Ты видишь, что этот брат болен, истощен силами и бледен, как мертвец; и вместо того, чтобы самому догадаться, что ему нужно есть мясо, ты напротив отказал, когда он желал есть его. Ты, может быть, будешь извиняться тем, что нет обычая предлагать его больным, но не нужно ли делать различие между болезнями и быть снисходительным к некоторым больным? Неужели не знаешь, что чистым все чисто? Если не мог решить сам, прилично ли это, почему не пришел спросить меня, что нужно делать?» Говоря сие, он не мог удержать слез, и все братия были так тронуты, что поспешно пошли купить мяса и приготовить его желавшему.

Эта любовь, которая заставляла Пахомия снисходить к немощи больных, отражается и в его уставе. В нем предусматривается все, что могло бы оскорбить любовь или хотя немного изменить её между братией. Строгое молчание, которое наблюдали в монастыре, отдаляло повод нарушать её словом; но так как было время, когда они могли говорить вместе, то положены были наказания злословящим, недовольным, тем, кои легко предавались гневу, искали истину, и вообще тем, кои могли возмутить доброе согласие в монастыре³²⁰. Замечательно правило о людях вспыльчивых по природе. «Если кто-нибудь, – говорит устав, – горячего характера, легко возмущается малейшею вещею, нужно шесть

раз кротко советовать ему умерять себя. В седьмой он лишается своего места и помещается на последнее, где продолжают увещевать его обуздывать свою вспыльчивость; а если он обещается исправиться и три брата поручатся за его исправление, возвратить ему прежнее место; но если не исправится, то потеряет его навсегда»³²¹. Далее устав предписывал, чтобы инохи соблюдали между собою единение и мир, чтобы от доброго сердца покорялись поставленным начальствоватъ, и особенно будут ли они сидеть, или стоять, или идти, чтобы оспаривали друг у друга одно, как уступить другому в духе смирения³²².

Монахам повелено было строго соблюдать во всем иноческую скромность. Они обыкновенно ходили с покрывалом опущенным на глаза. Устав не позволял, чтобы они брали друг друга за руки, идя ли то, или сидя, и всегда были отдалены на один шаг друг от друга, когда находятся вместе. Слова ласкательства или проблеск смеха, смешные телодвижения и все другое, противное строгости иноческой и духу сокрушения, были решительно не позволены в Тавенне³²³.

Монахам Тавенским было запрещено вступать в беседу с женщинами во время путешествия по воде ли то, или по земле; и их не принимали на судна монастырские, которые привозили товары для монастырей, без особого на то дозволения настоятеля³²⁴.

Они редко выходили из монастыря для посещения, никогда не выходили без позволения, всегда по законным причинам и в сопровождении другого. Если приходили к воротам сказать, что отец монаха был болен и желал его видеть, привратник шел сказать о сем начальнику, который говорил настоятелю общины, в коей находился монах, и после общего совета, если удобно было позволить монаху идти повидаться с отцом, ему в спутники давали монаха благочестивого и испытанного более других, а настоятель давал ему все, нужное для пути³²⁵.

Если они должны быть более одного дня в пути, они не должны жить у родителей, но в монастыре православных монахов, – предосторожность, какую имеет устав потому, что тогда были монахи Арианские, и зараженные заблуждениями

Оригена, – или, по крайней мере, останавливались бы в общественных гостиницах³²⁶.

В домах родственников дозволялось есть только разрешаемое уставом монастырским³²⁷. Также они могли взять припасов, которые давали им на возвратный путь в монастырь; но если по возвращении они ещё оставались у них, то их не могли беречь, но отдавали в больницу, чтобы разделить больным. В Тавенне строго наблюдали правила гостеприимства. Если приходили клирики или монахи, их принимали с уважением, обмывали им ноги и помещали их в домах, назначенных для сего подле ворот монастырских.

Если они желали присутствовать при Богослужении, начальник превратников извещал о сем настоятеля, и он им позволял, разве только они не были православные, что наблюдалось тщательно.

Им не позволяли есть в трапезной с братией и с трудом соглашались показывать им внутренность монастыря. Святой Пресвитер и исповедник Дионисий, эконом Церкви Тентирийской и искренний друг Св. Пахомия, думал, что это противно правилам гостеприимства, и настойчиво просил Святого отменить сие³²⁸. Святой Пахомий выслушал его с особою любовью и смирением и отвечал ему, что сам он знает, как он не хотел никому сделать неприятности, что он почитает гостеприимство, как благое дело, заповеданное Господом нашим Иисусом Христом; и чтобы исполнять его по примеру Авраама, он принимает других монахов в покоях удобных и приличных, где они имеют совершенное спокойствие, и он доставляет им отдых, в коем они имеют нужду, что он позволяет приходить им на молитву с братией, когда они того желают; а что он не вводит их во внутрь монастыря, – из опасения, чтобы они не узнали несовершенств новоначальных, из коих ещё многие новы в обычаях монастырских, и не увидели детей воспитывающихся в монастыре, которые были ещё очень подвержены ребячеству, по недостатку разсудительности, свойственной сему возрасту. Дионисий удовлетворился сим ответом и не настаивал более.

Принимали также мірян и женщин. Для сего были различные комнаты по качеству лиц. В страхе Божием особенно заботились о женщинах, как более слабых. Так было повелено уставом; они были помещаемы в комнатах совершенно отдельно от мужских³²⁹. Эти различные помещения были подле ворот монастыря, но были так отдельны, что не было никакого сообщения между гостями и монахами. Для сих последних было правилом положено ни есть, ни спать с мірянами даже в путешествии³³⁰.

В гостинице находились только назначенные для принятия гостей и доставления им кушанья. Когда отец монаха приходил побеседовать с ним, привратник уведомлял настоятеля, который говорил с начальником общины сего монаха, и ему давали спутника, с коим он выходил за ворота монастыря, и благочестиво разговаривал с отцом. Если сей последний приносил что-нибудь ему есть, ему не позволено было брать, но призывал привратника, который принимал то, и если это можно было есть только с хлебом, то относили сие больным в больницу³³¹.

Монахи с позволения начальника присутствовали иногда при погребении родителей, и родители также присутствовали иногда при погребении почивших монахов³³².

Святой Пахомий в продолжение пятнадцати лет спал только сидя на пне среди келлии, не прислоняясь к стене³³³. Было много учеников, желавших подражать ему в сем роде самоумерщвления. Но их обыкновенным ложем был стул с несколько наклонною спинкою, на который они клали изношенный левитон, служивший им постелью, и спали не снимая клобука, как заповедано сие в уставе Ангела³³⁴.

Так как их было по трое в каждой келлии, устав запрещал им разговаривать, когда они садились на седалище, чтобы отдохнуть³³⁵. Если они просыпались ночью, должны были помышлять о Боге, пока не заснут опять. Обыкновенные постели были только для больных, хотя были монахи, хотевшие умереть на своем стуле, продолжая самоумерщвление до последней минуты своей жизни.

Когда монах умирал, другие проводили ночь в молитвах подле его тела, переменяя друг друга. Потом шли они хоронить его в горе, на месте, определенно назначенному, пая псалмы и другие молитвы. Все братия присутствовали при погребальных проводах³³⁶.

Пахомий принимал в свой монастырь и детей, с тою целью, чтобы дать им воспитание в духе Христианского благочестия³³⁷, и этим подал прекрасный пример для последующих иноков, имевший такое благотворное следствие для Христианства. Он любил повторять, что дети по своему возрасту могут приобретать спасительный навык ходить пред лицем Господним и через благочестивые упражнения восходить по примеру Самуила на высоту нравственного совершенства, и сравнивал детей с землею, которая приносит или благие плоды, ужели с заботливостью возделывают оную, или терние, если оставляют невозделанную и без надзора, хотя бы и брошены были в нее семена добрые. «Поэтому, говорит Преподобный, мы должны иметь особенное попечение о детях, как повелел нам Господь; тогда можем надеяться, что Он будет милостив и к нашим душам»³³⁸.

Дети воспитывались в тех же правилах, как и взрослые; для них предлагалась та же и пища. Дух благочестия и сокрушенной молитвы внушиаем им был прежде всего. Кроме чтения, они обучались рукоделиям. Наказания соразмерны были с виною и мудро приспособлены к исправлению детей. Если дети были склонны очень к играм и смеху, то их наказывали разными лишениями и даже розгами³³⁹.

Таков был устав, данный Пахомием многочисленному обществу иноков, вверившихся его управлению. Если число иноков определять по числу домов, которых в каждом монастыре было от тридцати до сорока, то мы должны принять, что число иноков в девяти монастырях Пахомия простипалось свыше десяти тысяч. В каждом доме было по двенадцати или тринадцати келлий, в каждой келлии жило по трое иноков, — потому мы должны положить меньшее число иноков в 1 200 человек. Блаженный Иероним пишет, что ко дню Пасхи собирались в главный монастырь до 50 000 иноков. Если мы

вместо 50 будем считать 15, то это число близко подойдет к исчислению иноков, которое можно выводить из счета домов, потому что во времена блаженного Иеронима прибавилось еще четыре монастыря. Палладий, бывший 16 лет спустя после блаженного Иеронима, насчитывает иноков в Тавенских монастырях не более семи тысяч, говоря, что в меньших монастырях было по двести и по триста человек. Но он сам же говорит, что его друг Аммон управлял в одном главном монастыре тремя тысячами человек. И общество Тавенское не славилось бы многолюдностью, если бы имело не более 7 000 иноков, потому у Серапиона Арсинойского было их десять тысяч.

Управление такою многочисленною братнею требовало многих трудов, и Пахомий был самым мудрым начальником иноков.

Его мудрость в управлении, его усердие и любовь и применение к нуждам иноков были безпримерны. Не было добродетели, которой бы он не был примером; не было минуты, в которую бы он не пекся о их пользе; не было случая, который бы он опустил без назидания, не было труда и заботы, которых бы он добровольно не брал на себя в попечении о нуждах духовных и благе временном братии своей. Он имел все качества, нужные для наставника, и высшее призвание, и просвещение, и чрезвычайные дары благодати. Лучшим свидетельством о его способности быть наставником служат те плоды жизни, которые производил он в душах иноков.

Отличительной чертой его характера была кротость и снисходительность. Они дышат во всех наставлениях и советах братии³⁴⁰. Его беседа с учениками – была беседа отца с детьми. Приводим для примера одно наставление Пахомия³⁴¹.

«Почитай Бога, – так учил Пахомий, – и будешь благополучен. Помни скорби, которым подвергались святые. Мы должны быть единодушными и постоянными в том деле, на которое призваны. Должны более всего стараться о том, чтобы строго провождать ту жизнь, которую избрали, и, совершив поприще её, сделаться угодными Богу. Не должны быть подобны тем людям, которые находят удовольствие в вещах

суетных и скоропреходящих, чтобы сердце наше не совратилось с правого пути, не уклонилось в грех и не лишилось надежды вечных благ. Познание и исполнение воли Божией лучше всего. Человек, последующий истине, бывает выше всего. Но противиться воле Божией и исполнять свою волю – самое первое зло. Кто исполняет волю свою, тот не будет иметь познания о Боге. Кто следует воле своей, тот не может идти путем святых и в день последнего суда будет плакать и погибнет. Угождать Богу мы должны в настоящей жизни; потому, что спасение наше приобретается во время печали (Ис.33:2). Мы должны быть твердыми в вере не только во время радости, но и во время печали; потому что написано: аще обещавши обет Богу, не умели отдать его (Еккл.5:3). Посему в печали не ослабевай, но будь терпелив и приноси молитвы Богу. Он даст тебе крепость той веры, которую получили чрез Св. Духа Пророки и в которой были тверды Апостолы, получивши обещанные награды за перенесение гонений. Зная сие, мы не должны колебаться в вере и увлекаться в заблуждения, но пребывать в ней твердыми и непоколебимыми, и непостоянство тех мыслей, которые кипят подобно воде, охлаждать и утишать непрестанным воспоминанием о законе Божием. Так мы уничтожим в себе закон порочных желаний, будем исполнять то, что угодно Богу, и предохраним себя от житейских забот и всякой гордости, которая есть самое великое безумие и зло. Должны всегда иметь пред глазами Господа и воспоминать о Его крестном страдании и смерти, которою мы искуплены и оживлены. Должны ненавидеть мир и все, что находится в нем, ненавидеть всякое спокойствие телесное, отказаться от сей жизни и жить только для Бога. Возлюбленные, мы должны помнить звание свое, в котором обещались мы служить Богу. В день суда у нас спросят о сем. Посему должны терпеть голод, жажду, наготу, проводить ночное время в бдении, петь псалмы, заниматься молитвою, вздыхать из глубины сердца, проливать слезы, рассматривать себя и испытывать, есть ли что в нас достойное Бога и Его безконечной к нам милости. Несчастий мы не должны убегать. Таким образом, мы получим утешение от Господа и удостоимся блаженной и вечной жизни».

Когда наставления и увещания Пахомия не производили доброго действия, его любовь к несчастным разгоралась ещё более. С горячей молитвой повергался он пред Господом, умоляя Его о спасении заблудших. «Ты повелел, Господи, так молился он, любить ближнего как себя самого. Молю Тебя, помилуй сих слепцов! Воззри милостивым оком Твоего милосердия, чтобы они, проникнутые искренним раскаянием, страшились оскорблять Тебя и лучше помнили обязанности звания, которое они приняли на себя, и полагали в Тебе одном все свое счастье и всю свою надежду». Когда не мог склонить ничем заблудших к исполнению общих монастырских правил, назначал для них другие самые легкие, и только испытав все возможные меры, высыпал из монастыря³⁴².

Дух управления Пахомия братию выразился в его наставлении Феодору. Вверяя ему управление несколькими иноками, он сказал: «Нелегкое дело править другими. Если заметишь, что кто-либо из духовных детей твоих впадает в разслабление, призови его наедине и увещевай с терпением обратиться к прежней ревности. Если он не исправится, оставь его на некоторое время, а сам молись Богу, чтобы Он обратил его сердце. Настоятелю кротостью и терпением должно врачевать братию. Если проступок будет важен, скажи мне, и я употреблю средства, какие внушил мне Бог. Пекись о больных, как о себе самом; своею любовью неси с ними их кресты и несчастия. Будь отцом для них, ибо его место ты для них занимаешь. Сам первый исполняй все предписанное для братии, чтобы быть ей примером»³⁴³. Даже умирая, он говорил другому Феодору, любимому ученику своему: «Заклинаю тебя, не оставляй заботы о ленивых в служении Господу, непрестанно увещевай их жить благочестиво»³⁴⁴.

Но эта любовь Пахомия, эта снисходительность к немощным не была слабостью. Когда требовала слава Божия, сохранение порядка монастырского и благо братии, он являлся и строгим, Он заставил одного инока пять месяцев пробыть на хлебе и воде за то, что он, сделавши в день две циновки вместо одной, с тщеславием принес их к Пахомию³⁴⁵. В другой раз узнал, что повара в его монастыре вместо того, чтобы готовить

пищу, плели циновки, — так как никто из старшей братии не ел варева, — велел пятьсот циновок, сплетенных ими, бросить в огонь³⁴⁶. Он лишил Христианского погребения под видом благочестия скрывавшего не иноческую жизнь³⁴⁷. Он любил пост так, что заплакал, когда увидел, что все братия с удовольствием ели предложенные на трапезе плоды; а когда ему подали овощи, приправленные маслом, то он до тех пор лил на них воду, пока не смыл масла; но подверг строгому наказанию инока за чрезмерное воздержание, когда им питалась гордость³⁴⁸. Он отрещил от должности эконома, который продал рукоделья братские дороже, нежели как назначил Пахомий³⁴⁹. Подверг покаянию иноков, которые во время голода согласились без денег принять хлеб для монастыря³⁵⁰.

Пахомий часто посещал свои монастыри; он входил в келлии иноков, чтобы видеть, чем они занимаются, не нуждаются ли в чем-либо. Если видел, что им нужны наставления, он тотчас учил их, подкреплял слабых, объяснял Св. Писание, убеждал всех мужественно противиться наветам лукавого памятью присутствия Божия и силою Духа Святого. Когда сам не был в силах посещать монастыри, то посыпал Феодора³⁵¹ или писал послания³⁵² к настоятелям о предметах необходимых. Владея даром прозорливости, он иногда посыпал эконома сходить к какому-либо брату и обличить его в нерадении³⁵³.

Сам Пахомий охотно принимал наставления от кого бы то ни было. Раз в Тавенне вместе с братией он плел циновки. Мальчик, тут бывший, сказал, что он не так делает. «Так покажи мне, дитя, сказал Пахомий, как надо делать». Тот указал, и Пахомий поблагодарил его³⁵⁴. Гордость и самолюбие были чужды его душе. Его смирение было глубоко и искренно. Украшаясь всеми добродетелями, он считал себя великим грешником. На свою власть начальническую он смотрел, как на обязанность служить всем³⁵⁵. Он не терпел никакого отличия для себя³⁵⁶. Ученик Пахомия Феодор подал ему больному воды умыть руки; он попросил Феодора, чтобы тот дал ему вымыть свои ноги. «Если я не умою ног твоих, то совесть будет мучить меня, почему я, обязанный служить другим, принимаю сам

услуги?» Будучи главным начальником настоятелей монастырей, он подчинялся настоятелю того монастыря, в котором жил, и охотно принимал советы духовные, как бы несведущий в духовной жизни. Все необходимое для себя он брал от общего раздаятеля как милостыню, не смея ничем сам распоряжаться. Во всех работах монастырских он участвовал сам. «Для чего ты, – спрашивали его братия, – исполняешь сам все работы монастырские?» «Кто, – отвечал он, – откажется подставить ярем под бремя, когда увидит, что я не только не сетую на него, но и с радостью готов упасть под ним? Милосердый Бог, призирая на мое смирение, подаст и вам силу, или приведет других, которые охотно поднимут это бремя». Он не столько страшился вечных мук, говорит его жизнеописатель, сколько недостатка кротости и смирения³⁵⁷.

Смирение всего более старался Пахомий внушить и своей братии. Он имел обычай по вечерам предлагать братии поучение о духовной жизни. Однажды вместо себя велел он говорить Феодору, которому не было тогда и двадцати лет. Старые иноки, оскорбившись тем, что их начинает учить молодой инок, оставили собрание и ушли в келлии. Когда кончилось собрание, Пахомий призвал ушедших иноков и сказал: «Почему вы оставили собрание во время духовной беседы?» «Ты назначил нам в наставники, отвечали они, новоначального, как будто мог он давать наставления всем братиям и даже старшим из них». При этих словах Пахомий, глубоко вздохнув, сказал: «Знаете ли вы, что гордость – начало всех зол в мире, что она низвергла Люцифера в бездну, а Навуходоносора сделала безсловесным? Разве вы не знаете слов Писания, что всякая гордость мерзка пред очами Божиими, и всякий возносящийся смирится? Забыв тяжесть греха, вы попустили демону лишить вас всего украшения добродетели; вы показали презрение не к Феодору, но к слову Божию; вы изгнали Духа Святого из своей души. О, как несчастны и как жалки вы! Бог, смиряя Себя, послушлив быв до смерти, смерти же крестной, а мы, жалкие и ничтожные твари, надмеваемся гордостью. Высший всех тварей по своему величию и могуществу спас мир смирением, тогда как мог уничтожить его

одним мановением; а мы, жалкие, ничтожные создания, мы осмеливаемся возноситься гордостью, не опасаясь того, что этим делаемся презреннее? Дал ли я вам пример оставить собрание, когда начал говорить Феодор? Не слушал ли я его со вниманием? И я уверяю вас, что я много получил пользы. Не я ли приказал ему говорить, хотя бы только для пользы и утешения моей души? Итак, если я, которого вы считаете отцом и начальником своим, если я не считал для себя унижением слушать его, – ибо нуждаюсь в наставлении, – почему же вы стыдитесь делать это? Пред лицом Божиим говорю вам, если вы не загладите своего поступка слезами и строгим покаянием, вы непременно погибнете»³⁵⁸.

Он внушал также своим инокам, чтобы они береглись суэтности, не искали ни украшения в одежде, ни изысканности в пище, ни пышности в строении, ни светских познаний в книгах. «Лучшее украшение верующего человека, – говорил он, – состоит в готовности хранить заповеди Божии»³⁵⁹.

Никто так не отказывал себе во всяком виде удовольствия, как он. Лишь только ощущал он в себе какое-либо чувство суэтной радости или тайное услаждение наполняло его сердце, он немедленно старался уничтожить его в себе. В монастыре Монхозине он выстроил весьма красивую Церковь с колоннами и другими украшениями. Вид её красоты наполнил его сердце радостью. Опасаясь, не суэтным ли тщеславием порождена эта радость, он велел отломать колонны и все украшения, чтобы предотвратить тщеславие³⁶⁰.

Всегда иметь страх Божий в сердце и открывать свои помыслы опытным старцам внушал Пахомий ученикам своим, как два самые действительные средства в борьбе с искушениями.

Заботы Пахомия о своих детях духовных и его мудрая попечительность не могли не принести вожделенных плодов. На общество Тавенное можно смотреть, как на образец, с которым должны сообразоваться духовные руководители, обязанные вести других к нравственному совершенству. Сам Пахомий с душевною радостью видел успехи своей братии; но эта не была радость самолюбия, но глубокое чувство

благодарности милосердию Божию, не оставившему труд его безплодным.

Обители Пахомия имели множество благочестивых иноков, которых все старание устремлено было к тому, чтобы, отвергшись мира, носить сладкое иго Христово. Они заботились единственно о спасении души своей; они совсем забывали мир, и все их помыслы устремлены были к горнему; их утешение и радости заключались во внутреннем мире, превосходящем все наслаждения мира. Друг с другом они соединены были союзом самой чистой и святой любви; один другого побуждал к преуспеянию в духовной жизни; беседовали между собою только о средствах побеждать страсти и дьявола и достигать высшей святости. Хотя между ними большая часть была из простых поселян, необразованных и малограмотных, но они полны были мудрости Божественной, которую почерпали в слушании и исполнении Св. Писания и в небесном просвещении, неоскудно изливавшемся на них. Чтобы ближе узнать и дух управления Преподобного Пахомия, и духовное состояние находящихся под управлением его, познакомимся с жизнью некоторых более известных учеников, каковы Петроний, Феодор, Пекузий, Корнелий и другие.

Петроний, который после избран был в преемника Пахомию, был муж высокой добродетели. С тех пор как он оставил мир и вступил в монастырь, нога его не переступала за порог родительского дома. Его отец Панеб все свое имущество отдал монастырям, и Св. Пахомий на месте, называемом Фебо или Февуй, построил на его деньги монастырь, дал ему устав свой. Братья Петрония и его рабы последовали его примеру и вступили в монастыри Тавенские; его сестры постриглись в женском монастыре, управляемом сестрою Пахомия. Все это благочестивое семейство имело счастье остаться и умереть в том звании, какое приняло. О Петронии сохранилось свидетельство, что он был весьма тверд в вере, кроток в обращении и совершен в разсудительности, с какою он устроял свое спасение. Он никогда не ослабевал в бдении над собою, даже во время болезни. Его любовь была полна кротости и снисхождения к недостаткам других³⁶¹.

Феодор, носящий наименование Освященного, был самым любимым учеником Св. Пахомия и великим украшением своего общества. Он происходил из семейства Христианского, богатого и весьма знаменитого в округе Латопольском, в верхней Фиваиде. Но этот блеск не ослепил его, а только дал ему лучше понять суetu мира. С юных лет глубокое благочестие наполняло его душу. Вместо того, чтобы предаваться забавам, свойственным детскому возрасту, он помышлял только о вечном блаженстве, о жизни загробной. Ему было одиннадцать или двенадцать лет, когда, увидев в доме приготовления к празднованию дней Богоявления, проникнутый мыслию о суете земных радостей, скрылся в самом отдаленном углу дома и, там простервшись ниц, со слезами взывал ко Господу: «Боже мой! ничего на земле я не хочу... Я желаю только Тебя, Твоего милосердия!» И, несмотря на усиленные просьбы матери, он не пошел разделять общего веселья, а весь день провел один в молитве к Богу³⁶². И в эти юные годы он мыслил о жизни монашеской. Несмотря на юность, он подражал монахам, вкушал пищу только однажды в день, а иногда пост свой простирали до вечера другого дня. До четырнадцатилетнего возраста он жил в доме, усердно ходил в школу и в учении отличался прилежанием и успехами. Четырнадцати лет с согласия родителей он удалился к пустынникам в округе Латопольском и в их обществе упражнялся в жизни иноческой. Эти пустынники днем жили отдельно и каждый вечер собирались в одном месте, чтобы совершать общую молитву и беседовать между собою о Божественном Писании³⁶³. В одной из сих бесед услышав, что с великою похвалою говорят о Преподобном Пахомии и его новом учреждении, он почувствовал сильное желание вступить под управление сего великого Аввы. Целую ночь усердно молил он Господа, чтобы Он сподобил его жить под руководством сего святого мужа. Его молитва скоро была услышана. В то же утро заходит к Латопольским пустынникам Пекузий, один из достойнейших учеников Пахомия, бывший в Латополе по делам монастырским. Феодор, видя в сем прямое благословение Божие на свое намерение, упросил Пекузия взять его с собою³⁶⁴.

В тот же день, когда Феодор должен был прийти, Св. Пахомий сказал своим ученикам, что Пекузий приведет к нему мальчика лет тринадцати или четырнадцати; но это – сосуд избрания, полный Духа Божия. Он принял Феодора с добротою отца³⁶⁵ и смотрел на него, как на своего сына и своего любимого ученика.

Окруженный прекрасными примерами добродетели и будучи сильно воодушевлен наставлениями Св. Пахомия, Феодор стал подвизаться с такою ревностью, что, казалось, его ревность к преуспеянию не имеет границ. Свои усилия и старания употребил он на стяжение трех существенных добродетелей: чистоты сердца, строгого соблюдения молчания и точного искреннего повиновения.

Он никому не уступал в точности сохранения устава, во всех трудах монастырских, в бдениях и молитве. Скоро он так много преуспел в жизни духовной, что, несмотря на молодость, мог давать наставления старцам и чудно утешал тех, которые находились в скорбях.

С духовною радостью Преподобный Пахомий видел быстрые успехи в духовной жизни пламенного ученика и предсказал тогда же, что Бог назначил его наследовать ему в попечении о душах братии.

Как совершенно Феодор отрекся от мира и всех его уз, показывает его отношение к матери и братьям. Мать Феодора³⁶⁶, услыхав, что он в Тавенне, пришла туда с письмами от некоторых Епископов. Остановясь в женском монастыре, она послала письма к Преподобному Пахомию и сказала, что если её сын не захочет оставить монастыря, то, по крайней мере, он дал бы ей утешение видеть себя. Пахомий тотчас призвал Феодора, сказал ему о желании Епископов, писавших к нему, и велел исполнить желание матери. Феодор отвечал: «Прошу тебя, отче, уверить меня, что Бог в день суда не потребует от меня ответа в сем свидании. Не соблазнлю ли этим братию, которой я должен подать наставление в сем случае? Если дети Левитов в законе древнем любовью к родителям жертвовали исполнению закона Божия, не тем ли паче в законе Иисуса Христа должен я пожертвовать любовью к

моей матери? Для меня уже не осталось ничего в мире с тех пор, как я отрекся от него; ибо преходит образ мира сего».

Сии-то именно расположения Св. Пахомий хотел найти в своем ученике. Он опасался оспаривать их и сказал ему: Я не спорю с твоим мнением, что Бога нужно любить более матери, Иисус Христос сказал: аще кто любит отца или матери паче Мене, несть Мене достоин. Думаю, что когда святые Епископы, наши Отцы, услышат о твоем решении, они вместо того, чтобы огорчиться, возрадуются, видя, что ты успел в добродетели. В самом деле нет преступления в том, что ты любишь своих родителей, только в Иисусе Христе, как Его члены.

Мать Феодора, узнав о его решении и не могши надеяться когда-либо видеть его, чтобы не лишиться надежды видеться с сыном, решилась остаться в женском монастыре, который святой Пахомий основал на берегу реки, в надежде при случае видеть своего сына в обществе других иноков, а самой получить спасение своей души. Так люди, ревностные к добродетели, хотя по-видимому оскорбляют своею строгостью, но на деле привлекают только к Богу!

Когда брат Феодора, Пафнутий³⁶⁷, вступил в монастырь, Феодор обращался с ним как с посторонним и только после приказания Пахомия, видевшего, что это огорчает Пафнутия, стал с ним ласковее. Феодор имел ещё старшего брата Макария, который по его примеру сделался монахом Тавенским³⁶⁸.

«Феодор, – говорит его жизнеописатель, – хотя был очень молод, но с пламенною ревностью питал свою душу чистыми и твердыми правилами Св. Писания; со дня на день он укреплялся благодатью Святого Духа. Он старался во всем подражать своему отцу святому Пахомию, и повиновался ему, как самому Богу. Если случалось, что святой Авва упрекал его, он никогда не оправдывался и принимал выговоре смиренным молчанием, хотя иногда был и невинен. Когда по забвению Пахомий давал ему противоречащие приказания, но Феодор говорил в своем сердце: это человек Божий, будучи иногда восхищен вне себя Духом Божиим, он приказывает противное воле моей, чтобы сделать меня лучшим, поскольку я так

несовершен: посему я должен стендать пред Богом, дабы он дал мне сердце правое и всегда готовое повиноваться воле Его Святых».

Эта беспрекословная готовность была тем более похвальна в Феодоре, что он имел ум образованный и просвещение выше своего возраста; и если его таланты возвысили его впоследствии до первого места в обществе, то можно сказать, что одною из добродетелей, которые сделали его достойным начальствования, была добродетель совершенного умения повиноваться.

Чтобы более дать способов приобретать Феодору опытность в духовной жизни, Пахомий возлагал на него обязанность утешать скорбящих, давать наставление неопытным. Ему было не более двадцати лет, когда Пахомий заставлял его вместо себя говорить братии поучения и нашел в его беседе много поучительного³⁶⁹.

Преподобный Пахомий сделал его экономом и начальником Тавенны, и хотя эта должность была не очень легка для монаха тридцати лет, каким был тогда Феодор³⁷⁰, но он хотел, чтобы Феодор посещал и другие монастыри, предоставляя ему право распоряжаться вместо себя. Пахомий нередко приходившим к нему говорил, что он проходит должностную вместе с Феодором.

Между тем, Феодор хотя занимал первое место в Тавенне³⁷¹, но вел себя так смиренно, как будто не имел никакой власти. Ум его всегда возвышен был к Богу, в его действиях всегда видна была его святая любовь; но это не препятствовало ему заботиться о своих братьях. С неутомимым вниманием он бодрствовал над всеми нуждами духовными и временными. Имея чудесный дар слова, производивший дивные действия в обществе иноков, Феодор почитал себя мало способным давать наставления; потому каждый день ходил из Тавенны в Пабау, где жил Святой Пахомий, чтобы слушать его наставления, которые потом он передавал своим инокам пред сном³⁷².

Его способность ободрять малодушных и утешать скорбных сделала то, что во время посещений все монахи принимали его с радостью и необыкновенным чувством³⁷³. Тогда как Пахомий

старался побуждать братию к покаянию представлением грозной участи грешников, Феодор старался пробуждать в душах более упование, нежели страх. Приведем один случай, показывающий, с какою кротостью Феодор разбирал спорные дела. Однажды привели брата, неправильно обвиненного в воровстве. По уставу следовало его выслать из монастыря. Виновный в краже, который считался исправным монахом, мучимый угрызениями совести, пошел к Феодору и наедине признался ему в преступлении. Видя раскаяние виновного, Феодор простил его и не решился открыть братии. Призвав невинно обвиненного, он сказал: знаю, что ты не виноват в воровстве. Если ты потерпел что-нибудь от братии, то думай, что ты заслужил это другими недостатками, потому тебе нужно более утверждаться в страхе Божием³⁷⁴.

Хотя св. Пахомий вверил Феодору заботу о руководстве других, но не преставал бодрствовать над его успехами в усовершенствовании и не забывал ничего, что почитал нужным или для того, чтобы утвердить его в добродетелях, которые он приобрел, или исправить, когда замечал в нем что-либо предосудительное, или возбудить его делать новые успехи.

Однажды, когда он страдал сильною головною болью, просил св. Пахомия испросить ему у Бога исцеление: но Святой, пользу его души предпочитая облегчению его тела, дал ему только увещание переносить болезнь с терпением, по примеру св. Иова.

Бог даровал Феодору благодать видений, и он, как скоро имел какое-либо видение, давал в том отчет своему духовному отцу Пр. Пахомию. Пахомий обыкновенно отвечал ему так, чтобы предостеречь его от суетной славы и держать его постоянно в пределах смирения. При одном из сих случаев он сказал ему, что Бог открывает ему истину только тем образом, каким он способен понимать её; в другом случае, что получивший десять талантов приобрел другие десять, что он должен применять к себе сию притчу и стараться достойными плодами воздавать за полученную благодать; сим Феодор так был тронут, что исполнился чувства сокрушения и великого смирения.

Но сей превосходный духовный отец в иной раз действовал в отношении к нему с большою строгостью, дабы очистить его от чувства тщеславия, и чтобы некоторым образом сделать его непоколебимым в совершенном смирении, и Феодор соответствовал его наставлениям так совершенно, что не знаешь, чему более удивляться, ревности ли и мудрости учителя, или понятливости ученика³⁷⁵.

Преподобный Пахомий за два года до своей смерти сделался болен в Пабау, и главные ученики его собрались вокруг него, проникнутые печалью при опасении лишиться своего отца. Они стали придумывать, кто бы мог наследовать ему в его должности, и так как были убеждены, что Феодор был способнее других, просили его обещать им, что в случае смерти их блаженного отца он не будет отказываться принять на себя заботу о руководстве братии. Феодор сначала отказывался и даже много раз; но побужденный их настоятельными просьбами обещал исполнить их желание.

Вынудившие согласие Феодора весьма далеки были от той мысли, что он, давая его, сделал погрешность. Но не так судил об этом Пахомий, желавший видеть в Феодоре более смирения, и в сем случае показал превосходство своего ведения пред знанием своих учеников в различении чувств самолюбия. Он видел, что в Феодоре кроется это чувство.

Чтобы подавить в нем семена сего и сделать его добродетель совершенную, св. Пахомий велел призвать его вместе с другими настоятелями, каковы были Сур, Исеноизий, Пафнутий и Корнилий, и велел каждому из них в его присутствии сказать о пороках, в коих чувствует себя виновным; прежде всех сказал он сам, дабы подать другим пример сего. Потом спросил Феодора, не имеет ли он упрекнуть себя в чем-либо. Тогда Феодор, со смирением исповедуя то, что происходило в его душе, сказал: «Уже семь лет, как ты разделяешь со мною должность управления братиями, и все это время я никогда не имел мысли наследовать тебе в управлении, но теперь на меня напало сие покушение, и я чувствую, что не борюсь с ним, как должно».

«Ты говоришь правду, сказал ему Пахомий, и я вижу, что ты не достиг ещё того, чтобы совсем подавить в себе худые наклонности природы. Тебе нужно жить в уединении и просить прощения у Бога». Он уволил его от управления братией и возвратил его в состояние простого монаха.

Феодор вышел из собрания с живою скорбью, не о том, что лишен был должности, но о том, что дозволил войти в свое сердце тщеславию и опечалил своего духовного отца; он удалился в келлию и там предался стенаниям и слезам, опасаясь, чтобы Бог не отверг его от Своего лица.

Два года находился он в этом состоянии покаяния³⁷⁶, до самой смерти Пахомия, и в продолжение всего этого времени он с такою ревностью старался упражнять себя в смирении, что во всем вел себя, как новоначальный. Он так горько оплакивал свой проступок, что опасались, как бы обилие слез его не повредило его зренiu³⁷⁷. Наконец он показал столько знаков глубокого смирения, что Пр. Пахомий не опасался сказать, что в течение сего времени Бог дал ему благодать преуспеть в совершенстве в семь раз более, нежели какое он имел прежде.

За несколько месяцев до смерти Пахомия³⁷⁸ Закхей, казначей общества, отправляясь в Александрию, выпросил у него, чтобы Феодор сопутствовал ему в сем путешествии. Феодор³⁷⁹, по возвращении, нашел его в Пахнуме, куда он удалился после собора в Литополе, и рассказал ему о печальном состоянии Церкви Александрийской от дерзости Ариан; Св. Пахомий вскоре после сего впал в болезнь, и Феодор оставался при нем до его последнего вздоха.

Пред смертью Пахомий три раза заповедовал ему не оставлять тех из братий, коих он увидит нерадивыми в служении к Богу³⁸⁰.

Пекуза юношей ещё был принят в монастырь. По причине молодости он не был ещё пострижен. Но и в юные годы так успел в духовной жизни, что Преп. Пахомий дал ему наименование слуги Божия. Его нашел св. Феодор в одном из монастырей пустынножителей, живущих на пути в Литополь. Пекуза пользовался доверием Пахомия и слышал от него о

многих откровениях. Он владел и даром чудотворений, и славился в монастыре святостью своей жизни³⁸¹.

Корнелий также с юности посвятил себя на служение Богу. Постоянная собранность его духа, его благоговение к молитве сделала то, что во время Богослужения его дух не развлекался посторонними мыслями, он был весь в Боге³⁸². Феодор Александрийский однажды жаловался Пахомию, что он не может совершать самой краткой молитвы без того, чтобы ум его не развлекался, тогда как Корнелий совершает самые долгие молитвы без развлечения. «Если раб, отвечал Пахомий, видит человека свободного, хотя и бедного, он хочет сделаться свободным. Если незнатный видит вельможу, он хочет сделаться подобным ему; вельможа видит царя, завидует его могуществу и желает царства. Корнелий по благодати Божией имеет то, что получил после долгой борьбы. Трудись, как делал он, и уповай, что Бог дарует нужное»³⁸³. Отправляясь основывать монастырь Панес, Пахомий взял с собою Корнелия. Один тамошний философ, желая беседовать с Пахомием, пришел в новый монастырь. Пахомий поручил Корнелию беседу с ним. «Ты, монах, сказал философ, пользуешься славою понимать предметы трудные, дай ответ на вопрос: что должно думать о том страннике, который пришел в Панес продавать маслины, где их большое изобилие»³⁸⁴. Корнелий понял, на что намекает философ, и отвечал ему: Правда, много маслин в Панесе, но не достает в нем соли, – и эту-то соль мы принесли вам». Философ не стал более спрашивать и удалился. Однажды Пахомий, плывя в лодке по Нилу для осмотра монастырей, предложил провожавшим его инокам провести ночь в молитве. Один промолился всю ночь, другой, не имея сил провести ночь в молитве, лег спать. Пахомий прибыл в Монхоз, где Корнелий был экономом и настоятелем³⁸⁵. Узнав от брата, как он заснул во время молитвы, Корнелий сказал ему: ленивец! как ты юный летами допустил победить себя немощному старцу? Пахомий слышал эти слова и при наступлении ночи предложил Корнелию молиться вместе. Они продолжали свою молитву до утра, Корнелий утомился. Утром Пахомий предложил Корнелию идти к утреннему Богослужению.

Корнелий признался, что он так ослабел, что не может более молиться. «Ах, Корнелий, сказал тогда Пахомий, так ли ты немощному старцу позволил победить себя?» Корнелий понял обличение Пахомия и исповедал, что он не имеет ещё полной любви к братии.

Был ещё в монастыре Монхозе инок Иона – садовник³⁸⁶. Он питался только сухими травами, никогда не вкушал он вареной пищи, не съедал плода с деревьев, за которыми ходил. Три овечьих кожи сшитые вместе составляли его одежду. Льняной хитон он надевал только тогда, как причащался Святых Таин. После непрерывных дневных трудов в саду, он садился посреди келлии своей на небольшом стуле, совершая полунощницу или занимался Богомыслием, плетя веревки из тростника. Если сон так овладел им, что он не мог бороться с ним, тогда предавался на короткое время дремоте, не выпуская, впрочем, своей работы из рук. Была среди монастыря смоковница, на которой было много плодов. Дети, воспитывавшиеся в монастыре, часто лазали на нее, соблазняясь плодами. Поэтому Св. Пахомий велел срубить её. Ионе жаль было этой смоковницы, и он упросил Пахомия оставить её. Пахомий согласился. Но на другой день Иона нашел, что смоковница засохла. Видя, что Бог чудесным образом сделал то, от исполнения чего он отказывался; Иона пролил слезы сожаления, не о смоковнице, но о своем ослушании. Сделавшись болен, он не изменил своего образа жизни. Не будучи в силах работать в саду, он трудился в своей келлии. Он не хотел, чтобы его отвели в больницу. Наконец его нашли почившего сном смертным на стуле его, в руках он держал веревку из тростника, и его схоронили в его кожаной одежде; потому что не было сил снять её.

Тифой, бывший начальником братии больничной и потом после Эпониха заведовавший женским Тавеннским монастырем, был полон такой горячей ревности к самоумерщвлению, что готов был претерпеть мучение и смерть, только бы не отступить от правил умеренности. Всю свою жизнь он провел в совершенной чистоте и подвигах истинного монаха. Он достиг такой высоты в молитве, что едва возносил свои руки

горе, как дух его восхищался. Он почитал за правило, что молитва и воздержание – самые сильные средства сохранить сердце в чистоте. Авва Матой говорил о нем, что он подобен золоту, в горниле искушенному³⁸⁷.

Кроме Феодора Освященного был у Пахомия другой ученик Феодор. Он был чтецом Александрийской Церкви и, будучи еще в мире, проводил подвижническую жизнь. Услышав о св. Пахомии, он пришел к нему в Тавенну, дабы жить в совершенном отречении от мира. Пахомий отдал его под руководство знавшему язык Греческий, пока не выучится Египетскому. Скоро Феодор преуспел в добродетели. Около 335 года Пахомий отдал под его руководство всех Греков, дал ему правила для управления ими. Он тринадцать лет управлял небольшою вверенною ему братиею, которая под его руководством украшалась всеми добродетелями. Феодор служил переводчиком для Пахомия при беседах его с Греками и Латинянами, не понимавшими языка Египетского³⁸⁸. Когда под его руководством был Аммон, то всей братии у Феодора было двадцать человек. Помощником у него был Авзоний, впоследствии наследовавший Феодору Освященному в управлении монастырями³⁸⁹.

Много было и других подвижников среди учеников Пахомия. Они хранили такое воздержание, что и в преклонных летах во время болезни не употребляли вина, не ложились в постель, последняя минута их жизни заставала их сидящими. В числе их можно назвать Пафнутия, за добродетели названного Великим, бывшего великим экономом в Пабау³⁹⁰; его преемник в сей должности Псарфений³⁹¹, несмотря на преклонные лета, с терпением и успехом проходил сию должность. Таков же был Эпоних, настоятель женского монастыря, Талма, подражавший терпению Иова³⁹², и Афе- надор. Пораженный проказою, Афенадор с таким спокойствием переносил свою болезнь, что для примера другим Пахомий заставлял его жить в разных монастырях. Он вкушал только сухой хлеб, каждый день срабатывал по циновке. Вечером перед сном избирал какое-либо место Св. Писания и размышлял о нем, пока не заснет. Однажды, по совету брата, вздумал было помазать лекарством

исцарапанные тростником руки. Но, не получив облегчения, целый год оплакивал это дело, как малодушие и маловерие³⁹³. Одного инока во время молитвы укусил скорпион. Вместо того, чтобы оставить молитву, он стал ногою на скорпиона и так доканчивал свое правило, несмотря на то что болезнь уже развивалась в его теле. Св. Пахомий исцелил его своею молитвою.

Еще был в числе учеников Пахомия Силуан. Он был комедиантом, но на двадцатом году возраста он ушел к Пахомию. Пахомий указывал ему на трудность иноческой жизни, но Силуан изъявлял готовность переносить все труды. Действительно, несколько времени он вел себя истинным монахом, но скоро ослабел, стал разсейян, вспомнил прежние шутки и, служа посмешищем для других, подавал соблазн многим. Не раз Пахомий делал ему замечания, но, раскаиваясь на время, он не оставлял своей жизни. Наконец, старшая братия, видя, что Силуан служит соблазном для братии, настоятельно просили выгнать его из обители. Пахомий, обличив в целом собрании дурную жизнь, объявил ему, чтобы он оставил монастырь. Это потрясло Силуана. Схватясь за ноги Преподобного Пахомия, умолял его оставить в монастыре, обещаясь совершенно исправить жизнь. Но Пахомий, не раз обманутый уже Силуаном, не верил и теперь искренности обещаний. Петроний взял Силуана под свое поручительство и попечение. Силуан, действительно, стал другим человеком. Он почти не поднимал глаз на братию, говорил очень мало, был так послушен, что без позволения Аввы не дерзал сорвать листа травы. Его сокрушение было так велико, что он безпрестанно обливался слезами, так что не мог удержать слез и во время трапезы. Он любил проводить время бодрственно. Вечером, когда чувствовал утомление, он садился посреди келлии и проводил ночь в плетении циновок.

«Могу ли я не плакать, говорил он братии, когда святые иноки прислуживают мне, тогда как я должен лобызать самый прах, попираемый ими? Я из комедиантов принят в число подвижников, познал истину, и до того вознедоргал о своем спасении, что едва не выгнали меня из сего монастыря. Я

страшусь, чтобы не разверзлась подо мною земля и не пожрала меня. Я вижу неизмеримость грехов моих и готов отдать жизнь, только бы получить прощение».

Это смиление было так глубоко и искренно, что Пахомий не усомнился пред всеми засвидетельствовать его высоту. Восемь лет прожил Силуан в подвиге покаяния, и когда скончался он, Преподобный Пахомий видел, как множество сил небесных сретало душу его и представило Господу, как жертву избранную³⁹⁴.

Руководство таких душ по пути спасения как ни приятно, но вместе с тем требовало великого труда. С людьми, стоящими на высокой степени нравственного совершенства, бывают такие искушения и падения, от которых предохранить и которые уврачевать может только муж глубоко опытный в духовной жизни, просвещенный небесною благодатию. Таков был духоносный Пахомий. Он старался умерять стремление к особенным подвигам, нередко питающим тщеславие. Так, не одобряя желание мученичества за Христа, которое пробудилось в одном иноке. Но когда этот инок, при страхе мучения, отвергся Христа, – Пахомий не отверг его, обнадежив его упованием на бесконечное милосердие Иступителя³⁹⁵.

Особенно заботился он, чтобы чрезвычайные состояния облагодатствованных душ, сверхъестественные дары чудотворения и прозорливости не повредили смирению украшенных ими. Как избранный сосуд благодати Божией, владея даром чудотворения и прозорливости, Пахомий всегда сохранял смиление, и эти дары благодати не нарушали спокойного состояния его духа и не отвлекали от обыкновенных занятий. Если когда не исполнялась его молитва о чем-либо, он покорялся воле Божией. «Для нас всего полезнее то, говорил он, что дает Его милосердие, а наши просьбы, и с чистым намерением приносимые, может быть, Ему неприятны»³⁹⁶. Невидимое чудо исцеления души он умел предпочитать видимому чуду исцеления телесного. «Какое чудо выше, говорил он, исцелить ли слепого, или просветить помраченного тьмою идолослужения? Я не знаю высшего чуда, как удержать язык от празднословия, душу от гордости, лености и всех

пороков, и заставить человека по милосердию Божию переменить жизнь, исправить худые привычки»³⁹⁷.

Когда один из иноков просил его рассказать о каком-либо видении, Пахомий сказал: «Такому грешнику, как я, не позволено желать иметь видения. Я возстал бы этим против воли Божией и впал бы в обольщение. Но вот самое чудесное видение: если ты увидишь лицо человека, в котором отражается чистота и глубокое смиление сердца; ибо какое лучше видение, как видеть невидимого Бога обитающим в человеке, как в Своем храме?»³⁹⁸ Пахомий предостерегал своих учеников от видений из опасения, чтобы ложные видения не совратили их с истинного пути. Он сам искушаем был от диавола через ложные видения; но его духовная опытность открыла ему ясный признак обманчивости в том смутном, тревожном ощущении, которое производили они. Видение от Бога должно производить мир и тишину в душе³⁹⁹. Однажды еретики – ариане для доказательства православия предлагали ему пройти по воде как посуху. «Все мое старание, сказал Пахомий, и все мои усилия устремлены к тому, чтобы избежать страшного суда Божия; как же я дерзну искушать Его подобными чудесами? При помощи демонов, сказал он, обратившись к ученикам своим, ариане могут сделать и это; но царствия Божия не получат». Усердно он предохранял учеников от ересей арианских и от сочинений Оригена, которых не позволял им читать⁴⁰⁰.

Мудрость наставлений Пахомия привлекала к нему всех пустынников окрестных стран, находились ли они под его управлением или нет. В духовных своих нуждах они искали его помощи. Настоятели различных монастырей обращались к нему за советами в затруднительных случаях, как к человеку, получившему небесное просвещение. Даже епископы посыпали к нему монахов на суд⁴⁰¹. Не только из Египта, но из Армении и с Запада слава Пахомия приводила многих в монастырь его, чтобы вступить под его руководство. Из его монастыря немало иноков заняли епископские престолы.

Казалось, что благочестие обителей Пахомия, такочно устроенное и так хорошо основанное, должно было сохраняться долго, долго. Но велика слабость человеческая. Хотя во

времена бл. Иеронима, Руфина, Палладия и Кассиана, то есть около 50 лет спустя после смерти Пахомия, иноки Тавеннские были ещё строги; но немного спустя эти обители представляли только жалкие остатки прежнего духа.

Будущая горестная судьба Тавеннских обителей не скрылась от прозорливого взора Пахомия. Господь, может быть, для большего смирения открыл ему упадок духовной жизни в основанных им монастырях. Однажды, во время молитвы, Пахомий, пришедши в восторг, видит, что одни из его братий окружены пламенем, из которого не могут выйти; другие так оплещены тернием, что оно колет их отовсюду; иные стоят на краю страшной пропасти и не могут отойти от нее. В другой раз, когда он молился о будущей судьбе своей обители, пред ним открылось другое видение. Пред его глазами был ров, наполненный иноками. Они хотят выйти из него, но не могут, и тогда как поднимаются к берегу, другие приходят и останавливают их. Только немногие с трудом выходят из рва, и их осияет свет. С рыданием повергся на землю Преподобный. «Господи, взывал он, если такова судьба иноков; то зачем Ты восхотел, чтобы были киновии и монастыри? Помяни завет Твой, в котором Ты обещал до конца сохранить служащих Тебе. Ты знаешь, что с тех пор, как я принял на себя иноческий сан, я смирялся перед Тобою, не вкушал досыта хлеба и воды». Тогда он услышал голос: «Не хвались, слабый человек, но проси прощения. Все держится Моим милосердием». Пахомий, повергшись на землю, умолял о прощении. Во время смиренной молитвы явился ему Господь Иисус и сказал: «Семя твое духовное не оскудеет до конца века. А из тех иноков, которые будут после тебя, многие выйдут из глубины мрачного рва и явятся высшими нынешних иноков; потому что без руководителей спасутся; иные спасутся через напасти и скорби и явятся равными великим святым». После сих слов Господь вознесся, и Пахомий вознес благодарные молитвы к Нему⁴⁰². Верно слово Божие. Хотя в стране, где основал свою обитель Пахомий, нет почти и следа иноческих жилищ; но его правила, его наставления живы и в других странах руководят иноков к совершенству. Воздвигаются гонения на иноков, ослабляется

иногда и духовная жизнь среди них: но всегда среди них есть души, огнем ли бедствия или самопроизвольными подвигами возвышающиеся над бездной погибели, воспаряющие к небу и озаряемые светом благодати Божественной, и верим, что духовное семя Пахомия не оскудеет вовек.

Пахомий скончался от заразительной язвы, которая явилась в его монастырях. В короткое время умерло от нее более ста иноков, – в числе их много главных подвижников, каковы: Сур, Корнилий, Пафнутий и другие. Пахомий сорок дней был тяжело болен, но постоянно сохранял веселое расположение духа. За два дня до смерти он созвал начальников и строителей всех монастырей своих и сказал им: «Чувствую, что конец мой приближается. Помните все, что я так часто вам внушил. Будьте бодры в молитвах и разсудительны во всех действиях. Не имейте общения с последователями Мелетия, Ария, Оригена; сближайтесь только с теми, которые боятся Бога и могут принести вам пользу своею беседою, доставляя душам вашим истинное утешение. Изберите между вами человека, который бы правил вами по духу Божию». По желанию братии он назначил в преемники себе Петрония. Любимому ученику своему Феодору поручил попечение о ленивых из братии. Оградившись знамением креста, он со светлым лицом предал дух свой Богу 9 мая 348 года, 57 лет от роду, 35 лет подвизавшись в монашестве⁴⁰³.

Преемники Пахомия в управлении Тавенскими монастырями.

Пред своею кончиною Преподобный Пахомий назначил своим преемником Петрония. Он был начальником монастыря Тисмен, когда заразительная болезнь приблизила к смерти Св. Пахомия и многих других иноков. Он и сам был застигнут сею болезнью, когда Пахомий, приближаясь к смерти, послал к нему приглашение прибыть немедленно в Пабау. Слабый от болезни, он не замедлил повиноваться приказанию своего св. Аввы. Но прибыв в монастырь, нашел его уже умершим. Сам Петроний, предчувствуя свою кончину, собрал братию, чтобы узнать от них, кого они желают иметь преемником. Все просили, чтобы избрал он сам, так же, как сделал Пахомий. Петроний указал на Орсисия, находившегося тут, и сам скончался тридцать дней спустя после смерти Пахомия⁴⁰⁴. Орсисий хотя не был из первых учеников Пахомия, но столько успел в добродетели, преимущественно в смирении, что Пахомий поставил его настоятелем монастыря Хенобоск. Когда Пахомию указали на молодость Орсисия, он сказал, что на Орсисия можно смотреть как на свечник, сияющий в доме Господнем⁴⁰⁵. Выбор Орсисия в настоятели приятен был всем, кроме самого избранного. Со слезами говорил он, что бремя, какое хотят наложить на него, выше его сил, но ни его просьбы, ни его слезы не могли отклонить избрания и он должен был подклонить свою выю под это иго⁴⁰⁶.

Образцом в управлении монастырями он всегда ставил образ действий Пахомия. Свою кротостью в обращении, нисколько не ослаблявшую его ревности, бдительности, заботы о соблюдении устава, он привлекал к себе иноков. Частое посещение монастырей давало ему возможность близко знакомиться с духовным состоянием иноков. Владея даром мудро говорить о предметах духовных, он свою речь любил пополнять сравнениями и притчами, что делало более приятною его беседу.

«Вы знаете, говорил он однажды инокам, с каким глубоким знанием Св. Писания наш св. Отец Пахомий обыкновенно говорил нам о предметах небесных. Но я думаю, если человек с великим старанием и прилежанием не хранит свою душу, то легко забывает все, что слышал когда-либо полезного, и впадает в леность: так что наконец демон овладевает его душою, и без труда строит свои ковы».

«Это то же, продолжал он, как если кто, приготовив хорошо лампаду для употребления, не подливает в нее масла. Напрасно ждать, чтобы она светила; она скоро погаснет и оставит во тьме. Случается иногда и худшее: мышь, ходящая около, съедает самую светильну и часто опрокидывает самую лампаду, которая тотчас разбивается, если она из хрупкого вещества, но её снова можно приготовить и зажечь, если она из вещества твердого и не ломкого. То же самое можно сказать о душе, которая оставляет попечение о своем спасении. Дух Святой мало-помалу оставляет её, пока она совсем не лишится Божественной теплоты. Тогда враг лишает душу всякой бодрости и тело поражает изнеможением. Но тот, кто утвердился духом своим в служении Богу, если временно и впадает в нерадение, то по милосердию Господь, пробуждая в душе его страх Свой и память вечных мук, возбуждает его и, охраняя его с великою заботливостью, удостоит его Своего обитания».

Так наставлял он своих иноков, пользуясь сравнениями, которые заставляли слушать его с удовольствием и всегда с пользою. Но впоследствии умел⁴⁰⁷ и не прибегая к притчам говорить ясно и вразумительно. Всегда главным предметом его бесед было внушать соблюдение правил, утвержденных Св. Пахомием, и всех повелений, какие получают они от начальников.

Когда Св. Афанасий со славою утвердился на своем престоле в Александрии, по предсказанию Св. Пахомия, Орсисий послал к нему некоторых из своих иноков, во главе коих был Закхей, главный эконом монастырей⁴⁰⁸. Они, услыхав, что Св. Антоний находится во внешней горе, захотели

воспользоваться столь благоприятным случаем, чтобы видеть его и испросить его благословение.

Как скоро святой старец услышал, что они пришли к нему, тотчас поднялся с места, на коем сидел, и, несмотря на свои девяносто восемь лет, вышел к ним с радостью и с участием спросил их о Св. Пахомии. На его вопрос они отвечали только слезами, кои давали понять, что их Аввы не было в живых. Утешив скорбных иноков похвалою их Авве, Антоний спросил их, кто был преемником Пахомия. Они сказали ему, что Пахомий назначил Петрония, но тот уже умер несколько лет назад, а на его место поставлен Орсисий. Потому ли, что слух об Орсисии достиг уже до Антония, или Бог открыл ему то сверхъестественным образом, он сказал им: не называйте его Орсисием, но лучше называйте его Израильтянином: и поскольку вы идете к Епископу Афанасию, то скажите ему от меня: Антоний просит позаботиться о духовных детях Израильтянина. Он дал им письмо к Афанасию и преподал свое благословение.

Святой Афанасий принял их с любовью и впоследствии заботился о поддержании их монастырей.

Орсисий с своей стороны прилагал к тому все свое внимание⁴⁰⁹, и в самом деле монастыри под его руководством несколько времени пребывали в том благочестии и единении, в каком оставил их Св. Пахомий. Этому много способствовали старцы, ученики Святого, коих пощадила заразительная язва; они были опорами иночества. Из числа этих старцев можно наименовать Псентезия, Пекузия, Корнелия, Павла, Иоанна, Пахомия. Но так как язва похитила многих начальников, то Орсисий имел обязанность восполнить их недостаток. Это было тем труднее, что между некоторыми монахами начал вкрадываться дух честолюбия, угрожавший разрушением мира, о сохранении коего Орсисий старался со всевозможной заботой.

«Я знаю, говорил он им, что некоторые между вами домогаются начальства. Этого не было при жизни вашего блаженного отца. Тогда всякий старался отличаться готовностью повиноваться, опасаясь только, чтобы не быть последним в

Царстве Небесном. Вы сами знаете, каких слез и скорбей мне стоило решиться наследовать Петронию, когда он назначил меня занять его место, при мысли, как опасно принять на себя бремя управления душ. Не я один, но и святые то же чувствовали. Первый пророк Моисей, посланный для освобождения и управления народом Израильским, умолял Господа с великим страхом, чтобы Он не гневался на него за управление, и тогда принял назначенное ему служение».

«Мы также, братие, слыша слова: всяк возносяй себе смирятся, будем удаляться от всякого честолюбия. Не все могут достойно управлять душами, но только те, которые совершеннее других. Выслушайте сию притчу: если необожженный кирпич полагают в основание здания, построенного недалеко от реки, он не прослужит и одного дня; но если он хорошо обожжен, то будет крепок, как самый твердый камень. Так же бывает с людьми, мудрствующими ещё по плоти, если они прежде не воспламенятся огнем Божественных Писаний, при самом начале своих стремлений претерпят жалкую неудачу; ибо много искушений для тех, которые хотят управлять множеством людей. Но достоин похвалы тот, кто, сознавая свою немощь, старается скорее сложить возложенное на него бремя, чтобы не ввергнуться в большие опасности. А те, которые не колеблются в вере, остаются твердыми и крепкими во всех обстоятельствах». Это тайное честолюбие некоторых, которое Орсисий старался уничтожить, было как бы предвестием смятения, происшедшего между иноками, причинившего много бед и беспокойств⁴¹⁰. Число иноков значительно увеличилось; необходимость помещать их требовала приобретения земель и употребления других средств для их прокормления. Но заботы временные, коими занялись с ревностью и против духа устава, во многих начальниках, или подчиненных настоятелях, ослабили собранность и безстрастие сердца и ревность к благочестию.

Первый подал к сему повод Аполлоний – настоятель Монхоза. Тогда как по уставу Св. Пахомия монастыри должны иметь все общее, он захотел делать приобретения особые и даже излишние для его монастыря. Орсисий по своей

обязанности сначала кротко обличал его, но потом сделал строгий выговор; но Аполлоний худо принял вразумление и, побуждаемый духом любочестия, вздумал отделиться от Орсисия и сделать свой монастырь независимым от братства Пахомиева.

Его пример тотчас нашел подражателей. Сколько ни прилагал Орсисий заботы, дабы удержать распространение зла, но имел несчастие видеть все свои усилия почти бесполезными, по непреклонному упорству этих беспокойных и честолюбивых умов.

В сем опасном случае он придумал призвать к участию в управлении кого-либо из монахов, пользующихся особою доверенностью братии. Он желал, чтобы Сам Господь указал ему сотрудника.

Удалясь в пустынное место, там с сокрушением сердца обратился он к Богу с молитвою. «Господи, так он молился, раб твой Петроний умирая поручил мне управление братиями и попечение о их спасении; но кроме одной части, которая остается верною правилам, поставленным святым отцом нашим Пахомием, другие не хотят слушать моих наставлений и хотят лучше следовать желаниям своего сердца. Горько мне видеть такое смущение в монастырях и не по моей вине или нерадению. Ты ведаешь, Господи, что я никому не подавал повода к смятению. Не один только сей монастырь печалит меня, но я вижу, что зло проникло и в другие, и угрожает совсем нарушить тишину, и я боюсь, что впоследствии не останется и следов того прекрасного единения, которое царствовало здесь прежде. Посему я, более не имея сил один поддерживать столь великое бремя, молю тебя, Господи, Сам укажи мне человека более твердого и мужественного, и я назову его им, дабы мне не сделаться виновным в погибели их душ».

В ту же самую ночь Бог открыл ему волю Свою в таинственном сновидении, которое ему нетрудно было изъяснить⁴¹¹. Он увидел два ложа, равно прекрасные и драгоценные; но одно из них было старо и ветхо, другое новое; следовательно, последнее было крепче и тверже первого. Он услышал сии слова: «Возляг на новое ложе». По своем

пробуждении размышляя о сем видении, он понял, что Феодор, любимый ученик Пахомия, обозначался сим новым ложем. Эта мысль облегчила его горесть, – тем более что он нежно любил Феодора и не знал человека более его способного стать выше ропота других или примирить их кротостью своего смирения.

Наутро созвал он всех начальников различных монастырей, исключая Феодора, и видя, что все они собрались, сказал им: «Вы знаете, какое смятение возникло в братстве. Я доселе терпел в надежде, что буря пройдет, случилось напротив, зло более увеличилось. Признаюсь вам, что не могу более один сносить столько забот и беспокойств, и надеюсь, вы не станете принуждать меня к тому, поскольку вижу, что не могу помочь. Я думаю, что Феодор более меня способен в настоящем бедственном случае управлять монастырями, тем более что с давнего времени он заслужил уважение у всех иноков, так же как пользовался любовью и нашего Св. Отца».

Этот выбор всеми был принят с радостью, ибо всегда имели большую доверенность к Феодору. За ним послали, чтобы признать его главным Аввою; и между тем как дожидались его, Орсисий удалился в монастырь Хенобоск⁴¹². Феодор решительно отказался занять место Орсисия. Он сказал, что не вкусит пищи до тех пор, пока не увидится с Орсисием. Три дни пробыл он без пищи. Орсисий пришел и успел убедить Феодора принять главное начальство над монастырями; а сам опять удалился в Хенобоск, оттуда несколько времени спустя перешел на житье в Монхоз, частью для того, чтобы показать, что не имеет никакого огорчения на братию сего монастыря, в коем началось зло, частью для того, чтобы вкушать там выгоды уединения и послушания в состоянии частной жизни.

Но не так смотрел на это Феодор; он почитал себя только его помощником в управлении, и хотя Монхоз гораздо далее, чем Хенобоск, отстоял от Пабау, где он утвердил свое пребывание, несмотря на то, он часто ходил в Монхоз, чтобы испрашивать у Орсисия наставления во всех дела. Он убедил его перейти жить в Пабау, дабы давать духовные наставления братии. Он хотел, чтобы Орсисий, как и он сам, посещал монастыри. Наконец Феодор хотел быть только викарием

Орсисия, и их единение так было тесно, что было предметом удивления и утешения для братии. Орсисий говорил, что он управлял так же, как и тогда, как был один настоятелем, и называл Феодора поистине новым ложем, на коем Бог повелел ему почить.

После кончины Преподобного Пахомия Феодор вел себя, как простой монах. Когда Орсисий делал наставления монахам, он сидел среди братии и слушал так внимательно, как будто ничего не знал. Когда братия просила у него наставлений или рассказа о видениях, который имел Пахомий, он отсыпал их к Орсисию, как к такому лицу, к которому все должны обращаться⁴¹³. Однажды Орсисий послал его в Пабау для надзора за монастырскими работами. Там увидел его Макарий, настоятель монастыря Пахнум, и просил его прибыть к нему для устроения пекарни, а в самом деле желал получить чрез него утешение для братии. Отправляясь водою, он так смиренно вел себя на лодке, что один монах, не знаяший его, принял его за новоначального и дал ему наставления, сообразные сему степени иночества; скромность, с какою он выслушал советы, и смиренные ответы ещё более утвердили монаха в сей мысли. Как же изумился он, когда увидел почетный прием, с каким встретили его монахи!

Так как главною причиной, по которой Орсисий выбрал Феодора, была та, чтобы водворить мир и согласие между братией⁴¹⁴, посему об этом-то предмете и была первая беседа нового начальника; он сильно увещевал братию к взаимной любви. Он представлял пред их очи, что утверждение иночества стоило их отцу Св. Пахомию великих трудов и борьбы с демонами, и как они были бы виновны, своим разделением разрушая столь великое дело. Он представлял им блаженное состояние, в котором они были во времена своего святого отца, и умолял их полным единодушием и всецелым отречением от земных вещей возстановить это состояние. «Немного прошло лет, говорил он им, как умер наш отец, а кажется мы уже забыли ту радость и спокойствие, коими наслаждались мы под его руководством. Тогда все наши мысли и все наши разговоры обращались около слова Божия, сладчайшего меда. Мы жили

свободные от привязанностей к предметам земным, и наша мысль была более в небе, чем здесь на земле. Как озябший от стужи бежит изо всех сил своих, поскольку чувствует удовольствие в том, что нагревается; так и мы искали Бога всею силою своих желаний, вкушали Его неизреченную благость и сладость Его присутствия, когда имели счастье находить Его. Но теперь в каком бедственном положении находимся мы? Не удалены ли мы от Бога? Возвратимся же к Нему и будем надеяться, что Он переменит наши сердца действием Своего великого милосердия». Так говорил он им и был так проникнут предметом беседы, что не мог удержать слез, и извлек их из очей всех предстоящих.

Тотчас после сего он предпринял посетить монастыри, в сопровождении некоторых иноков, и пользовался всем, что внушала ему его любовь, дабы привести умы к общему единению; и это ему удалось так хорошо, что он убедил и Аполлония, виновника раздора, начальника Монхоза, – вступить в общество, от коего он отделил свой монастырь. Таким образом, доброе согласие было всецело утверждено.

Когда кротость и умеренность Феодора сделались известны во всех монастырях, то привлекли к нему такую доверенность со стороны сих иноков, что все они сходились к нему и без затруднения открывали пред ним тайные расположения сердца своего⁴¹⁵. С своей стороны он их утешал, одушевлял, укреплял, указывал им могущественные средства противостоять искушениям дьявола и врачевал их внутренние раны со всем искусством и способностью врача духовного, опытного в искусстве руководить души.

Феодор умел сохранять терпение и чудную любовь в обращении с теми, которые были нерадивы о своем спасении; он не переставал увещевать их, чтобы тронуть их, предлагал размышления о суде страшном, о смерти, и особенно прибегал к молитве, чтобы Сам Господь совершил их исправление. Его побудило к этому неутомимому терпению убеждение, что если по причине трудности заставить нерадивых войти в самих себя, оставить без наставления; то Бог потребует у него отчета в погибели их и тех, коих может увлечь их худой пример. И этим

он поддерживал себя в постоянной заботе о спасении всех, употреблял к тому все свое тщание и не жалел трудов.

«Страшно, говорил он, дать отчет за самого себя, но еще более значит дать отчет за многих!» Между тем, несмотря на внимание, какое он прилагал к тому, на постоянный труд, которому он предавался, он, будучи в высшей степени смирен, не думал, что он достойно исполняет свою должность, уверяя всегда, что он далеко не имеет качеств хорошего начальника. В этом смиренном взгляде на свое недостоинство он утверждался особенно, когда сравнивал себя с своим блаженным отцом Св. Пахомием, и потому-то он непрестанно приводил на память своим инокам добродетели и уроки сего святого Аввы, чтобы придать более веса своим наставлениям, которые он почитал малозначительными, если не подкрепить их авторитетом сего великого святого.

Его уважение к Епископам, коих почитал преемниками Апостолов и Святыми отцами в Иисусе Христе, показывает также его веру и смирение⁴¹⁶. От Св. Пахомия также наследовал он глубокое уважение к Св. Афанасию и повторял своим монахам слова Пахомия, что Бог в их времена показал в Египте три чуда для утешения и пользы тех, кои находились в скорбях, – Св. Афанасия, как безтрепетного защитника веры И. Христовой, Св. Антония, как совершенный образец жизни отшельнической, – и общество Тавеннское, назначенное служить правилом для всех, кои захотят жить в иноческом общежитии.

Как утвержден только был Аввою⁴¹⁷, Феодор двоих из своих монахов, Феофила и Коприя, послал к Св. Афанасию, чтобы выразить свое уважение и послушание к нему. По возвращении оттуда они привели из Александрии юношу семнадцати лет по имени Амона, который по обращении к вере, услышав в одной из бесед Афанасия похвалу иноческой жизни, решился посвятить себя этой жизни. Сначала он хотел отаться под руководство одного монаха Фиваидского, бывшего тогда в Александрии, но один городской священник, с которым он советовался о своем намерении, сказал, что этот монах еретик, и лучше советовал ему вверить себя Феодору. Он

воспользовался возвращением сих двух иноков, чтобы идти в Тавенну. Это тот самый Аммон, который был впоследствии Епископом и в письме к Феофилу Патриарху Александрийскому передал слышанное и виденное им о Св. Феодоре. Живым словом очевидца Аммон изображает пред нами и быт Тавенских монахов и добродетели Св. Феодора. Он говорит, что когда дошел до Пабау, Св. Феодор встретил его в воротах монастыря, сделал ему несколько вопросов, одел его в иноческую одежду, ввел его в место, где братия были собраны в числе шестисот, и посадил его подле себя под финиковым деревом. Удивительный порядок господствовал в столь многочисленном собрании монахов. Братия один за другим вставали и подходили к Феодору, прося его пред всеми сказать, какие их недостатки. Феодор говорил им какое-либо место из Св. Писания, приличное состоянию каждого, и сии монахи возвращались на свои места со слезами на глазах и с сокрушением сердца. Некоторые так сильно были тронуты, что проливали обильные слезы и извлекали их у сидевших рядом с ними. Между теми, которые подходили к Святому, чтобы просить его сказать их недостатки, Аммон заметил одного, по имени Ориона Пателлolia, коему Святой сказал сии слова Апостола: друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов, но объявил потом братиям, что сей монах весьма страшен для злых духов.

Не по одному только опытному познанию нравов своих иноков Феодор был в состоянии каждому из них в особенности давать столь справедливые применения из Писания, но более по сверхъестественному ведению, которое Бог сообщал ему о их душе⁴¹⁸. Опыты этой духовной прозорливости открывались в предсказаниях о будущей судьбе Церкви. Один монах подошел к нему, как делали это другие, когда увидели, что Феодор вдруг замолчал, стал смотреть на небо и потом поднялся с своего места. Все братия поднялись также и образовали около него круг, понимая, что он должен дать им важные наставления. Тогда он сказал им: «Я знаю, что люди живущие по плоти не примут моих слов. Но поскольку Господь повелел мне сказать оные, то я буду говорить. Некоторые люди из нашего рода

воздвигнут гонение на Церковь Божию. Оно будет иметь великий успех и подвергнет многих бедствиям. Когда гонение усилится, то неожиданно на царский престол вступит язычник, который будет стараться увлечь Христиан в заблуждение. Но Христос посрамит коварное намерение его. Мы должны усердно взывать к Богу, чтобы Он продлил милость Свою к Церквам, чтобы не погибли многие».

Елурион, один из братьев, слышавших сие, пожелал знать, когда случится сие, и просил Аммона спросить у Феодора. Едва Аммон открыл уста, Феодор дал уже ему ответ, что сие исполнится скоро, что Бог, наконец, умилосердится над своею Церковью; что сначала прекратится гонение язычников, потом прекратится гонение Ариан, и Аммон сам увидит исполнение сих предсказаний.

Скоро это предсказание оправдалось изгнанием Св. Афанасия, господством Ариан, восшествием на престол Римский Иулиана, и потом смертью его, и вступлением на престол Иовиана, давшего мир Церкви.

Сим предсказанием окончилась первая духовная беседа Феодора, которой свидетелем был Аммон. После беседы сотворили молитву, и Феодор, отпустив братию, отдал Аммона на руки Феодору Александрийскому. Святой Авва повелел ему поспешить наставить Аммона в Св. Писании, поскольку он недолго должен был оставаться в монастыре, но назначен служить Церкви в клире, как открыл сие ему Бог⁴¹⁹.

Аммон сначала едва верил, чтобы Святой мог узнавать тайны сердца, и с недоумением спрашивал Авзония, может ли быть, чтобы Бог давал людям такую благодать, и есть ли на то доказательства в священных книгах? Но скоро разрушились все его недоумения. Однажды ночью Аммон вышел из своей келлии, вдруг слышит он, что зовет его Феодор. Хотя Аммон был в одном только литоне, но он пошел на голос Аввы. Феодор делал выговор одному брату за то, что уступает внушениям дьявола. Феодор так ясно излагал помыслы искушаемого брата, что тот, пораженный его прозорливостью пал к его ногам, и умолял испросить ему от Бога прощение. Чрез четыре месяца этот брат ушел в мир, но вскоре скончался, не прожив и году⁴²⁰.

Аммон потом вместе со Святым пошел в Тавенну, где Феодор исцелил отравившуюся ядом женщину⁴²¹.

Несколько времени спустя св. Феодор возвратился в Пабау, где взял с собою около ста двадцати иноков, чтобы идти на остров Нила собирать тростник, из коего плели рогожи. Он оставался там много дней и по вечерам не оставлял предлагать им духовную беседу, как делал сие в монастыре. В среду, в то время, как он произносил сию беседу, две ехидны ползали у его ног. Не прерывая беседы, Феодор стал на них ногою и держал так их до конца беседы, после сего он велел их убить. Потом он сказал братии, что ему явился Ангел и открыл, что одного инока в Пабау нужно выслать из монастыря за худую жизнь. Силуан, начальник общины из двадцати двух братьев, имевший своим помощником Линуфона и Макария брата Феодора одним из своих подчиненных, принял эти слова за тщеславие; но вследствие страшного явления тотчас же поражен был параличом и только молитвами Феодора Александрийского, Пекузия, Псамфия, Псенфаисия, Елуриона и Исидора, иноков, преуспевших в добродетели и уважаемых в монастыре, возвращен был к жизни⁴²².

Немного спустя⁴²³ пришел в Пабау Св. Феодор, и поговорив с братиями, он просил их подождать его несколько на том месте, где они были, а сам с двумя братиями пошел в трапезную. Там остановил он молодого монаха, которого Ангел повелел ему выгнать из монастыря. После тщетного убеждения признаться во грехах Феодор разоблачил все тайные изгибы души сего инока. Пристыженный обличением инок сам ушел из монастыря.

Других иноков он обличал наедине и так тронул их, что они готовы были пред всеми исповедать грехи свои; но сей мудрый Авва не согласился на это из опасения соблазнить юных и слабых и удовольствовался тем, чтобы они признались в них Пекузию и Псенфаисию.

«Это было, — говорил Аммон, — во время четыредесятницы. Во вторник пред Пасхой монахи других монастырей общества собрались в Пабау, дабы вместе праздновать святые дни, как обыкновенно они делали каждый год. Феодор всем, кои

приходили советоваться с ним о различных местах Писания, объяснил все, что они не хорошо понимали; после чего он обличил одного брата в тайноядении. Никто не должен, сказал он в заключение, принуждать себя поститься сверх сил своих. Слабые могут есть каждый день ввечеру, кроме пятка. Виновный в тайноядении, видя, что его грех открыт Феодору, бросился к его ногам, дабы принести покаяние; но Феодор прикрыл его лицо своею мантиею, дабы не сделать его известным для других».

Другой проступок, который сделали монахи и который людям, недостаточно понимающим совершенство иноческое, может показаться совершенно незначительным, подал Святому случай дать братии прекрасное наставление.

Взяв с собою сорок своих монахов, Феодор пошел на гору рубить лес, и в тот же день сорок других послал в другое место, и в руководители дал им монаха Исидора, человека полного кротости и Евангельской мудрости. На первый день к вечеру Феодор вместе с своими на коленях совершал вечернюю молитву, и Бог ему открыл, что четверо из общества Исидорова, впрочем хорошие монахи, работая вдали от других, занимались смехом и шутками. Молитва окончилась, он сделал духовное увещание и, наконец, сказал своим монахам, что считает нужным быть в монастыре в субботу. Двоих из своих монахов он послал к Исидору сказать ему, чтобы и он вместе с братиями, бывшими с ним, был там же.

Когда все пришли в Пабау, Феодор собрал их на то место, где предлагал им беседы, и сказал им так: «Вы знаете, братия, что жизнь монахов и дев, посвятивших себя на служение Богу, превышая обыкновенную жизнь людей, есть жизнь Ангельская. Люди, вступающие в монашеское звание, умирают для обыкновенной жизни человеческой, живут для Того, Кто умер за них и воскрес; отрекаются жить для самих себя и распинают себя со Христом. поскольку каждый из вас избрал таковую жизнь, оставил родителей своих и пришел сюда, то и должен уже жить, как жил Христос, и иметь Его образцом и руководителем на пути жизни, которой мы посвятили себя. Бог, чтобы ввести нас в Царство Свое, открыл нам два пути –

Святое Писание и пример жизни рабов своих, которою обыкновенно утверждается вера во Христа. Но некоторые из них, хорошо проходившие доселе поприще жизни своей, поколебались, если не пали совершенно на пути своем. Четыре брата, посланные вместе с другими на гору, будучи там в отдалении от них, начали разговаривать между собою о непристойных предметах, смеяться и хохотать так, что нужно, чтобы они очистили себя слезами и покаянием. Имели ли для всей братии какую-нибудь силу слова Пророка Иеремии: Господи Боже сил не седох в сонмище их играющих, но бояхся от лица руки Твоей: на едине седях, яко горести исполнихся (Иер.15:17). Почему вы не вспомнили слов Иова: Аще ходих с посмеятели, печаль ко мне приходит? (Иов.31:5). Неужели не знаете, что Бог для спасения рабов своих наказывает не только великие, но и малые грехи их? Разве вы не слышали, что сказал Соломон: яко же глас терния под котлом, тако смех безумных? (Еккл.7:7) и еще: смеху рекох: погрешение (Еккл.2:2), блага ярость паче смеха (Еккл.7:4)? Обратите внимание на себя и послушайте, что говорит Апостол: смех ваш да обратится в плач и радость в печаль (Иак.4:9). Опасайтесь, чтобы и к вам не относились строгие слова Спасителя: горе вам смеющимся ныне, яко восплачите и возрыдаете (Лк.6:25). Плачте и рыдайте лучше теперь в кратковременной жизни сей, чтобы против воли не плакать и не рыдать вам во всю вечность. Каждый из нас должен говорить Богу: яко аз на раны готов (Пс.37:18)».

Таково было спасительное наставление, которое Феодор дал сим четырем инокам, кои находились в толпе братий, но отделились от них, начали плакать и рыдать и пали ниц, признаваясь в своем грехе, и просили братию молить за них, что извлекло слезы у всего собрания, и сии четыре инока так исправились, что для всех живущих в монастыре служили образцом и примером в деле спасения⁴²⁴.

Не такова судьба была другого монаха, по имени Моисея, который заслужил, чтобы тело его предано было дьяволу за то, что он предал душу свою ему, своим упорством во грехе. Св. Феодор, пославший его вместе с другими братиями на один

остров Нила для сбиивания трав, кои солили на пищу братии, по истечении пяти дней послал сказать ему, чтобы он возвратился в монастырь. Он отвечал, что воротится вместе с другими, когда кончит свое дело, но его принудили повиноваться.

По возвращении он нашел Феодора плачущим, – при нем стояли Псенфаисий и Исидор. Феодор, посмотрев на него, сказал: «Для чего мне объявлено о смерти души твоей, а не тела, что было бы гораздо лучше? Сидя с тобою в келлии твоей, не говорил ли я тебе день и ночь, что душа твоя занимается худыми предметами и что порочные твои желания хуже всякого греха? Худые мысли многих погубили. Ты говорил мне тогда, что злые духи внушают тебе сии порочные мысли, а я тебе отвечал, что злым духам не позволено нападать на тебя, но что ты сам подкладываешь дрова под себя, сам даешь пищу нечистым духам и привлекаешь их к себе нечистыми мыслями. До чего наконец довела тебя худая жизнь твоя?»

Моисей, слепой и упорный в своей злобе, хотел снова извинить себя и прикрыть свой проступок; но Святой указал ему место и время, когда он охотно беседовал с мыслями, за кои он упрекал его; и когда тот ещё хотел отвечать, что это только было наваждением дьявола, в коем он не принимал участия, Феодор сказал ему: «Доселе злой дух не имел власти над тобою: теперь, поскольку ты принял в сердце свое худые мысли и сделался жилищем злых духов, напрасно живешь здесь в монастыре; мне приказано изгнать тебя отсюда». В то же время самое он приказал четырем молодым и сильным братиям вывести его вон из монастыря и проводить его до деревни, из коей он был родом; но едва только вышел он из монастыря, как им овладел дьявол; и он побежал в свое селение. Там четыре монаха связали его⁴²⁵.

Если Феодор имел случай оплакивать погибель сего инока, то Бог вознаградил его за сие уверением о спасении другого. Однажды Феодор был на вечернем собрании братии, лицо его вдруг просияло радостью, и он сказал им: «Объявляю вам, братия, о милости, какую Бог дал брату нашему Каруру, находящемуся в Птолемаиде. Бог сейчас освободил душу его от

тела и с великою славою вознес его на небо; потому что Карур старался строго следовать церковным догматам, сохранил чистоту тела своего и имел другие добродетели, а грехи свои он очистил различными болезнями, которым был подвержен». Восемь дней спустя пришли два брата из Птолемаидского монастыря и сказали, что Карур умер в тот самый день и час, когда сказал Освященный.

Угрожая вечным судом нераскаянным грешникам, Феодор всегда старался подкреплять веру в спасение у тех, которые слезами покаяния омывали свои грехи. В Ноябре месяце того же года Феодор с братиями отправился на остров Нила собирать дрова. Братии собралось до трех сот. Феодор, собравши всех, стал говорить: «Я теперь намерен сказать вам то, что Бог давно открыл мне и теперь повелел вам объявить: почти во всяком месте, где только проповедано имя Христово, были люди, которые, сделавши много грехов после святого крещения, плакали об них и приносили Богу искреннее раскаяние в них; и Бог прощал их, если они только твердо сохраняли Апостольскую веру. Итак, если кто из вас истинно оплакал грехи свои, тот должен быть уверен, что он получил от Бога прощение в них». Как бы в подтверждение истинности слов Феодора Феофил и Коприй прибыли в это время из Александрии с письмом от Великого Антония, в котором сей подвижник писал тоже, что «Истинно покланявшиеся Христу и сердечно оплакавшие грехи свои, сделанные ими после крещения, и искренно раскаявшиеся в них, опять приняты Богом и Он простил им грехи их, и всем подобным людям прощает грехи даже до сего дни». Феодор велел прочитать это письмо пред всею братиею.

Выслушавши письмо великого старца, братия пали на землю и так плакали пред Богом, что когда бывший с ними Священник кончил молитву, Феодор сказал: «Поверьте мне, что все небесные разумные твари возрадовались о сем плаче вашем. Бог принял молитву вашу и простил грехи некоторым монахам, которые теперь здесь так горько плакали»⁴²⁶.

Много опытов сверхъестественной прозорливости Феодора слышал Аммон от Авзония и Елуриона. Для нас замечательно и

назидательно суждение самого Феодора об откровениях.

«Велик дар видений, как дар Святого Духа; но велика должна быть при сем и осторожность. Да не мыслит о себе такой человек много, будучи сам ничто, и да не увлекается желанием владеть более даром видений, дабы все его благочестие и вера не обратились в дым и тень, что со многими случалось. Это говорю не тем только, которые не достигли высшей степени совершенства, но и тем, которые стоят на нем, дабы все мы о себе и своих делах думали смиленно и молились о том, чтобы избежать вечных мучений. Об этом молились Богу и самые святые, – Давид не говорит ли: сохрани душу мою и избави мя (Пс.24:20). Св. Павел не говорит ли также: и избавлен бых от уст львовых (2Тим.4:17)».

«Поистине мы имеем дело со врагом тонким и хитрым, который часто заблуждение и ложь прикрывает видом истины так, что, не имея особого дара различения, мы всегда в опасности обмануться. Но тот не будет прельщен, кто во всем без исключения повинуется Богу и его рабам. Наблюдая сие, братия, каждый да хранит данную ему меру благодати, пастырь ли он душ или овца. Но все будем молиться, дабы быть в числе овец. Ибо один только есть истинный Пастырь – это Тот, Кто сказал о Себе: Аз есмъ пастырь добрый. Но после того, как Господь Бог явился, после того как и Слово Божие приняло образ и подобие человека и по особой милости, чрез познание истинной веры поставило нас на путь спасения; потом восходя на небо поставило преемниками себе Апостолов, мы и теперь имеем нужду в пастырях, чтобы пастись в Господе. Знаем, что Апостолам в достоинстве отцов преемствовали Епископы. Те, которые в их голосе слышат голос Иисуса Христа, суть истинно сыны Божии, хотя бы не были из клира и не имели степеней Церковных».

Таким образом, сей святой человек, коего опытность в благодати видений и откровений не могла быть большею, научает нас судить о них только по сообразности с решениями Церкви и суждение Епископов, назначенных для наставления, предпочитать всем частным откровениям.

Аммон прожил при Феодоре около трех лет⁴²⁷. Узнав, что отец искал его по разным монастырям и уже считал умершим, что мать была безутешна, не имея возможности узнать, куда он девался; он просил св. Феодора дать ему двоих иноков, с коими бы мог сходить утешить её и возвратиться потом в монастырь. Но Феодор сказал ему: «А мать твоя приняла Христианскую веру? Ты должен отсюда переселиться в страну, которая ближе к месту твоего рождения. Посему я советую тебе поселиться в горе Нитрийской, там много святых и Богоугодных мужей». Со слезами простился Аммон с Феодором, поручая себя молитвам Освященного. Посетив своих родителей, он удалился в Нитрийскую гору.

Спустя шесть месяцев после удаления Амона в Нитрию начало исполняться все, что св. Феодор предсказал о гонении Ариан, Иулиане отступнике, о возвышении Иовиана, давшего мир Церкви. Аммон вспомнил предсказания Феодора и утешал пустынников предсказанием о прекращении бедствий Церкви. Почти в то же время сам Феодор прислал к Нитрийским монахам письмо, в котором утешал подвижников предсказанием о прекращении гонения.

«Утешайте, братия, писал он инокам, тех, которые в вашей стране терпят гонение от Ариан, чтобы не ослабела вера их. Ибо грехи Ариан не достигли ещё полноты своей». Это письмо, прочитанное в субботу в общем собрании иноков, было для них радостною вестью⁴²⁸.

Между тем как еретики напрягали все усилия к тому, чтобы сузить, так сказать, пределы Царства Иисуса Христова в душах, распространяя свои заблуждения, св. Феодор старался расширить их, умножая число монастырей, где служили Богу с такою же верностью, с каким неверием нечестивые оскорбляли Его.

В жизни Св. Пахомия мы видели, что он основал девять монастырей, Феодор прибавил к ним десятый в первый же год, как сделался Аввою, при Птолемаиде в верхней Фиваиде, весьма недалеко от Пабау. Он основал ещё три, из коих два, именуемые Каис и Оби, по совету Орсисия, основаны были недалеко от великого Ермиполя, на северном пределе нижней

Фиваиды, и третий при Ермутисе или между Латополем и Фивами в верхней Фиваиде. И наконец, он основал женский монастырь в Беаре, на расстоянии от Пабау в полумиле; это был другой женский монастырь в сем обществе⁴²⁹.

Он посещал сии монастыри (около 361 года), и находился подле Каиса, когда встретил на Ниле военачальника Артемия, имевшего от Императора повеление найти св. Афанасия и задержать его; он направлялся в Пабау, думая, что Афанасий скрылся между монахами Тавенскими, поскольку всем известно было, что он весьма любил их. Артемий думал найти Афанасия в главном монастыре Тавенском Пабау. Приплыв к нему рекою, окружил его воинами, допросил иноков, обыскал монастырь и ничего не нашел. Иноки пришли было в сильное смущение, но Пезукий успокоил их. Безрепетно они называли Афанасия святого своим отцем достоуважаемым. По заповеди своего отца Феодора они отказались молиться с Артемием; потому что он имеет общение с Арианами, и Артемий один молился в храме. Во время гонения Иулиана на св. Афанасия, он удалился к инокам в верхний Египет. Для них ничего не стоило и потерпеть за своего Архипастыря какие бы то ни было страдания: они считали это гораздо богоугоднее и выше продолжительных постов, возлежания на голой земле и других подвигов самоумерщвления. Святой Афанасий прибыл в Антиной к Авве Пиаммону. Сюда явился к нему и Феодор Освященный, имевший на противоположном берегу Нила близ Гермополя монастырь. Святой Афанасий хотел плыть далее. Феодор дал ему крытую лодку и иноков для управления, и вместе с Пиаммоном старался утешить его. «Поверьте, – говорил Святой Афанасий спутникам своим, – мое сердце не бывает столько полно упования во дни мира, сколько во время гонения. Ибо я уверен, что страдая за Христа, и укрепляемый Его благодатью, если и буду умерщвлен, обрету ещё большую милость у Него». Но на этот раз прозорливые старцы могли возвестить нечто более обыкновенных утешений. В одно время оба они получили откровение. «В настоящий час Иулиан пал в Персии», – сказал Феодор. И вместе предрек, что преемник его будет Христианин, но не долго будет царствовать и потому

советовал святому Афанасию тайно поспешить ко двору нового государя: «Ты встретишь его на пути, прибавил Феодор, будешь принят им с любовью и возвратишься в свою Церковь»⁴³⁰.

Несколько времени спустя после того, как Св. Феодор предсказал сие Афанасию, между монахами распространилась смертность, и не было ни одного дня, чтобы не умирал один или двое из них⁴³¹. Так как имели обыкновение погребать их в горе, а Нил тогда начал наводняться и воды его не были ещё высоки для того, чтобы плавать на судне, то затруднялись, как перенести первого умершего, и спрашивали о том Святого. Он отвечал им, что Бог призрит на их веру и остановит течение зла; как он предсказал, так и случилось, ни один из монахов не умер в продолжение наводнения.

Столь многие опыты прозорливости св. Феодора могли подать повод думать об нем очень высоко. Чтобы избежать сей славы, он нередко говорил об искушениях, которым подвергался, прибавляя, что боится пасть в них и быть отверженным от Бога, будучи постоянно обеспокоиваем врагом спасения, который не дает ему ни одной минуты отдыха. «Если видим, говорил он, что пали Ангелы; если видим падения между Пророками и Апостолами, учениками Св. Павла, как нам не бояться того же?»

Продолжая далее свою беседу, он говорил им об опасностях сей жизни, о страхе и осмотрительности, с какою мы должны вести её. «Представьте, говорил он, гору, поднявшуюся до облаков, простирающуюся от востока до запада; на сей горе вообразите одну дорожку в четыре фута ширины, с одной стороны её возвышаются скалы, а с другой находятся пропасти. Подумайте, что человек, возрожденный в крещении, принявший звание иноческое, вооруженный знамением креста, идет по сему пути к востоку. Он безопасен, когда рассматривает, как тесен путь и как обрывисты бездны; если же удалится от прямого пути, подвергается опасности погибнуть».

«Пропасть налево – это нечистые пожелания плоти, утесы направо – это гордость человеческая. Но кто заботливо, со страхом Божиим твердыми шагами идет к востоку, тот, достигнув конца пути, узрит Спасителя мира, сидящего на

высоком престоле, окруженного со всех сторон многими легионами Ангелов, и получит неувядаемые венцы, уготованные тем, кои прямо прошли по пути».

«Но скажут, поэтому, если человеку случится однажды пасть в грех, то он совершенно погиб, и нет уже для него места покаянию? На это скажу в ответ, что не может быть, чтобы Господь допустил совершенно погибнуть человеку, истинно кающемуся, если он постоянно пребывает в истинном исповедании веры и соблюдении Божественных заповедей, хотя бы и несколько ослабел в первоначальной своей ревности. Ибо писано: мои же в мале не подвижастесь нозе (Пс.72:2). Побуждаемый болезнями, скорбями или самым стыдом греха, такой человек при помощи Божией возвращается на средину тесного пути, пока не научится проходить его непреткновенною стопою. Если и после сего кто падает с пути, уподобляет себя Иуде предателю, который, будучи свидетелем стольких чудес и участником высоких даров, пренебрег благодеяниями Божиими и низвергнулся в вечную погибель. Напротив, люди, проводящие право жизнь, хотя по человеческой немощи иногда и забывают нужное для спасения, но очищаясь искушениями, как золото огнем, мало-помалу истребляют в себе порочные наклонности».

Феодор в своей беседе указал и на средство, как истреблять в себе худые наклонности и приобретать противоположные им добродетели. «Если человек хочет, например, освободиться от гнева, то слыша насмешки, пусть говорит к душе своей: вот я приобрел серебренник в свою пользу; если нанесут обиду, пусть считает её высшим приобретением, тогда он не будет гневаться. Если он приучит себя так переносить обиды, то сладким для него покажется и поношение. Ибо заповеди Божии истинно вожделенны паче злата и камени честна и сладши паче меда и сата. И если мало их желаем мы или мало об них заботимся, то причиной наше помышление, устремленное к плоти и чувствам». Далее Феодор указал на пример мучеников, которые не только мужественно терпели страдания, но и молились за своих мучителей. Свою

беседу он заключил следующими словами, способными воодушевить всякого к терпению.

«Но скажи мне, человек, что ты сделал равного тому наследству, какое уготовал тебе Бог? Потерпел ли ты гонение или смерть за имя Иисус Христово? Не достаточно ли был бы ты награжден одною людскою похвалою, если награда должна быть соразмерна с делом? Ибо кто не воздает похвалы тем, кои верно служили Богу, и особенно святым мученикам? Истинно велика и бесконечна благость Божия. Бог поступает в отношении к тебе так же, как человек, который сказал бы: принесите мне глиняные сосуды, которые вы имеете, предоставьте мне свободу распоряжаться ими, и разбить, если захочу я; вместо их я дам вам сосуды золотые, украшенные драгоценными камнями. Но верно сбывается над нами слово Писания: человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным (Пс.48:13)».

После того, как дал он сии дивные наставления своим монахам, он взял с собою более уважаемых в братстве и имеющих лучший голос в пении и пошел навстречу святому Афанасию, который, пользуясь миром Церкви, посещал Египет и в то время по Нилу плыл в Фиваиду. Он встретил его повыше округа Ермопольского. По обоим берегам реки было безчисленное множество народа, среди коего находились Епископы, великое число клириков и множество иноков, кои стеклись туда из всех соседних мест⁴³².

Святой Афанасий, увидав Феодора с иноками, сказал словами Пророка: кии суть, иже яко облацы летят и яко голуби со птенцами ко мне? (Ис.60:8). Он с любовью приветствовал Феодора и с отеческим участием спрашивал о состоянии его обителей. Святой Афанасий, выйдя на берег, сел на осла, которого святой Феодор, взяв за узду, провел через толпу народа, шедшего с горящими факелами, при пении иноками псалмов и священных песней. Афанасий, видя смирение Феодора и ту радость, с какою он совершал свое дело, сказал окружающим слова, свидетельствующие о смирении как Феодора, так и самого Афанасия. «Смотрите, с какою ревностью идет впереди нас сей начальник множества иноков.

Вот истинные отцы, более заслуживающие носить сие имя, чем мы, по своему смирению и покорности ради любви Божией. Как блаженны и достойны уважения те, кои постоянно носят крест своего Спасителя, славу свою полагают в унижении, покой в труде до тех пор, пока воспримут венец из рук их Владыки».

Посетив города Антиой и Ермиполь, Афанасий пришел в монастыри Коис и Оби, основанные Феодором, бывшие недалеко оттуда. Снова с истинною радостью сердца видел он, как искренна и достоуважительна любовь братии, с какою они приняли его, и прославил за сие Господа. Он хотел видеть Церковь, трапезную, келлии и вообще все, находящееся в монастыре, и все это нашел в столь хорошем положении, что сказал святому Авве: «Феодор! ты делаешь поистине великое дело, так наставляя души. Я слышал, что с похвалою говорили о твоем монастырском уставе, и нахожу, что он совершен. Кажется, ты наследовал благодать блаженного отца своего Пахомия, и видя тебя верю, что вижу в тебе истинного раба Иисуса Христа».

Приближался праздник Пасхи, Феодор, по обыкновению братства, должен был праздновать его в Пабау вместе с братиями. Святой Афанасий, знаяший о сем, не хотел удерживать его более и дал ему письмо к Орсисио и другим братиям. В сем письме он выражал радость, что видел Феодора и иноков, живших под его руководством, и видел в нем блаженного Пахомия. Феодор, прощаясь с ним, просил вспомнить о нем, и Святой Патриарх отвечал сими словами Псалма: аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя, прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе (Пс.136:6–7). Между тем Феодор в полное распоряжение Архиепископа предоставил судно с монахами, кои должны сопровождать его.

Письмо Святого Афанасия доставило Орсисио великое утешение среди скорби, какую причиняло ему нерадивое поведение некоторых братий. Ибо хотя в братстве много было ревностных иноков, тем не менее было в нем много и таких, для коих забота о вещах временных была ещё камнем преткновения, и эта забота уменьшала в них попечение о

духовном. Об них скорбел Орсисий. Святой Феодор, вызвав из монастыря Монхоза в Пабау, старался утешить его, но и сам глубоко скорбел. Он у Господа просил указания средства к исцелению сего недуга. Он постился весьма строго, носил власяницу и проливал горячие слезы, часто также удалялся от братий на гору, где была могила Святого Пахомия и других братьев, и там-то с большою ревностью изливал сердце пред Богом, дабы привлечь Его благословение на свои попечения, и особенно просил о перемене тех иноков, коих нерадение было причиной стольких скорбей для него.

Однажды один из братии, любопытствуя знать, зачем он ходит на гору, последовал за ним издалека и увидел, что он взошел на могилу святого Пахомия, и, Приблизясь более, услышал, как он молился так: «Господи Боже отца нашего Пахомия, на могиле коего нахожусь я теперь, накажи меня, если хочешь; ибо мера нашего нерадения исполнилась, и нет среди нас живущих право. Но, Господи, не оставь твоих рабов, и хотя мы леностно служим тебе, но возбуди нас живым страхом вечных мук и даруй нам бодрственно идти твоим благим и спасительным путем. Ибо ты, Господи, создал нас и не пощадил единородного Сына Твоего, но предал его на смерть для спасения всех»⁴³³.

Но близко было уже совершенное освобождение Феодора от всех скорбей и забот. По возвращении в монастырь, в великую субботу вечером, закрыв глаза одному из своих иноков Герону, он сказал присутствовавшим, что за этою смертью последует другая, которой они не ожидали.

Наутро в праздник Пасхи были похороны Герона; после праздника Святой Феодор говорил поучение братиям, собравшимся из всех монастырей на праздник, и с особою силою увещевал их в добродетели, чувствуя, что в последний раз дает им свои наставления; затем он начал чувствовать припадки болезни, от коей и умер⁴³⁴.

Орсисий, присутствовавший при его болезни, с крайнею горестью видел, что не остается иной надежды, кроме молитвы. Он собрал всех иноков в Церковь молиться за него, и просил Господа, чтобы он лучше взял из мира его самого, чем Феодора;

но Бог уже услышал желания сего последнего, и он приближался к кончине. Прежде смерти при всех он спросил Орсисия, не оскорбил ли его чем-нибудь. Орсисий не мог говорить, потому что слезы и рыдания препятствовали ему говорить; и святой Авва прибавил: «Моя совесть не упрекает меня, чтобы я чем-либо оскорбил тебя, или кого-либо из братий, и Бог видит, что, сколько возможно было, я не был нерадив ни о своем спасении, ни о спасении других. Но это было делом одного милосердия Божия». Окончив сии слова, он испустил дух. Это было 27 апреля 367 или 368 г. на 53 году его жизни⁴³⁵.

С слезами и воплями иноки окружали смертный одр Феодора и долго не могли успокоиться при мысли о лишении своего отца. Многие упрекали себя в том, что своим нерадением о спасении они заставили его молить Бога о том, чтобы он взял его от мира сего. Феодора похоронили на горе вместе с другими иноками; но когда сошли в долину, старец Нафарс, занимавший второе место в Пабау, возвратился на нее вместе с некоторыми из братий и перенес его тело к могиле Святого Пахомия⁴³⁶.

Заключим жизнь Святого Феодора словами Святого Афанасия, который после смерти его писал к Орсисию⁴³⁷. «Афанасий Авве Орсисию, отцу монахов, и всем тем, кои с ним держат исповедание истинной веры и жизни пустынножительской, возлюбленным братиям, спасение о Господе».

«Без крайней печали не мог я слышать о смерти блаженного Феодора, зная, как он был вам полезен и даже необходим. Если бы умер не Феодор, я имел бы нужду предложить вам долгое размышление и смешать мои слезы с вашими для вашего утешения, помышляя, как должно страшиться суда Божия, оставляя сию жизнь; но когда нужно говорить о Феодоре, которого вы знаете и которого я знаю сам так хорошо, что ничего не могу более сказать, разве только то, что блажен, который не ходил по пути грешных! В самом деле, если мы называем блаженным того, кто боится Бога, как не назвать таким того, коего спасение несомненно? О если бы некогда и мы были участниками в его блаженстве! О если бы и мы

окончили свое течение так, как он окончил его! О если бы и мы, ещё плавающие по житейскому морю, так же благополучно привели свое судно в блаженную пристань, где соединяясь с нашими отцами могли бы сказать вместе с ними: вот покой, который я избрал и где буду обитать вечно!»

«Посему, возлюбленные братия мои, не плачьте о смерти Феодора. Никто при мысли о нем да не проливает слез. Позаботимся лучше подражать его добродетелям. Совсем не должно печалиться об участи того, кто счастливо достиг убежища, избежав всех скорбей: сие вообще заповедаю вам».

«А тебя, Орсисий возлюбленный, прошу принять на себя всю заботу и попечение о братии вместо почившего мирно Феодора. Вспоминай то, что когда он жил, вы действовали в согласии и в тесном единении, когда одного не было, другой восполнял его отсутствие. Живя вместе, вы как бы одними устами говорили возлюбленным своим о спасении. Делай и теперь то же, и уведомляй меня, в каком состоянии будешь находиться ты и твои монахи. Моли Господа, чтобы Он подал Церкви своей продолжительный мир. Теперь же мы имеем утешение праздновать праздник Пасхи и пятидесятницы в спокойствии, что доставляет нам немалую радость. Приветствуй от нас всех, кои имеют истинный страх Господень. Находящиеся со мною приветствуют тебя. Желаю, чтобы Господь сохранил вас невредимыми, возлюбленная братия»⁴³⁸.

С смертью Феодора Орсисий опять остался один править монастырями Тавенскими. В Феодоре он лишился лучшего для себя помощника в управлении братией. Он так скорбел об этой потере, что желал сам умереть вместе с ним.

«Вот Господи, так взвывал он в слезной молитве, простервшись на земле, Ты взял от нас нашего отца, которому дал прекрасную способность утешать сердца, возмущаемые различными искушениями. Кому теперь до-веришь ты попечение о наших душах? Возьми меня лучше из сего мира и даруй братиям того, кто более меня способен руководить их к совершенству».

Он ещё долгое время управлял всем обществом в счастливой тишине. Господь в подкрепление даровал ему

новую силу и большую способность разуметь Писание. Дошло до нас одно сочинение Орсисия, состоящее из собрания изречений Священного Писания с изъяснением их и приложением к жизни иноческой⁴³⁹.

В этом сочинении Орсисий сначала предостерегает иноков, чтобы они за их неверность не были лишены небесного отечества и не были преданы жестокому рабству дьявола, как Израильтяне за свои грехи были изгнаны из своей страны и отведены пленными в чужую землю. Потом внушает, что иноки должны помышлять, что Бог, хотя не всегда наказывает за грех, в то время, когда совершают его, но тем строже грешники будут наказаны после смерти.

«Поэтому, – продолжает Орсисий, – разсмотрим, каковы пути, по которым мы идем. Изследуем внимательно наши поступки, дабы видеть, правы ли они. Не будем предаваться гибельному нерадению. С мужеством и терпением предпримем труды покаяния и исполнения добродетелей иноческих и будем стараться идти по следам Святых, и особенно Господа Иисуса Христа, нашего Начальника и Вождя, пребывая постоянно в том святом звании, в какое мы вступили».

Он обращается потом к начальникам монастырей и дает им превосходные наставления, как руководить души, вверенные им. Он хочет, чтобы они сами и их монахи постоянно ожидали пришествия Спасителя и были всегда готовы к борьбе, как воины под оружием. «Начальники не должны, – пишет он, – так сильно прилепляться к временному, чтобы оставлять в нерадении духовное, или столько предаваться духовному, чтобы своих подчиненных заставлять терпеть нужду во временном. Они должны предусматривать их нужды, как душевные, так и телесные, из опасения, как бы не подать инокам повода впасть в разслабление».

«Начальники не должны смотреть на подчиненных им иноков, как на рабов, но скорее, как на своих братьев и своих учеников, с которыми они разделяют скорби и утешения. Они не должны воображать, что исполнили уже все заповеди Божии, заботясь только о своем спасении, а не устрояя спасения подчиненных, потому что они подвергаются праведному

осуждению, которое один Пророк сделал пастырям Израильским, довольствовавшимся тем, чтобы напитать самих себя, не думая о прокормлении их стада. Нужно, чтобы они так внимательно бодрствовали над душами, чтобы не оставить без вразумления ни одной из них; они должны непрестанно наставлять её, учить, увещевать, воодушевлять и подавать ей добрый пример».

«Начальники не должны любить одних и удаляться от других потому, что они могут полюбить того, кто менее приятен Богу, и возненавидеть другого, кого любит Бог». Это правило Орсисий почитал столь важным для начальников, что возвращается к нему не раз, дабы глубже напечатлеть его в памяти. «Я буду говорить о сем часто, – присовокупляет он, – и не престану повторять сие. Не нужно любить одних и ненавидеть других; о тех иметь попечение, о сих нерадеть. Вы погубите мзду ваших трудов; и тогда, когда будете надеяться достигнуть пристани спасения, вы потерпите гибельное кораблекрушение за свою несправедливость; потому что великий Судья, не имеющий ни к кому лицеприятия, в день суда поступит с вами так же, как вы поступали с вашими братиями».

Привязанность, которую начальники имеют к кому-нибудь из своих подчиненных, не должна простираться до того, чтобы прикрывать их недостатки, и нерасположение не должно побуждать их делать вред кому-нибудь. Если какой-нибудь подчиненный будет нерадив, не будет следовать внушениям их, они не должны говорить в своем сердце: пусть он идет своим путем, его вина – если он погибнет, – это язык ненависти и гнева. Они должны быть более тронуты греховным состоянием своего брата, нежели обидою, которую получили от него.

Начальники должны вести себя во всем так, чтобы всегда иметь в виду тот день, когда мы явимся пред судилище Иисуса Христа, и размышлять, что если страшно отдать там отчет и за себя самого, то им нужно еще более бояться, поскольку они обязаны отвечать и за других. Пусть не думают, что там забудут о каком-либо из их действий. Там не будет недостатка в свидетелях, они будут иметь своими судьями не только закон и пророков, но и отца нашего Пахомия. «Итак, – говорит Орсисий,

— вы управляющие монастырями должны постоянно заботиться о пользе братии в правоте и страхе Господнем. Не злоупотребляйте из гордости своею властью, но с кротостью будьте образцами для других, как делал сие наш Спаситель и Святой Павел, коего попечение простиравось на всех, который сам плакал с скорбящими и применялся к нуждам каждого в особенности».

«Остерегайтесь еще, — продолжал он, — чтобы никто из вверенных вам не соблазнился вами и не пал ради ваших грехов. Не презирайте ничьей души из опасения, чтобы она не погибла ради вашего невнимания, что не преставал нам заповедать святой отец наш Пахомий».

«Начальники различных общин должны быть всегда готовы отвечать на различные вопросы, которые предложат им монахи касательно спасения души своей. Нужно, чтобы они учили тех, кои имеют в том нужду, помогали малодушным, укрепляли слабых, поступали в отношении ко всем с кротостью и терпением и были внимательны к сему наставлению Апостола: отцы не раздражайте чад своих, но воспитывайте их в наказании и учении Господнем (Еф.6:4), зная, что более взыщется с того, кому более дано и кому доверены более важные предметы (Кол.3). Кроме того, они должны обращать внимание не на то, что им прилично, но на то, что полезно их братиям. Если случится какое-либо зло в общинах по нерадению начальников, сии должны думать, что не одни подчиненные, но и они сами виновны пред Богом, потому что по недостатку их бдительности содеян грех; и о сем-то наш блаженный отец обыкновенно напоминал нам так часто».

Помощники в каждой общине должны стараться быть смиренными и искренними и точно следовать правилам старцев. Они должны сообразоваться с общею жизнью и бодрствовать над соблюдением всего, дабы спасти свою душу.

После того, как Орсисий показал начальникам, каковы их обязанности, он обращает слово свое к монахам простым и с силою многими местами Писания убеждает их трудиться над своим спасением. «Будьте, — говорит он, — как верные рабы, которые ожидают своего господина, имея чресла

препоясанными и светильники в руках. Продолжительность труда да не утомляет вас, когда вы станете помышлять, что некогда введены будете на праздник небесный. Служите Господу с радостью, будьте покорны своим начальникам; удаляйтесь ропота и суетных разсуждений; занимайтесь своими обязанностями с простотою, дабы украшенные добродетелями и страхом Божиим вы соделались достойными усыновления, которым Бог почтил вас».

«Помните, что вы храм Божий. Он погубит вас, если вы имеете несчастие оскорбить Его. Не опечаливайте Духа Святого в себе; живите в великой чистоте, дабы можно было сказать о вас, что вы сад заключенный и источник запечатленный. Отказывайтесь от всех суетных удовольствий земных и старайтесь о том только, чтобы исполнять волю Господа».

Потом Орсисий представляет им превосходство и выгоды их призвания и сильные средства, какие они имеют к тому, чтобы всецело быть в Боге. «Подумайте, – говорит он, – какова благодать, которую Бог чрез святого отиа нашего Пахомия дал нам, дабы отречься от мира и всех попечений мірских. Какой повод и какой предлог представим мы к тому, чтобы занимать дух наш заботами временными? Мы имеем начальников, которые заботятся о нас, которые пекутся о нашем содержании, о нашей одежде и пище, как во время болезни, так во время и здоровья. Но будучи облегчены от всего тяжкого ига, остережемся наложить его на нас снова своим желанием иметь какие-либо вещи или страхом потерять их. Это значило бы возвратиться на свою блевотину».

«Зачем, на самом деле, иметь нам излишнюю одежду, пищу более изысканную, ложе спокойное, когда мы должны заботиться о единообразии с братиями и когда нет ничего лучше креста Христова?».

«Вспомним, что посредством законов, которые дали нам отцы наши, они утвердили нас на непоколебимых основаниях Апостолов и Пророков, на учении Евангельском, и особенно на краеугольном камне, который есть Иисус Христос. Последуя сему божественному Учителю, мы от гордости, причиняющей смерть, перешли к смирению, руководствуемому к жизни;

оставили богатства, чтобы прилепиться к нищете, переменили опасные удовольствия на жизнь воздержную и самоумерщвленную».

«Умоляю вас, – говорил он также, – постоянно сохранять себя в той решимости, какую вы приняли, вступая в звание иноческое. Смотрите на устав отца нашего, как на таинственную лестницу восхождения на небо. Не желайте того, что вы попрали ногами. Довольствуйтесь необходимым для нужд вашей жизни и не ищите излишнего. Два левитона, малая мантия, два наглавника, пояс, милоть, жезл для тех, кои находятся в должностях внешних, – вот все нужное: вам должно осторегаться желания владеть какою-либо из сих вещей, как собственностью; ибо это великое преступление и даже святотатство».

«Добрые иноки со смирением и самоумерщвлением, подвергшиеся игу иноческой нищеты, – сей блаженной нищеты, которая обогащает их, убожа временно; сии добрые иноки, покидая ветхое облачение – тело, получат счастье быть причисленными к Патриархам, Пророкам и Апостолам и успокоятся, как Лазарь в лоне Авраама; но о тех, кои осмелятся присвоить себе в монастырях то, что служит к общему употреблению всех братий, скажут по выходе из сего мира, как и о богатом Евангельском, что они обладали благами в сей жизни; тогда как их братия жили в труде, посте, самоумерщвлении и отречении от всего; посему справедливо, чтобы сии наслаждались блаженством в вечности, поскольку для него они отреклись от выгод земных: но те, кои не хотели сообразоваться с Евангелием, заслуживают только мучения и страшные скорби ада».

Орсисий дает из сего видеть, как он заботился о сохранении нищеты иноческой; её внушает он всего более. Он советует не беречь ничего бесполезного; но только то, что позволено уставом – и самое необходимое. Он говорит, что если кто-нибудь присваивает себе какую-либо утварь и бережет её у себя, или дает на сбережение другому брату, тогда виновны и тот и другой, и их нужно почитать не в числе братьев, но более

в числе мздоимцев, людей посторонних, соблазнителей и разрушителей благочиния иноческого.

Он присовокупляет, что если кто-нибудь, приходя из мира, дабы вступить в общество, захочет сохранить что-либо из того, чем он владел в мире, и не оставит того до смерти, даже в угоджение братиям; он был бы не смыслен, обольщен дьяволом; и с его стороны было бы сумасбродством желать быть монахом и в то же самое время пользоваться сбереженным. «Посему, — говорит он, — отречемся от мира, чтобы как люди совершенные могли следовать за Иисусом Христом, образцом совершенства. Те, кои допускают овладеть собою любостяжанию, смотрят на нищету Иисуса Христа, как на безумие; но в сем они последуют гнусной страсти жадных Фарисеев, которые с насмешками слушали проповедь об отречении от благ земных».

«Монахи, — говорит он еще, — по заботливости начальников общин не имея недостатка ни в какой вещи, какую только дозволяет употреблять устав, ничего не должны принимать от своих родителей и друзей, даже левитона, или малой мантии. Если бы случилось, что у кого-либо из них недостает чего-либо, чем устав велит снабжать их, то в сем виноват будет настоятель обчины и должен подвергнуться наказанию».

Вот более замечательные наставления в аскетическом сочинении Орсисия. Остальное есть увещание к любви, самоумерщвлению, подражанию Святым отцам и соблюдению правил Святого Пахомия, на которого он указывал часто.

Хотя он весьма заповедует любовь и единение, но не одобряет тех человеческих, естественных дружеств, кои противны общей любви и образуют частные привязанности. Особенно он возстает против того, чтобы в то время, когда начальник делает выговор одному, другой под предлогом дружбы или любви осмелился принимать на себя защиту его и брать его сторону против начальника. «Ибо, говорит он, — того воздвигают, а ты повержаешь его на землю. Его возвращают от заблуждения, а ты заставляешь его блуждать еще более. Горе тебе, таким образом ослабляющему своего брата, поднося ему питье, которое возмущает его ум. Горе тебе, который

совращаешь слепца с пути. Ты внушаешь горделивую независимость тому, кто был покорен; ты наполняешь его сердце горечью, тогда как он вкушает сладость любви; ты возмущаешь его, когда он покорен уставу, ты раздражаешь против того, кто имеет целью только наставление в заповедях Божиих!»

Так оканчивает свое наставление старец Орсисий, как видно уже близкий к смерти: «Вот последнее слово мое, возлюбленные чада мои. С тех пор как Господь возложил на меня заботу о вашем поведении, я не преставал давать наставления каждому из вас в особенности и со слезами увещевать быть угодными Богу. Меня нельзя упрекнуть в том, чтобы я скрыл от вас что-либо из того, что почитал полезным для спасения вашей души. Теперь я препоручаю вас Господу и желаю, чтобы благодать укрепляла вас и научала достигнуть небесного наследия. Будьте бодрственны, трудитесь с ревностью; не теряйте никогда из виду цели, предположенной вами, и выполняйте в точности обеты, которые вы дали».

«Что касается до меня, я чувствую, что отхожу и что время моего разлучения с вами приближается. Я подвигом добрым подвигался; течение скончал, веру соблюл. Остается получить венец правды, который Бог, как Праведный Судья, соблюдает для меня в день оный, а также и для всех тех, кои возлюбили правду и соблюдают заповеди нашего отца. Окончу сими словами, кои заключают в себе все, что только я могу сказать вам: Бога бойтесь; храните заповеди Его; ибо на Суде своем Он испытает все дела людей и добрые и злые».

Судьба Тавеннских обителей после смерти Орсисия мало известна. Но есть свидетельство о том, что жизнь иноческая до половины пятого века была в цветущем состоянии. Петроний, посещавший Египетские монастыри ещё в конце четвертого века, рассказывает, что он видел в Фиваиде Амона, отца около трех тысяч монахов Тавеннских. «Они, — продолжает Петроний, — соблюдали великий устав Пахомиев, носили милоти, пищу принимали с лицом покрытым, опустив глаза вниз, чтобы не видеть, как ест близисидящий брат; и все хранили такое строгое молчание, что казалось находящимся в пустыне. За трапезой они,

вернее сказать, только касались пищи, а не принимали её, так что и за столом были, и пост соблюдали. А это большее воздержание – не есть тогда, как пред глазами и в руках пища». Здесь же Петроний удивлялся кротости старца Вина. Он никогда не божился, не лгал, никто не видел его гневным, никто не слыхал от него праздного слова, жизнь его проходила в великом безмолвии, нравом был тих, смирение его было безпредельное, он считал себя пред всеми за ничто. После долгой просьбы, чтобы он сказал что-нибудь в назидание, он едва сказал несколько слов о кротости. За сие Бог прославил его даром чудотворений⁴⁴⁰.

Палладий, несколько лет спустя после Петрония посещавший Египет, пишет, что главный монастырь имеет около тысячи трехсот человек. В других живет по двести и по триста человек. Между монахами Пахомиева монастыря об Афонии своем друге, экономе монастырском, пишет Палладий: «Его, как недоступного соблазнам, обыкновенно посыпают в Александрию по монастырским нуждам, как-то – для продажи рукоделий и для покупки припасов». Палладий описывает Тавеннский монастырь в Панесе. «В нем было, – пишет он, – триста человек братии. Здесь занимаются всяким ремеслом и остатки от вырученного употребляют на содержание женских монастырей и на подаяния в темницы. Вставши рано утром, все принимаются за свои ежедневные работы; одни трудятся в поварне, другие готовят трапезу. Ставят столы, раскладывают по столам хлеб. За стол приходят не в одно время, каждый разряд знает свой час. Занятия их состоят вот в чем: один возделывает землю, другой работает в саду, кто на кузнице, на мельнице, на кожевне, иные идут в мастерскую плотничать, иные валяют сукна, другие плетут корзины и все заработою читают наизусть Св. Писание»⁴⁴¹.

Кассиан, бывший в Египте в первой половине пятого века, также с отличною похвалою отзыается о Тавенских монастырях.

«Тавенские монахи, – пишет он, – имеют в Фиваиде многочисленное и строгое общежитие. В нем один Авва управляет более, нежели пятью тысячами братий, кои всегда

так послушны старцу, что у нас так покоряться не могут и на краткое время». Он говорит о постоянном их пребывании в монастыре, о смирении и покорности и о тех правилах, коими они образуются так, что до преклонной старости остаются в общежитии. «И если достигают они, — замечает Кассиан, — высших степеней совершенства, то это потому, что такое имеют постоянство с самого начала отречения, какого никто в наших монастырях и в продолжение года не сохранял».

«Что касается до послушания, то младшие без ведома и позволения старца не только не дерзают выходить из келлий, но и не смеют самопроизвольно удовлетворять общей нужды. Поэтому все, что приказывает старец, они без замедления и прекословия исполняют, как божеское повеление, так что иногда без сомнения принимаются за исполнение невозможных приказаний».

«Не буду я говорить о том трудном и высоком воздержании, которого мы не можем сохранить ни по климату, ни по нашей немощи; ибо они считают величайшим наслаждением, если на трапезе братии предложена вареная капуста дикая, приправленная солью; но скажу о том, сохранению чего не может нам воспрепятствовать ни немощь плоти, ни климат. Так, когда, сидя в своих кельях за рукоделием или размышлением, они слышат призыв на молитву или к какому делу; то каждый тотчас выходит из своей кельи, так что занимавшийся письмом бросает писать на том месте, где застанет призыв, не смея даже докончить начатой буквы; потому что они не столько пекутся о совершении дела и своей пользы, сколько о том, чтобы доказать свое послушание, которое они предпочитают не только рукоделию, чтению, молчанию, покою, но даже всем добродетелям, так что они готовы претерпеть все невзгоды для того, чтобы не оказаться преслушными».

«Они живут в такой скудости, что кроме левитона, небольшой епанечки, сандалий, милоти и рогожи ничего не имеют. Тавенские монахи так молчаливы, что когда братия сидят за столом, то, кроме старца, начальствующего над десятью, никто не смеет слова вымолвить; но и тот, если что нужно подать на стол или взять со стола, дает знать более

стучанием, нежели голосом; они почитают святотатством не только вкушать, но и дотрагиваться до того, что не предлагается всем открыто и не приготовляется экономом чрез братий же». Кассиан рассказывает о пресвитере Пинуфии, подвизавшемся в Тавенских монастырях. Будучи Аввою одного Фиваидского монастыря, он, желая избежать славы человеческой, решился удалиться в общежитие Тавенское, зная, что и по обширности страны, и по множеству братий он легко мог тут остаться неузнанным. Его долго не впускали в монастырь, думая, что по глубокой старости он не может переменить привычек, которые приобрел живя в мире. И когда приняли его, то как неспособного к тяжким работам приставили к саду и отдали под надзор одному из младших братьев. Он с радостью упражнялся в вожделенном смирении и повиновался своему приставнику с такою ревностью, что не только усердно смотрел за садом, но еще делал все дела, за которые другие или боялись или стыдились приняться, почему весьма многое делал тайно ночью, так что не знали, кто это делал. Три года провел он в неизвестности, в смиренных трудах, пока один из его иноков не признал в нем своего Авву. Тогда Пинуфий плакал, что по зависти дьявола лишился возможности упражняться в смирении и окончить жизнь в послушании, доказать которое он, после долгого искания, обрел было самый лучший случай. Его увезли в монастырь, но он опять скрылся и уже не в Египет, но в Палестину. Ревнители благочестивой жизни нашли его и здесь и сохранили для памяти потомства драгоценное наставление его брату, недавно принятому в общежитие.

«Наконец, так говорил Пинуфий, после многодневных испытаний ты принят, но тебе должно знать, почему ты с таким затруднением допущен, ибо на том пути, на который вступить желаешь, ты много можешь получить пользы, если, надлежащим образом узнав оный, будешь исправлять служение Христово постепенно и как должно». «Как тем, кои верно служат Богу и питают к нему такую любовь, какая требуется нашими правилами, обещается бесконечная слава; так и тем, кои небрегут о том, чтоб приносить обещанные плоды святости, уготованы вечные казни; ибо, по словам Писания, лучше не

обещать, нежели обещав не исполнить; и проклят всяк творяй дело Божие с небрежением. Посему мы долго тебя не принимали не потому, что неприятно было твоё или чье-либо спасение, и чтобы мы не хотели споспешествовать тем, кои хотят обратиться ко Христу; но потому, чтобы, приняв тебя без разсуждения, самим не сделаться виновными в легкомыслии, а тебя не подвергнуть тягчайшему наказанию, если бы, быв принят тогда, как ещё не разумел важности нашего звания, впоследствии или охладел, или не устоял в обете. Итак, помни сущность твоего отречения и из оной научайся тому, что тебе должно делать».

«Отречение есть не что иное, как доказательство того, что мы распялись миру и умерли. Итак, знай, что ты сегодня умер для мира, дел и похотей его, или по Апостолу, распялся ему, а он – тебе. Держи же в уме крест, под знамением коего ты должен жить, ибо не ты уже живешь, но живет в тебе Распявшийся за тебя; и как Он за нас висел на крестном древе, так и мы, пригвоздивши ко страху Господню плоть, волю и все желания наши, не должны служить страстям нашим, но постоянно умерщвлять их, дабы таким образом исполнить заповедь Господню: иже не приемет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин. Но, может быть, скажешь: как можно человеку непрестанно носить крест свой, или как распятый может жить? Послушай краткое объяснение сего».

«Крест наш состоит в страхе Господнем; почему, как распятый не может двигать членов своих, или обращать их, как бы ему хотелось, так и мы должны хотеть не того, что приятно нам и что льстит нашим похотям, но того, чего от нас требует закон Божий; и как пригвожденный ко кресту не думает о настоящем и предметах своей страсти, не заботится о будущем, не желает владений, не гордится, не спорит, не ревнует, не скорбит о настоящих, не помнит прошедших обид, но думает только о том, куда он пойдет через несколько минут: так и мы, пригвоздившись ко страху Господню, должны умереть всему и обратить все внимание туда, куда можем каждую минуту переселиться; ибо таким образом мы можем умертвить все наши похоти и плотские страсти».

«Итак, остерегайся тех вещей, коих ты уже отрекся, и вопреки повелению Господню не возвращайся с села делания Евангельского, дабы взять, одежду, которой ты совлекся, т. е. не обращайся к земным похотям и занятиям, и с кровли совершенства не сходи за тем, что ты бросил; остерегайся вспоминать о родителях, о прежнем пристрастии, не вдавайся в мирские заботы, дабы, обратившись вспять, тогда как ты взялся за рало, не лишиться царствия небесного; смотри, чтобы та гордость, которую ты ныне попрал верою и смирением, не стала пробуждаться в тебе, когда будешь заниматься псалмопением и усовершенствоваться в ныне принятом тобою звании; но паче старайся пребыть до конца жизни в той нищете, которую обещал пред Богом и Ангелами Его. Того смирения и терпения, с коими ты в продолжение десяти дней просил, стоя за монастырскими воротами, чтобы тебя приняли сюда, ты не только не оставляй, но ещё в нем усовершайся и возрастай; ибо большее бедствие угрожает тому, кто после такого начала, вместо того, чтобы восходить к совершенству, делается несовершеннейшим; потому что только сохраняющий сии добродетели до конца спасен будет».

«Так как хитрейший змий не престает блести пяту, т. е. полагает нам преткновения, и до конца жизни нашей старается нас уязвить; то ты не получишь пользы от того, что хорошо только начнешь и покажешь ревность только при начале вступления в монастырь, а впоследствии не принесешь надлежащего плода и не сохранишь до конца жизни нищеты и смирения Христова, согласно обещанию своему. А чтобы тебе сохранить их, ты всегда блюди главу змия, т. е. первые помыслы, внушаемые им, и немедля открывай старцу своему; ибо если ты не будешь стыдиться открывать их старцу, то научишься сокрушать вредоносную главу его».

«Итак, решившись служить Богу, пребывай в страхе Божием и приготовь душу твою не к покою, бездействию и наслаждению, а к искушениям и огорчениям, ибо скорбями подобает внити в царство Божие, потому что путь и врата, вводящие в царствие небесное, тесны; почему немногие их обретают. Знай, что ты в числе немногих избранных, и смотря на

пример немногих, не охладевай, но живи так, как живут немногие, дабы с этими немногими удостоиться тебе царствия небесного; ибо много званных, а мало избранных, и мало то стадо, которому Отец благоизволит дать царство. Знай, что тяжко грешит тот, кто, обещавшись быть совершенным, делается несовершеннейшим. К совершенству же восходят по следующим степеням».

«Начало и ограждение нашего спасения есть страх Господень, посредством коего наставляемые на путь совершенства обращаются от грехов, очищаются от пороков и утверждаются в добродетели. Сей страх, проникая душу человеческую, производит отвращение к мірским вещам и заставляет забыть родителей и весь мир; а отвращение от стяжаний производит смирение, которое сопровождается тем, что человек, имеющий его, во-первых, умерщвляет волю свою; во-вторых, не только дела, но и помыслы свои открывает старцу своему; в-третьих, все делает по суду старца, и ничего по своему; в-четвертых, постоянно послушен, кроток и терпелив; в-пятых, не только не обижает никого, но и своих обид не ищет; в-шестых, ничего не делает такого, что несогласно с общим уставом, или не одобряется примером большей части; в-седьмых, доволен всяким состоянием, как бы оно ни было низко, и все повелеваемое ему исполняет рабски; в-восьмых, почитает себя не только словом, но и делом худшим всех; в-девятых, удерживает свой язык и не говорит громко; в-десятых, не смеется. Вот в каких признаках обнаруживается истинное смирение; и оно-то скоро доведет тебя до любви, чуждой страха, воодушевившись коею ты то самое, что прежде исполнял из-за страха наказания, будешь исполнять единственно по чувству любви к добродетели».

«Чтобы достичь сего, живя в обществе, ты должен избрать себе в пример подражание немногим, а лучше одному или двум. Кроме того, что немного можно найти совершенных в жизни, это полезно потому, что если ты будешь подражать одному и образовать себя по одному образцу; то тогда усерднее займешься сим делом».

«А чтобы тебе быть в постоянном подчинении сему правилу; то, живя в обществе, ты должен соблюдать три правила, кои соблюдал и Псалмопевец, который, по собственному его признанию, как глухой не слыхал, как немой не отверзал уст своих и был, как человек, не слышай и неимый во устех своих обличения. Точно так и ты будь слепым, глухим и немым; – слепым, дабы тебе, подобно слепому, не смотреть, кроме избранного тобою для подражания, на неслужащее к назиданию, чтобы, соблазнившись, не избрать худшего; – глухим – дабы не внимать, подобно глухому, тем словам, кои произносят непокорные, преслушники и пустословы и пересудчики, кои очень легко могут своим примером развратить; – немым, по примеру Псалмопевца, который говорит: рех: сохраню путь мой, еже не согрешати ми языком; положих устом моим хранило, внегда востати грешному пред мною: онемех и смирихся и умолчах от благ, дабы быть тебе неподвижным, когда ты слышишь злословия, когда наносят тебе обиды. К сим правилам надобно присовокупить четвертое, которое требует того, чтобы ты, по учению Апостола, был буй в мире сем, дабы соделаться тебе премудрым, т. е. не разсуждай о том, что тебе приказано будет, но в простоте сердца и с верою неси послушание, почитая святым, полезным и мудрым только то, что тебе повелевает закон Божий, или старец. Когда ты будешь утвержден в сих правилах; то постоянно пребудешь в сем учении и, вопреки всем искушениям и козням врага, не выйдешь из общежития». «Не думай, что ты приучишься к терпению тогда, когда никто тебя не будет огорчать, (что, впрочем, не в твоей власти); но его породят в тебе твоё смирение и долготерпение, кои в твоей власти».

«Дабы тебе удобнее принять сердцем все заключающееся в сей пространной речи, я сокращу её, дабы ты легче мог удержать в памяти сокращенное. Итак, вот каким образом безпрепятственно восходят к высшему совершенству: по словам Писания, начало нашего спасения и премудрости есть страх Господень; от страха Господня рождается спасительное сокрушение сердечное, а от сего – отвращение от всех стяжаний, – корень смирения; от смирения же происходит

умерщвление воли, а умерщвление воли истребляет все пороки, кои, если истребятся, то добродетели плодятся и растут так, что производят чистоту сердечную, коею приобретается совершенство любви Апостольской»⁴⁴².

Этим прекрасным наставлением мы должны окончить историю Тавенских монастырей, потому что нет дальнейших об них известий.

Начало женских иноческих обителей в Египте

Египет, в котором началась и приняла определенный вид и устав иноческая жизнь мужей, представляет и первые примеры правильного устройства иноческой жизни жен. «В стране Египетской, – пишет Святой Златоуст, – можно видеть Христово воинство, и чудное общество и образ жизни, свойственный горним силам. И это открыто можно видеть не только на мужах, но и на женщинах. Ибо и они любомудрствуют не менее мужей. Они не берут щитов, не садятся на коней, как повелевают славные греческие законодатели и философы, но вступают в иную, гораздо труднейшую брань. Ибо они, как и мужи, вступают в брань с дьяволом и властями тьмы; и в сей брани естественная слабость пола вовсе не служит им препятствием; ибо нужно судить о таковых бранях не по естеству тел, но по произволению души. Посему и жены часто превосходили подвигами своими мужей и воздвигали славнейшие знамения победы»⁴⁴³. О Христе Иисусе, говорит св. Апостол Павел, несть пол мужской, ни женский (Гал.3:28). Как все призываются в царство благодати Иисуса Христа, так всем же даруются благодатные силы; а потому все добродетели и подвиги, какими просияли святые мужи, можно находить и в святых женах. Не обладая крепостью сил и воли мужа, жены, одаренные более живым чувством и восприимчивостью, прилеплялись всем сердцем к жизни иноческой и, пламенея любовью к Господу Иисусу, решались на все лишения ради царствия небесного. Их живое чувство, их безпределная любовь к Господу давала им силу проходить путь подвижничества столь же строгий, как и путь подвижнический мужей. Мы удивляемся строгому воздержанию, смирению, самоумерщвлению, нестяжательности и величайшему терпению св. мужей, обитавших в пустынях, горах и вертепах; но не более ли должно удивляться точно таким же подвигам в немощных по естеству святых женах?

Жен – подвижниц мы находим в Египте ещё в то время, как великий Антоний только что начинал свою иноческую жизнь. Решившись проходить отшельническую жизнь, он отдал свою

сестру на попечение девственницам. В первый раз пришедши с горы Колзим посетить свой монастырь Писпер, он нашел свою сестру начальницею и учительницею многих дев. Конечно, его пример и наставления руководили это первое общество женского иночества. В поучениях святого Антония к инокам мы находим наставления и для дев. В послании о девстве, после похвалы девству, Великий Антоний делает обращение к девам: «Девственница, – пишет он, – не должна в себе питать чувств, приличных женам. Она должна удаляться нечистых мыслей, гордости и всего, что приятно дьяволу. Должна любить всех людей, убегать славы мірской, быть преданною Богу, обуздывать язык и строго хранить пост. Если все сие будет она исполнять, соделается чистою и Богоугодною жертвою. Если же девственница будет заботиться о роскошной пище и тщеславиться девством, то, вместо славы, подвергнется стыду. Если не будет обуздывать своего языка, то тщетно будет её девство»⁴⁴⁴. Таким образом можно сказать, что отшельническое женское иночество началось в Египте с Антонием так же, как и начало женскому иническому общежитию положил великий Пахомий, основатель сего рода жизни для мужей.

Святые жены, подвизавшиеся в молчании кроткого и терпеливого духа, оставили немного сведений о себе. Мы соберем сведения прежде о женах, подвизавшихся в отшельничестве, потом скажем об учреждении женского инического общежития.

В Александрии и её окрестностях было много девственниц, из которых одни жили вместе, другие в отдельных келлиях. Исидор странноприимец имел сестер, с которыми жили в одной обители семьдесят дев⁴⁴⁵. Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий имели также сестер, которые, устроив монастырь, жили в пустыни в значительном разстоянии от монастыря Аммония и там подвизались⁴⁴⁶. Палладий говорит, что в его время в церкви Александрийской было много не только мужей, но и жен, совершенных в добродетели и достойных наследовать землю кротких. Знаменитый писатель Дидим рассказывал ему об одной служанке Александре. Узнав о сильной страсти к ней одного человека, она, не желая ни огорчать его, ни безчестить

себя, решилась лучше заключить себя в гробнице, нежели соблазнять его душу. Оставив город, она заключилась в гробнице и получала пищу через отверстие, а сама не показывалась ни мужчинам, ни женщинам лет около десяти. С первого часа утра до девятого она молилась, потом около часу пряла лен, в остальные часы припоминала себе сведения о вере святых отцов и патриархов и подвигах блаженных Апостолов, пророков и мучеников. Когда наступал вечер, она, принесши славословие Богу, ела хлеб, а ночь проводила в молитве, ожидая конца своей жизни. Она сама себя приготовляла к погребению. Прислуживавшие ей женщины, подошедши по обычаю к отверстию и не получив ответа, увидели, что она почила.

Палладий говорит также, что Афанасий Великий шесть лет укрывался у одной девственницы в Александрии: она сама умывала ноги его, служила во всем, добывала книги и доставляла нужное. Недалеко от места жительства Палладия, близ Антиохии, жила девственница, которая не выходила из келлии с тех пор, как отреклась от мира, шестьдесят лет провела в подвижничестве. Перед кончиною ей явился мученик Коллуф, предсказал время её отшествия и блаженную участь⁴⁴⁷.

В писаниях Исидора Пелусиота есть послание к инокиням Александрийским (δαλάρια_с)⁴⁴⁸. Он пишет: «Природа не знает просьбы о пощаде. Женский пол не имеет права на снисхождение; ибо может мужественно противостоять обольщению и отражать нападения пожеланий. Учит этому славная Сусанна и дочь Иеффая и достойная удивления Иудифь, – одна победившая в юности наглость старцев, другая мужественно приявшая смерть и отшедшая с песнями сопутствуемая девством, а третья в награду за целомудрие получила от Бога силу убить тирана. А глава женских побед и трофеев всехвальная Фекла, стоявшая вечным столпом девства, как огонь возгоравшись из среды волн страстей, приплыла в безопасную пристань. Если желаете быть таковыми, сохраняйте неугасимыми лампады; ибо скоро придет жених. И да не усыпит вас какой-либо сон сладострастия, который

сонливых и нерадивых оставляет за дверями брачного чертога»⁴⁴⁹.

В другом послании Исидор обличает инокинь, ходящих часто в город. «Вы не заботитесь о чести пола и своем подвижничестве; не устрашились обольщений, какие представляет город и для взора и для слуха; не убоялись будущей за сие угрозы, часто ходя в город. Если опять будете посещать его, то и не желая подвергнетесь искушению; бегите браны шума мірского, которая страшными стрелами поражает подвижничество»⁴⁵⁰.

Павел Фермейский рассказывал Макарию Александрийскому, что в одном селении живет девственница, которая подвизается уже тридцатый год. Кроме субботы и воскресенья, она не вкушала пищи и каждый день совершила по семи сот молитв.

Около Александрии была одна девственница, престарелая летами, она ещё более была возрастна по добродетелям. Один старец спросил её, как она достигла такой степени святости. Сначала она отвечала одними стенаниями и вздохами. Потом рассказала, что у ней был отец весьма благочестивый, тихий, терпеливый, скромный и так уединенный в своем семействе, что почти не знал, что происходило в его деревне. Он обрабатывал свое поле и плоды с него приносил домой на содержание своего семейства. Будучи слаб здоровьем, он часто хворал. Болезнь свою он переносил с таким терпением, что не только не слыхали от него жалобы, но даже слова об ней. Таким образом жизнь его проходила в труде и страдании. Когда он умер после долгой и мучительной болезни, сделалась такая сильная буря, сопровождаемая громом, молнией и дождем, что три дня нельзя было вынести его тела из дома для погребения. Жители селения смотрели на это событие, как на свидетельство, что жизнь его столь же неугодна Богу, как и он мало любил людей. Наконец дождь кончился, его отнесли в могилу без всякой погребальной церемонии.

Жена его была совершенно противоположного характера. Она была зла, разсейнна и вела себя дурно после мужа, но всегда пользовалась добрым здоровьем и была любима

соседями, и когда умерла, все провожали её гроб. Это различие конца мужа благочестивого и несчастливого и жены злой и счастливой поразило юную девицу. Что пользы, говорила она в душе своей, от благочестия отца? Он всю жизнь терпел скорби и болезни, и конец его был безчестен, а мать пользовалась всеми временными удовольствиями в жизни, и когда умерла, ей оказали уважение все её знавшие. Не благоразумнее ли идти по следам матери, нежели отца, пользуясь лучше верным, чем дожидаться неизвестного?

Когда она волновалась этими мыслями, ей в сонном видении открыта была блаженная участь отца и страшные мучения матери; не колеблясь ни минуты, она посвятила себя подвижнической жизни⁴⁵¹.

Жена Амона Нитрийского, после удаления своего мужа в пустыню Нитрийскую, в своем доме собрала до семидесяти девственниц и в посте и молитве подвизалась с ними. Два раза в год она посещала своего мужа, чтобы пользоваться его советами и наставлениями. В области Александрийской была подвижница Сарра. Она шестьдесят лет прожила в келье на берегу Нила и ни разу не наклонилась, чтобы посмотреться в воде⁴⁵². Тринадцать лет мужественно она боролась с вожделениями плоти и никогда не молилась о прекращении сей брани, но только взывала: Боже, дай мне силу! Однажды, когда враг спасения её сильно возбудил нечистые движения, представляя ей суетные предметы мира, она, вооружась страхом Божиим и строгим постом, усердно молилась на верху своего дома и победила силою Господа Иисуса Христа нечистые движения.

Её посещали и великие подвижники. Однажды пришли к ней пустынники. Она предложила им корзинку с плодами. Оставляя хорошие плоды, они ели только гнилые. Сарра сказала им: истинно вы пустынники. В другой раз пришли к ней два старца, великие отшельники Пелузские, и, отходя, решились дать ей урок в смирении. Смотри, не превозносись умом твоим и не говори: вот и отшельники ходят ко мне, женщине, «Я женщина по телу, а не по уму», – отвечала она. Не тщеславие скрывалось в сих словах, но сознание, что слабость

поля женского не препятствует подражать мужам в подвигах духовных. Она говорила: «Если я буду просить Бога, чтобы все люди были мною довольны, то должна буду стоять у дверей каждого. Но лучше буду молиться Богу, чтобы сердце мое было чисто перед всеми».

Всегдашняя мысль её была мысль о смерти. «Когда я поднимаю ногу, чтобы взойти на лестницу, я представляю себе пред очами смерть и потом всхожу на лестницу». «Хорошо подавать милостыню, — говорила она, — и для людей; ибо хотя она подается и по человекоугодию, но после может послужить к умилостивлению Бога».

Была другая знаменитая отшельница, вблизи Александрии, Феодора, жившая во время Архиепископа Феофила. Её наставления также дышат высокою мудростью. «Старайтесь, — говорила она, — входить тесными вратами. Ибо как дерева не могут приносить плодов, если не вытерпят зимних бурь и дождей, так и для нас сей век есть зима, и мы не иначе можем сделаться наследниками Царства Небесного, как чрез многие скорби и искушения». Она говорила еще: «Истинное безмолвие — великое дело для девственницы или для монаха, особенно для молодых. Но как скоро начинает кто-либо безмолвствовать, тотчас душа отягчается унынием, малодушием и помыслами, а тело болезнями, усталостью, разслаблением; но если будем мы бодрствовать, все это исчезнет». В подтверждение слов своих она указывала на пример одного отшельника, который, пришедши на правило, почувствовал себя больным. Но монах сказал: «Вот я теперь болен, и может быть скоро умру; встану же перед смертью и совершу молитву». Он стал молиться, и болезнь его прошла. Решившись подвизаться в одном месте, не должно переменять его, ибо от себя не уйдешь. «Не спасет нас, — говорила она также, — ни подвижничество, ни бдение, ни другой труд, если мы не будем иметь смирения»⁴⁵³.

Палладий ещё рассказывает о девственнице Камуне, которая всю жизнь провела с своею матерью и с нею наедине принимала пищу вечером, а днем пряла лен. Она удостоилась дара пророческого и дара чудотворения⁴⁵⁴.

Были жены, которые подвизались среди мужей. Таковы была: Евфросиния, Феодора. Евфросиния, дочь знатного гражданина, получила прекрасное воспитание, и отец готовил её в супружество достойному. Но желание посвятить свою жизнь единственно Господу Иисусу увлекло её из дома родительского. Опасаясь, чтобы отец не нашел её в женском монастыре, она оделась мужчиною и под именем Смарагда принятая была в мужской монастырь Аввы Феодосия, в котором подвизались триста пятьдесят иноков. Ей было 18 лет, когда она вступила в монастырь, и в уединенной келлии провела она тридцать восемь лет в подвигах, только в день смерти открывшись своему отцу⁴⁵⁵.

Феодора, мучимая раскаянием за неверность, сделанную мужу, оставила свой дом и сначала вступила в женский монастырь. Но опасаясь, чтобы здесь не нашел её муж, она, под видом евнуха, вступила в мужской монастырь, бывший в шести поприщах от города. Авва сначала не принимал её, и она целую ночь провела за воротами. На другой день настоятель, видя её терпение, принял в монастырь, обязавши её быть в совершенном повиновении всем инокам. На нее возложена была обязанность смотреть за садом и носить воду, где она понадобится, мести дом и другие тяжелые работы, не оставляя поста, бдений, молитвы и Божественной службы. Все это Феодора охотно исполняла, и ей казалось этого мало для заглаждения её преступления, она хотела увеличить свой труд, принимала пищу однажды в неделю, за свои подвиги и смирение она сподобилась дара чудотворения. Чтобы показать в ней образец совершенного терпения, Бог попустил ейиться клеветою. Одна девица оклеветала её в своей беременности. Феодора не стала оправдываться; с терпением перенесла безчестие и изгнание из монастыря и поселилась в хижине недалеко от него, воспитывая дитя – мнимый плод её связи с девицей. Там подвизалась она семь лет. Потом иноки соседнего монастыря позволили ей вступить в их монастырь, где она прожила два года. Только при смерти узнали, кто она; изумились её терпению и смирению.

Приближенная к Императору Юстиниану, Анастасия возбудила зависть в Феодоре. Избегая её зависти и вместе проникнутая чувством суетности всего земного, взявши с собою сколько могла денег, Анастасия удалилась в Египет и там, недалеко от Александрии, выстроила женский монастырь. Здесь она оставалась до смерти Феодоры. Но когда дошел до нее слух, что Император ищет её, она решилась оставить окрестности города и удалиться в пустынью. Ночью она оставила свой монастырь и пошла в пустынью Скитскую, чтобы там искать безопасного убежища. Здесь нашла она Авву Даниила и, открывшись пред ним, просила его дать ей приют. Он облек её в одежду инока и велел жить ей в пещере неподалеку от своего жилища, предписавши ей правила для жизни. Между прочим она не могла сделать шагу за порог своей келлии, ни впускать кого-либо в свою келлию. Его ученик носил ей каждую неделю сосуд воды и ставил у её келлии, не говоря с ней ни слова.

Двадцать восемь лет провела Анастасия в постоянном посте и молитве. Много борьбы вынесла она от дьявола, но силою Божией вышла победительницею. Она предугадала день своей кончины, который открыт был также и Авве Даниилу. Он пришел к ней с своим учеником в последний день её, причастил её Святых Таин, принял её последний вздох. Её келлия была для ней гробом. Вот примеры подвигов женщин в образе мужчин. Но эти примеры только исключительные. Такая жизнь предпринималась только по особому указанию Промысла и не могла служить образцом. Собор Гангрский (правило 13-е) запретил подобные случаи.

Еще раньше Анастасии, в пустыне Скитской, около Ликополя, в пещере, подвизалась одна женщина. Авва Дула с своим учителем Виссарионом, идя по пустыне, пришли к одной пещере и там нашли брата, который сидел и делал веревку. Он не взглянул на них, не приветствовал их и не хотел говорить. Виссарион сказал ученику своему: пойдем отсюда, может быть старцу не угодно говорить с нами. Возвращаясь из Ликополя, Виссарион опять проходил мимо пещеры и, зашедши в нее, нашел брата уже умершим⁴⁵⁶. Когда они стали приготовлять его

к погребению, увидали, что это была женщина. «Вот как и женщины побеждают сатану», – сказал Виссарион.

Дочь Императора Анфима (467–471) Аполлинария, воспламененная любовью к иноческой жизни, посетив святые места и приплыв в Александрию, пришла к гробу св. Мины. Отсюда отправилась к отцам Скитским, где остановилась подле озера на источнике, который после назывался источником Аполлинарии, и тогда как спали её провожатые, облеклась в иноческую мужскую одежду и скрылась в пустыни. Много лет провела она здесь в борьбе с дьяволом. Тело её, изъеденное комарами, покрылось как бы чешуею. Потом вышла из болота и назвалась Евнухом Дорофеем.

С нею в пустыне встретился Макарий Египетский. Преподав друг другу благословение, Дорофей спросил Макария, кто ты? Я Макарий, отвечал старец. Сделай милость, сказал Дорофей, позволь мне обитать с братиями. Макарий дал новому брату тотчас же келлию. Здесь Аполлинария в строгом подвиге проводила жизнь свою, дни и ночи совершая молитвы. Вскоре посетил её Макарий и спросил её об имени. Имя мое Дорофей, отвечала она; услышав о добродетелях живущих здесь иноков я пожелал здесь подвизаться с ними. Какое ты знаешь рукоделье, спросил её Макарий? Что ты повелишь, отвечал Дорофей, то и буду делать. Макарий велел плести веревки. В это время другая дочь Императора Анфима сделалась бесноватою и говорила, что если не пошлете меня в пустыню, то я не буду здорова. Император отправил её к Скитским отцам, и Макарий поручил Дорофею молиться о её исцелении. Я грешный, слабый человек, сказал Дорофей, оставь меня оплакивать грехи, которых так много. Много отцов, сказал Макарий, которые могут это сделать, но тебе я поручаю дело. Дорофей принял свою сестру в келлию и исцелил её молитвою. Возвращенная к родителям сестра Дорофея вскоре опять подверглась беснованию, и бес обвинял Дорофея в растлении девицы. Дорофей, призванный ко двору, вторично исцелил свою сестру. Возвратившись в Скит, Дорофей узнал свое отшествие к Богу и, призвав Макария, просил его, чтобы монахи не хоронили его. Как это может быть? сказал Макарий. По смерти мнимого

евнуха иноки пришли погребсти его и тут только узнали, что это была женщина. В изумлении воззвали иноки: слава Тебе, Христе, имеющему многих сокровенных рабов. После уже Макарию открыто было в видении, кто была эта подвижница. Её погребли с восточной стороны церкви в пещере Преп. Макария, и много чудес совершилось от её гроба⁴⁵⁷.

Авва Серапион возбудил раскаяние в одной блуднице, повел её в женский монастырь и поручил матери настоятельнице, сказав ей: прими сию сестру и не налагай на нее заповеди, как на других сестер, подавай, чего она захочет. По прошествии немногих дней сия женщина сказала: я желаю вкушать пищу через два дни. Ещё несколько дней спустя она сказала: много грехов у меня, и я желаю поститься по сорока дней. Наконец ещё через несколько дней она упрашивала настоятельницу так: сильно оскорбила я Бога моими беззакониями, сделай же милость, отведи меня в келлию, запри её и подавай мне в окно немного хлеба и рукоделье. Мать исполнила её просьбу, и бывшая блудница в остальное время своей жизни благоугождала Богу⁴⁵⁸.

Другую подобную женщину обратил к богоугодной жизни Авва Тимофей, и она вела в монастыре строгую жизнь⁴⁵⁹.

Между сочинениями Афанасия Великого сохранилось письмо о девстве, писанное к деве, которое может познакомить с уставом жизни девственниц, проводивших жизнь иноческую, но не вступивших в монастыри. Наставления о прохождении девственной жизни, заключающиеся в сем, обнимают не только внешний порядок жизни девственниц, но объясняют и внутренний дух прохождения сей жизни. Может быть, быстрое и обширное распространение жизни девственной заставило написать сие послание как устав для жизни дев, не имевших руководства в своих домашних благочестивых упражнениях, а потому нередко и при благочестивых намерениях уклонявшихся от истинного пути.

«Горе, — пишется в послании, — деве, не подчиненной никакому правилу: в сем случае она подобна не имеющему кормчего кораблю, который, по сокрушении кормила, не имея правителя, несется в ту и другую сторону, пока не погибнет,

разбившись о камень. В таком же состоянии находится дева без руководителя, внушающего ей страх. Блаженна та дева, которая подчинена правилам. Она подобна плодоносному винограду, растущему в вортограде. Делатель оного, пришедши к нему, очищает ветви его, напояет его иistorгает растущие около него бесполезные травы, и виноград приносит благовременно прекрасный плод».

Руководимый сими мыслями Афанасий дает для девственниц правила жизни.

«По словам блаженного Павла, – пишет Афанасий, – тайна велика есть то, что всяк прилепляющийся к жене бывает с нею едино тело. Так точно всякий муж или жена, прилеплющиеся к Богу, становятся един дух с Ним (1Кор.6:17). Если прилепляющиеся к миру оставляют отца и мать и соединяются с человеками смертными, то дева целомудренная не паче ли обязана оставить все земное и прилепиться к Единому Господу? Всякая дева или вдовица целомудренная если печется о мірском, то сие попечение бывает ей вместо мужа; заботится ли она о богатстве или о других вещах, – сия забота оскверняет её душу. Мірские образы оскверняют душу и тело целомудренной – и она уже не бывает свята по телу и по духу. А та, которая печется о деле Божием, имеет женихом своим Христа и творит волю Жениха своего. Воля же Христова состоит в том, чтобы прилепляющийся к Нему совершенно ни к чему не имел пристрастия, что принадлежит веку сему, и нисколько не пекся бы о земном, а только бы нес крест Распятого за него, день и ночь имел бы попечение и заботу о том, дабы прославлять Его неумолкаемыми песнями и славословиями, иметь просвещенное око ума, знать волю Его и творить оную, иметь простое сердце и ум чистый, быть милосердым, подражая Его милосердию, – быть кротким, тихим и терпеливым, никому не воздавать злом за зло, терпеливо сносить множество оскорблений. Смирение есть также великое средство к спасению. Сатана свержен с небес не за блуд, или прелюбодеяние, или хищение, но гордость низринула его в преисподнюю. Бог есть Бог смиренных. Пламенною любовью возлюбим пост; ибо пост есть великая твердыня, равно как и

молитва и милостыня, поскольку они избавляют человека от смерти. Как Адам за ядение и преслушание изгнан из рая; так тот, кто желает паки войти в рай, входит в оный постом и послушанием. Сею-то добродетелью, дева, украшай тело свое, – и угодна будешь Небесному Жениху. Если же некоторые придут и скажут тебе: не постись часто, чтобы не ослабеть тебе, то не верь им и не слушай их, ибо таковых подсыпает враг. Смотри, что делает пост: он врачует болезни, изсушает кровоточивые потоки, изгоняет демонов, прогоняет злые помыслы, просвещает ум, делает сердце чистым, освящает тело и поставляет человека пред престолом Божиим. Пост есть жизнь Ангелов, и кто пребывает в нем, тот причисляется к лику Ангелов. Но не подумай, возлюбленная, что пост состоит только в телесном воздержании. Тот не постится должным образом, кто воздерживается только брашен: истинный пост бывает тогда, когда человек воздерживается от всякого злого дела. Если ты постишься и не воздерживаешься от слов лукавых, от гнева, лжи, клятвы, осуждения ближнего, от сребролюбия, то пост ничего не пользует, напротив губит весь труд. Не постись неумеренно, чтобы не сделать тела немощным, но проведши девять часов дня в песнопениях и молитвах, вкуси хлеба с плодами, приправленными елеем. Перед трапезой своей так благодари Господа: благословен Бог, милующий и питающий нас от нашей юности и дающий пищу всякой плоти, – исполни радостью и весельем сердца наши, дабы мы всегда, имея всякое довольство, богаты были для всякого дела благого, во Иисусе Христе Господе нашем, с Которым Тебе подобает слава, держава, честь и поклонение со Святым Духом во веки веков. Аминь. Когда сядешь за стол и начнешь раздроблять хлеб, то, озnamеновавши оный трижды знамением креста, благодари таким образом: благодарим Тебя, Отче наш, за святое воскресение Твое; ибо ты явил оное нам чрез отрока Твоего Иисуса, и как хлеб сей, лежащий на трапезе, некогда состоявший в различных зернах, будучи совокуплен, сделался едино: так да соберется Церковь Твоя от конец земли в царство Твое, потому что Твоя есть сила и слава во веки веков. Аминь. Когда же, раздробив хлеб, положишь его на стол и хочешь сесть

за трапезу, тогда прочти всю молитву: Отче наш. Когда встаешь из-за стола, то опять произнеси молитву: благословен Бог и трижды повтори: щедр и милостив Господь: пищу даде боящимся Его; Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. После сего славословия продолжай молиться так: Бог Вседержитель и Господь наш Иисус Христос, Имя, высшее всякого имени! Благодарим и хвалим Тебя, что Ты удостоил нас насладиться Своими благами, телесною пищею; – молим и взвываем к Тебе, Господи, даруй нам и небесную пищу; даруй нам бояться страшного и честного имени Твоего и не преступать заповедей Твоих; закон Твой и оправдания Твоя вложи в сердца наши, освяти наш дух, душу и тело чрез возлюбленного Твоего Сына Иисуса Христа и Господа нашего, с Которым Тебе подобает слава, держава, честь и поклонение во веки веков. Аминь».

«Не садись вкушать пищу с женами нерадивыми и любящими смеяться. Девы благочестивые и боголюбивые да едят с тобою. Не вечеряй с гордыми. Когда сидит с тобой за столом жена богатая и ты увидишь бедную, то пригласи её к пище и не стыдись сего пред богатою».

«Одежды твои не должны быть из драгоценной материи. Верхняя твоя одежда должна быть черною некрашенною; головное покрывало такого же цвета без бахромы; рукава должны быть шерстяные, покрывающие руки до перстов; волосы на голове подрезаны кругом; головная повязка шерстяная, кукуль и надшейная одежда без бахромы. Если встретишься с мужчиной, покрой лицо твое и не обращай его к человеку, но только к Богу. Когда ты станешь на молитву, то надевай на ноги сандалии. Не раздевайся до наготы, чтобы не только другая женщина, но и ты сама не видела своей наготы. Без нужды не погружай тела в воду, но умывай только лицо, руки и ноги и то одною водою. Не намащай тела своего мазью и одежд своих ароматами».

«Все время жизни своей проводи в постах, молитвах и милостынях. Да будет всегдашим занятием твоим упражнение в Священном Писании. Имей Псалтирь и учи Псалмы».

«Восходящее солнце да видит в руках твоих книгу и по третьем часе посещай церковные собрания. В церкви соблюдай молчание, ничего не говори, но только внимай чтению. В шестом часу совершай молитвы с псалмами, плачем и прошением: ибо в сей час Сын Божий был повешен на кресте. В девятом часу в пениях и славословии умоляй Бога: ибо в сей час Господь, вися на кресте, предал дух свой Богу. А когда наступит двенадцатый час, то должно умножить и усугубить хваление; ибо в оный час Господь наш сошел во ад. Посему в оный час мы должны обращать внимание на себя и со слезами ночью призывать Господа: ибо слезы составляют великую и превосходную добродетель; слезами омываются весьма тяжкие грехи и беззакония. Вставай в полночь и воспевай Господа Бога твоего, ибо в оный час Господь наш возстал из мертвых и воспел Отца; посему и нам заповедано воспевать Бога в сей час. Вставши, сначала прочти следующий стих: полуночи возстах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоей (Пс.118:62). Потом помолись и начни читать 50 псалом до конца. Исполняй это каждый день и читай псалмов, сколько можешь прочесть стоя; каждый псалом заключай молитвой и коленопреклонением, исповедуя пред Господом грехи своя и умоляя Его о прощении оных. После трех псалмов говори: Аллилуия. Если же будут с тобою девы, то и они должны петь псалмы и одна после другой совершайте молитву. Поутру же читайте сей псалом: Боже, Боже мой к тебе утреннюю: возжада Тебе душа моя (Пс.62:2), а пред разсветом: благословите вся дела Господня Господа (Дан.3:57); также: Слава в вышних Богу и на земли мир в человечех благоволение. Хвалим Тя, благословим Тя и проч.».

«Таким образом, раба Христова, встаешь ли или сидишь, занимаешься ли чем или принимаешь пищу, отходишь ли ко сну или пробуждаешься, непрестанно воспевай песнь Богу».

«Не унывай, когда случится с тобою какое-либо несчастье; не печалься, когда причиняют тебе вред или обиду; ибо печаль мира сего производит смерть. Сокрушайся только о грехах своих и ни о чем другом не скорби. Никому не отвечай со гневом; ибо раба Господня не должна раздражаться. Да не

исходит из уст твоих проклятие, ниже обида, ниже злословие; ибо уста твои освящены хвалебными Богу песнями и славословиями. Сколько возможно, люби уединение. Не забывай рабов Божиих. Если святой муж внидет в дом твой, то прими его, как Сына Божия; ибо Господь наш Иисус Христос говорит: иже вас приемлет, Мене приемлет (Мф.10:40). Если же придет к тебе муж праведный, со страхом и трепетом встреть его и поклонись к ногам его до земли; ибо ты не ему будешь кланяться, но Богу, пославшему его; потом возьми воды и умой ноги его, и со всяким благоговением слушай слова его. Не полагайся много на свое целомудрие, дабы не пасть, но опасайся сего: ибо доколе ты будешь бояться, дотоле не подвергнешься падению. Для воздержной весьма полезно в уединении вкушать хлеб свой. Если же ты сидишь за трапезой с девами, то вкушай с ними все предлагаемое. Ибо когда ты не будешь есть, то они будут думать, что ты их осуждаешь. Даже если они пьют и вино, для них ты должна выпить немного. Если же с тобою находятся старицы и будут принуждать тебя выпить более, ты скажи им: «Вы провели юность вашу в великом воздержании, а я ещё не достигла и первой степени». Поступай так, чтобы никто не знал о твоем подвижничестве, даже из самых близких твоих родственников. Но если что делаешь, делай втайне – и Отец твой Небесный, видяй втайне, воздаст тебе яве (Мф.6:4). Если же откроешь жизнь свою, то от сего родится в тебе тщеславие и ты потерпишь вред. Тщательно избегай тщеславия и надменности. Если тебе придет на мысль, что ты, успевши в добродетели, соделалась великою и славною, то не верь сему. Ибо это враг опутывает тебя и внушиает тщеславие. Если же тебе представится мысль, что ты можешь спастись и не изнуряя себя столь тяжкими трудами, то не слушай оной. Ибо это враг возбуждает тебя к беспечности и нерадению, дабы отвлечь от добродетельной жизни. Не принимай похвал человеческих и не презирай невоздержных. Если найдешь душу, которая согласна с твою и так же работает Богу, как и ты, то ей открай свою жизнь. Ты получишь великую награду, если чрез тебя спасется какая-либо душа. Если тебе придет мысль что-либо сделать, не решайся без разсуждения,

чтобы не посмеялся над тобою враг твой; но все предпринимай с совета старших. Сохраняй любовь, которая выше всего. Сколько бы ни трудился человек, но если он не имеет любви к ближнему, то вотще будет трудиться. И так оказывай любовь к ближнему не на словах только, но и на делах. Не удерживай в сердце своем зла, причиненного тебе другими, иначе молитва твоя не будет чиста перед Богом. Имей кротость, терпение, великодушие и младенческую простоту. Никогда не должен оскудевать елей в лампаде твоей, дабы не погасла она прежде пришествия Жениха: ты не знаешь, когда он придет в первый сон или поутру. Посему всегда будь готова встретить Его с мудрыми девами, имея в своей лампаде елей, т. е. благие дела. Всегда помни, исход свой; каждодневно имей пред глазами смерть: помни, пред Кем ты должна предстать».

Такими правилами должна руководствоваться девственница. Но если тяжелой представляется отшельническая жизнь для мужей, то тем тяжелее она для жен, которые более требуют нужды в поддержании и защите. Посему учреждение общежития иноческого для жен, ревнующих о жизни для Господа, не может не считаться великим благодеянием. Господу угодно было, чтобы Пахомий, учредитель общежития для иноков, был учредителем его и для инокинь.

У Преподобного Пахомия осталась в мире сестра. Желание видеть Пахомия и лично убедиться в тех чудесах, которые об нем рассказывали, привели её в Тавенну. Отрекшись от мира и связей родственных, Пахомий всегда избегал беседы с женщинами. Когда привратник сказал ему, что сестра желает его видеть, Пахомий велел сказать, что с нее довольно знать, что он жив, и чтобы она возвратилась домой, отказавшись от надежды видеть его. Но, не желая совершенно лишить её спасительного совета, он предложил ей, не хочет ли она подражать его роду жизни; Бог по её примеру, может быть, привлечет других к святой жизни, и если ей угодно, то он поручит братии выстроить ей монастырь. Огорченная сначала приемом Пахомия, она с радостию приняла его предложение. Пахомий поблагодарил Бога за такую скорую готовность его сестры. Он приказал более почтенным из братий устроить для

сестры его монастырь на месте Мин недалеко от Тавеннского монастыря на другой стороне Нила. Живя здесь в страхе Божием, она вскоре собрала около себя лик женщин, вверившихся её руководству. Она учила их и делами, и словами, забывая все земное, прилепляясь к одному небесному.

Пахомий ввел в её монастыре те же самые правила, как и в мужеских; у них была та же и одежда, только они не носили милоти. Волосы они стригли и покрывали голову клобуком, прикрывавшим голову и плечи. Ручным рукодельем их была обделка льна и шерсти, который закупал для них главный эконом Тавенсти, равно как и все для них потребное.

Никто из монахов Пахомиевых монастырей без особенного позволения не мог войти в женский монастырь. Если у кого была в монастыре сестра или мать, то только в сопровождении старца испытанной добродетели он мог войти туда. Он сначала спрашивал настоятельницу, которая призывала инокиню в сопровождении старицы, и в присутствии её он мог разговаривать скромно и чинно. Он не мог ни дарить что-либо, ни сам получать; потому что ни тот ни другой не имели собственности, которую могли бы дать. Новости мира не имели места в их разговоре, они говорили только о предметах благочестия и утешались одною надеждою веселиться в блаженной вечности⁴⁶⁰.

Когда инокини имели нужду в присутствии братий для постройки или для другого подобного дела, те, коим назначено было оказать эту помощь, приводимы были самым почтенным иноком и с любовью и страхом Божиим совершали свой труд. Они не могли ни пить, ни есть у инокинь, но в час, назначенный для отдыха, возвращались в монастырь.

Священник и дьякон, назначенные им для служения, приходили только по воскресеньям. Первый правитель монастыря, инок Петр, муж престарелый и высокий по жизни, умертвил в себе страсти.

По его смерти Феодор, бывший настоятелем Тавенских монастырей, назначил правителем женского монастыря Мин и монастыря Бехре Епониха, человека святого и престарелого⁴⁶¹.

Ему преемствовал Тифой. Чрез него главный эконом раздавал инокиням лен и шерсть для работы⁴⁶². В этом монастыре были и девицы и вдовы. Здесь постриглись сестры Петрония, одного из первых учеников Пахомия, его преемника в управлении Тавеннскими монастырями. Здесь же в иночестве подвизались мать и сестра Феодора Освященного, любимого ученика Преподобного Пахомия⁴⁶³. Когда скончается одна инокиня, другие, приготовив её к погребению, выносят и полагают на берегу реки. Иноки, переплы whole реку, переносят умершую на свой берег, держа в руках пальмовые и оливковые ветви и поя псалмы, и погребают в своих гробницах⁴⁶⁴. Палладий говорит, что в его время было в монастыре Мин 400 сестер⁴⁶⁵. Палладий рассказывает об одной великой подвижнице из сего монастыря Исидоре, которая по редкому смирению и уничижению показывала себя юродивой и безумной. Служа в поварне, она исполняла всякое послушание для всех сестер; не носила куколь, а покрывалась ветхой повязкой. За трапезу никогда не садилась, никогда не брала себе и ломтя хлеба. Никто из сестер не видал, чтобы она ела; она питалась крошками, собираемыми со стола, и остатками в сосудах, которые мыла. Обуви никогда не носила. Как над безумной – над ней нередко издевались, но она никогда не обижалась и ни полсловом не показывала ропота. Святость сей подвижницы открыта была святому отшельнику Питириму. Его объяли однажды помыслы тщеславия. «Для чего превозносишься своими подвигами? – сказал ему представший пред ним Ангел. – Ступай в женский Тавеннский монастырь и найдешь там женщину в повязке, она лучше тебя, ибо подвизается среди многолюдства, служит всем, и, хотя все её осмеивают, она сердцем никогда не отступала от Бога. А ты, сидя здесь и никогда не живши в мире, блуждаешь мыслию по городам». Питирим из Порфирия пошел в Тавеннский монастырь и пожелал видеть всех инокинь. Собрались все, но он не видел той, которую искал. Питирим просил привести всех, и когда ему отвечали: мы все здесь, кроме безумной, которая в поварне: Питирим велел привести и её. Насильно привели Исидору, ибо она не хотела идти. Увидев её, Питирим пал ей в ноги и сказал: благослови меня, мать.

Она, упав ему в ноги, просила его благословения. Авва! не срами себя, она безумная, сказали инокини. Вы безумные, отвечал Святой старец, она лучше и вас, и меня, она мать наша, и я молюсь, чтобы оказаться равным ей в день суда. Услышав это, инокини с плачем поверглись на землю, прося простить их за оскорблении, нанесенные святой. Спустя немного после удаления Питирима Святая Исидора, не терпя славы, чести, которые стали оказывать ей, тайно удалилась из монастыря, и никто не знал, куда она скрылась и где кончила свою жизнь⁴⁶⁶.

Блаженный Иероним говорит, что Маркелла заимствовала образ жизни иноческой у Тавенских монахинь⁴⁶⁷.

Блаженный Августин говорит, что инокини служили Богу с великою ревностью и чистотою. Отдаленные друг от друга, они соединены были взаимною любовью и подражанием добродетелям. Молодым инокам не позволялось близко подходить к монастырю. Даже старцы, доставлявшие все нужное, только входили в сени, а не в дом инокинь⁴⁶⁸.

Кроме монастырей Тавенских, много ещё монастырей женских воздвигнуто было в верхней и нижней Фиваиде. В городе Оксиринте было до 20 000 инокинь. Палладий говорит, что в городе Антиной было двенадцать женских обителей, в которых вели жизнь богоугодную. Он видел там старицу Аматалиду, восемьдесят лет пребывающую в подвижничестве. С ней жило шестьдесят отроковиц, которые, под руководством Аматалиды, свято проходили поприще подвижничества; все они любили её и безвыходно удерживаемы были в монастыре безмерною к ней любовью и святыми её наставлениями усовершаясь в целомудрии. В том же монастыре уже тридцать лет жила девственница Таора, ученица Аматалиды. Она никогда не хотела взять ни новой одежды, ни нарамника, ни обуви, говоря: я в этом не нуждаюсь. Она безвыходно в своем рутище сидела в келлии. Она рутищем скрывала свою красоту, свою скромность приводя в стыд и страх самое безстыдное око⁴⁶⁹.

В царствование Феодосия Великого посещала женские монастыри в Фиваиде вдова богатого сенатора Антигона, бывшего в родстве с Феодосием, Евпраксия с дочерью,

носившую то же имя. Они нашли здесь монастырь, в котором жило более ста инокинь. Жизнь в этом монастыре была столь строгая, что инокини не ели плодов, не употребляли ни вина, ни масла, а питались только травами и бобами без всякой приправы. Менее строгие из них принимали пищу только раз в день и то вечером. Многие по два, по три дни не ели ничего. Они не мыли не только тело, даже и ног.

Постелью для них служила власяница из лошадиного волоса, очень короткая и узкая, постланная на голую землю: одеяло их была тоже власяница, простирающаяся до ног. Они не выходили из монастыря и трудилась по мере сил. Если какая сестра делалась больна, они не прибегали к лекарствам, а предоставляли больную воле Божией, которая могла исцелить её, если то было угодно. Строгая жизнь угодниц имела благодетельное влияние на всю область в исправлении нравов и в помощи в скорбях – душевных и телесных.

Евпраксии так понравилась эта обитель, что она считала для себя лучшим наслаждением ходить в нее и брала с собою свою юную дочь, которой было не более семи лет. Она желала поделиться с обителью своим богатством, но любовь к нищете инокинь не хотела приношений. Евпраксия предложила сумму в двадцать или тридцать фунтов золота настоятельнице. Нам не нужно денег, отвечала она, мы отреклись от богатства мірского и всех благ его, чтобы удостоиться сокровищ и радостей вечных. Единое приношение, которое принимали они, были благовония для курения в церкви, свечи для освещения и масло для лампады.

Настоятельница нередко беседовала с юной Евпраксией, в которой усматривала раннее расположение к благочестию, и однажды спросила её, любит ли она монастырь и всех сестер, которые в нем. Да, отвечала она с сердечным чувством. Но если ты нас любишь, останься у нас. Я этого очень желала бы, если бы это не огорчило матери.

Когда нужно было выходить из монастыря, юная Евпраксия не хотела оставить его. Принимая это не более, как за каприз дитя, мать оставила её на ночь. Но и на другой день повторилось то же. Евпраксия не хотела оставить монастыря и

изъявляла желание совсем оставаться в нем. Благочестивая мать вместе с настоятельницею, усматривая здесь особенное призвание благодати, оставили её в обители. Немного спустя юная Евпраксия в храме облечена была в иноческую одежду, которую она с радостью приняла, как дар небесного жениха. Мать жила подле монастыря, помогая ему имуществом и проводя жизнь, подобную подвижницам; она не употребляла ни вина, ни масла, ни рыбы и только вечером вкушала немного овощей. Чрез несколько лет ей открыто было в видении, что наступает время её кончины. Она, привыкшая считать землю только местом изгнания и всегда своими желаниями переноситься к Небу, с радостью готовилась к переходу в лучшую жизнь. Юная Евпраксия предалась сначала сильной горести при мысли, что она останется сиротою, но мать утешила её, говоря, что ей нечего бояться, когда у ней – Отцем и Женихом Христос Иисус, а место матери займет настоятельница. Последнее наставление её Евпраксии было такое: «Страйся исполнить то, что ты обещала Богу. Бойся Бога и люби сестер. Не мысли в себе, что ты царского рода и они должны тебе служить, но служи всем со смирением. Будь бедною на земле, чтобы получить богатство на небе. Тебе принадлежит все мое имение, отдай его монастырю и молись за твоего отца и за меня, чтобы мы удостоились милосердия у Господа». Это было последнее наставление матери; скоро она скончалась и была погребена в монастыре. Евпраксии было не более 12-ти лет, когда скончалась её мать. Но она старалась подвизаться подобно взрослым. Сначала она вкушала пищу раз в день, но потом принимала её через два или через три дня, а наконец только раз в неделю. Она исправляла со смирением и охотою самые низкие работы в монастыре, никогда она не скорбела на множество труда; забывала и свои лета и свое происхождение, а служила как будто с юности пред назначенная к самым низким работам. Различные помыслы, внушаемые духами злобы, она разсеивала немедленным признанием пред настоятельницею и выходила победительницею из этой трудной борьбы. Всегда стоя на страже своих помыслов, полная смирения и преданности воле Божией, она безбоязненно

выносила самые сильные нападения врага. Зная, что послушание и отсечение своей воли есть лучшее средство к победе над врагами спасения, настоятельница, бдительно следившая за духовною жизнью Евпраксии, старалась преимущественно упражнять её в послушании. Желая испытать её послушание, настоятельница раз велела перенести с одного места на другое кучу камней, которые с трудом могли сворачивать с места две сестры. Евпраксии не пришло и на мысль, что ей дают дело, высшее сил, – она спешила исполнить приказание и сделала это. Много раз ещё настоятельница заставляла её перетаскивать эти камни с места на место. Она всегда с готовностью исполняла её приказания.

После этого опыта настоятельница велела ей смесить хлебы, испечь и разрезать, чтобы они готовы были сестрам в тот же вечер. Она исполнила и это. Стоя по целым часам пред монахинями, приготовляла кушанье, служила за столом, мела монастырь, колола и носила дрова в поварне, месила и пекла хлебы для всех сестер – таковы были её ежедневные занятия днем, но и ночью она не оставляла псалмопения. Но во всех низких службах – при всем её смирении видна была печать какого-то величия, которое свидетельствовало о её высоком происхождении. Тяжкие работы не изнуряли её тела. В двадцать лет она выше всех сестер была ростом, сильнее и крепче их, и красота нисколько не утратилась, но получила более прелести.

Любимая иуважаемая всеми сестрами, она умела сохранять любовь и к тем, которые делали ей неприятности. Одна сестра стала её упрекать в лицемерии и честолюбии за её великий рост и труды; когда настоятельница, узнавши это, хотела наказать сестру, Евпраксия первая была ходатаицей за нее и упросила и других старших инокинь просить за нее, и виноватая была прощена. Много перенесла она искушений и от дьявола, но всегда мужественная, всегда полная надежды на Бога, она не страшилась его нападений. Сестры видели особенно почивающую в ней благодать Божию, которая вскоре обнаружилась даром чудотворений. Одна женщина принесла в монастырь своего ребенка глухого и немого, прося молитв о исцелении. Настоятельница велела Евпраксии взять дитя у

ворот монастыря и принести к ней. Увидев дитя в таком жалком положении, Евпраксия, проникнутая жалостью, сказала ему, озnamеновав крестным знамением: Сотворивший тебя исцелит тебя. Потом она хотела взять его на руки, чтобы нести к настоятельнице, но лишь только взяла его, как увидела, что он совсем здоров. В другой раз привели бесноватую женщину, и настоятельница велела Евпраксии попросить у Бога ей исцеление: смиренная Евпраксия пришла в трепет от этого приказания. Посыпав голову пеплом и упав на землю в чувстве собственного недостоинства, она восклицала: увы мне! кто я ничтожная, чтобы дерзнуть мне изгнать беса, которого не могли осилить молитвы всех сестер? Но не смея прекословить воле настоятельницы, с горячею молитвой она поверглась в церкви, и бес оставил женщину. Эти опыты чудотворения только увеличивали в Евпраксии чувство смирения. В немногие годы Евпраксия достигла меры возраста совершенных, и Господь в сонном видении открыл настоятельнице, что Пресвятая Дева введет Евпраксию в жилище небесное и это случится чрез десять дней. С трепетом приняла это известие Евпраксия; зная одни свои немощи, с горькими слезами поверглась она к ногам настоятельницы и молила её испросить ей у Господа ещё год жизни, чтобы плакать, видя себя лишенною добродетелей и имеющею нужду в покаянии. Настоятельница подняла её и внушала ей твердость и преданность воле Божией. Между тем у Евпраксии открылась горячка, настоятельница велела отнести её в церковь, – там весь день сидели при ней сестры, ночью сменила их настоятельница с сестрою Юлией, более близкой к Евпраксии. Евпраксия сильно изнемогала; сестры собрались к ней, простились с нею и Юлия. Евпраксия на тридцатом году своей жизни скончалась. Сестра Юлия, бывшая наставницей у Евпраксии и молившая её перед смертью взять с собою, через пять дней после смерти Евпраксии тоже отошла в блаженную вечность. Не более тридцати дней прожила после смерти Юлии и настоятельница монастыря. Ей открыта была блаженная участь Евпраксии и Юлии и обещано ей то же упокойение. Собрав сестер и испросив их молитв, она просила их избрать вместо себя настоятельницу. Сестры выбрали Феогнию.

«Сестры избрали тебя, сказала ей настоятельница, чтобы ты управляла ими по закону Божию и по правилам монастырским. Заклинаю тебя именем Пресвятой Троицы не искать имущества и богатства мирских, не допускать сестер до забот земных, пусть они презирают блага временные, чтобы быть достойными благ небесных. Потом, обратясь к сестрам, сказала: любезные мои сестры, помните о том, как жила среди вас Евпраксия, старайтесь идти по её следам, если хотите получить её блаженную участь». Давши наставление, она затворилась в молитвенной храмине. На другой день нашли её здесь уснувшую вечным сном праведных. По её желанию она похоронена была вместе с Евпраксией и Юлией⁴⁷⁰.

В ряду подвижниц Египта одно из первых мест занимает Синклитикия. Чем для иноков был Антоний, тем для инокинь Синклитикия. Её высокая подвижническая жизнь и глубокая опытная мудрость с древних времен заслуживали особенное внимание. Если и не самим Великим Афанасием описана была жизнь её, то по крайней мере составление её принадлежит к временам, недалеким от Афанасия⁴⁷¹.

Родители Синклитикии были знатного и богатого рода Македонского и переселились в Александрию по усердию к Христианству. Она имела сестру и двух братьев. Один из братьев скончался в юности, другой достигший двадцати лет, принуждаемый вступить в брак, незадолго до дня брака переселился в небесное жилище. Будучи еще в доме родителей, Синклитикия более всего любила Бога. Непорочная душою была прекрасна и телом. Несмотря на многие предложения о супружестве, она желала соединения с одним Небесным Женихом и всегда избегала обращения с мужчинами, удалялась от всех увеселений, вредных и худых разговоров; любила пост, и принятие пищи ранее вечера делало её больною. По смерти родителей она взяла с собою сестру, лишенную зрения, и поселилась в могильном памятнике своего родственника. Распродавши свое имение и раздавши нищим, она призвала пресвитера и остиригла власы. Благодействие иноческого сана она считала столь великим, что не знала, чем возблагодарить за него Бога, ущедрившего её. В первые годы

подвижнической жизни она превзошла многих, но скрывала свои подвиги. Она не только вкушала мало хлеба и скудную меру воды, но хлеб у ней был отрубяной. Пост она увеличивала, смотря по тому, если воздвигалась против нее брань врага, увеличивала тогда и молитву. Но в мирные минуты она давала ослабу своему телу. «Во всю жизнь, говорила она, сохраняй умеренное правило поста. Не постись четыре или пять дней с тем, чтобы потом разрешить его на множество яств. Неумеренность всегда вредна». Её жизнь была Апостольская, в вере и убожестве сосредоточенная.

Слава о её подвигах привлекала к ней многих жен, которые просили у ней назидания. Долго она одним молчанием отвечала на их просьбы, отрекаясь давать наставления: «Зачем, говорила она, вы столько думаете обо мне грешнице, как будто бы я делала и говорила что- либо доброе? Мы имеем одного Учителя – Господа. Из одних и тех же источников почерпаем духовные воды, – из одних и тех же сосцев – Ветхого и Нового Завета питаемся молоком». Но неотступная просьба, желание доставить пользу заставили её давать наставления уже многим подвижницам, которые собирались вокруг нее и составили общежитие.

«Дети, – говорила она, – мы все знаем, как спасти, но по собственному нерадению оставляем свое спасение. Прежде всего нужно сохранять сию заповедь: возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твою и искреннего твоего, яко сам себе (Мф.22:37. 39). В сих заповедях лежит основание закона и в них же живет полнота благодати. Хотя изречение кратко по словам, но велика и неизследима сила, заключающаяся в нем. Все душеполезное есть следствие сих заповедей. Это свидетельствует и Павел, когда говорит, что любовь есть конец закона. И так все относящееся к лепоте духовной, при содействии благодати Духа, о чем бы ни сказали люди, проистекает из любви и в нее возвращается. И потому вот где спасение – в двоякой любви».

«Много трудов и подвигов предстоит приходящим к Богу, но потом ожидает их неизглаголанная радость. Желающие развести огонь сперва задыхаются от дыма и плачут, а потом

достигают, чего ищут: так и мы должны воспламенять в себе божественный огонь со слезами и трудами. Наше звание есть не что иное как отречение от жизни и помышление о смерти. Как мирские вельможи поручают слугам различные должности: иных отсылают в деревни для возделывания земель и распространения своего рода, а детей их, если найдут хорошиими, переводят в собственные дома для служения себе; так и Господь вступивших в честный брак поставляет в стране мира; а лучших детей, которые удостоились особенно счастливого избрания, поставляет на служение себе. Они свободны от всех мирских занятий, поскольку удостоились Господней трапезы. Не заботятся об одеянии, ибо облеклись во Христа. Над сими двумя состояниями один Господин – Христос. От одного Господа происходят как честно живущие в мире, так и избравшие отшельническую жизнь. Обручаясь с Небесным Женихом, мы возьмем за образец мірской брак. Если мирские жены, сочетаваясь с мужем, много заботятся о умовениях, о благовонных мазях и различном убранстве, чтобы сделать себя более привлекательными, то тем более мы, обрученные небесному Жениху, должны превосходить их в старании, должны омыть скверну грехов многотрудным подвижничеством и одежды телесные переменить на духовные. Они украшают тело земными цветами, а мы украсим добродетелями душу свою и, вместо многоценных камней, возложим на главу тройственный венец – веру, надежду и любовь. А шею перевяжем для красоты драгоценным ожерельем – смиренномудрием. Вместо пояса перепояшемся целомудрием. Убожество да будет у нас светлыми ткаными одеждами. На пире предложим нетленные пищи молитвы и пения. Нам должно стараться об украшении души не наружном, но внутреннем. Мы остригли власы, т. е. мирское украшение, честь, славу, имение, блистательные наряды, омовения, сладкие яства, снимем с себя и нагноения, покрывшие голову, то есть объявшие душу нашу худые помыслы. Остригши власы, мы сделали их видимыми. Так в девственнице или монахе приметны самомалейшие грехи, как в чисто выметенной комнате заметна бывает малая нечистота».

«Ты живешь в монастыре. Не переменяй места, иначе это сделает тебе большой вред. Птица если часто слезает с яиц, то они делаются болтунами; так монах или девственница, если часто переменяют место, охладевают и умирают для веры».

«Живя в монастыре, мы должны предпочитать послушание подвижничеству, ибо последнее научает высокомерию, а первое смиренномудрию».

«Каждый по собственному расположению должен назидать себя. Одним прилично жить в монастыре, другим полезно удаляться в уединение. Так, как из растений – одни цветут лучше на мокрых местах, а другие целее на сухих местах; равно и из людей – одни успевают на высоких местах, а другие безопаснее в местах низших. Многие спаслись и в городе, живя по пустынному, а многие и на горе погубили себя, делая людское. Ибо можно, обращаясь со многими, уединяться мыслию и будучи в уединении, мыслию обращаться со многими».

«Известна вам притча Евангельская о приносящих плод во сто, шестьдесят и тридцать крат. Сторичное число есть наше звание, число шестьдесятническое знаменует полк воздержных, а число тридцатническое живущих в брачной чистоте. Хорошо от тридцати переходить к шестидесяти; ибо хорошо от меньшего переходить к большему. Но от больших благ переходить к меньшим небезопасно. Однажды преклонившийся на худшее не может остановиться на первых ступенях, но стремится как бы в бездну погибели».

«Мы, принявшие на себя такой обет, должны сохранять целомудрие совершеннейшее. И у мірян есть целомудрие, но вместе есть и нецеломудрие; потому что они грешат всеми прочими чувствами, они смотрят нескромно и смеются безчинно».

«Пути к сохранению истинного целомудрия – это ограждение внешних чувств от неприличных зрелищ и слов, постоянное бдение над собою, строгое подвижничество и чистая молитва – это лучшие средства во всяком вредном помысле. Как острые лекарства врачают жестокие болезни; так молитва с постом прогоняет злые помыслы. Как может не зачерниться

внутренность дома, когда он извне окружен дымом и когда отворены окна? Посему нам должно воздерживаться от выхода на публичные места. Ибо не предосудительно ли смотреть на улицах до непристойности обнаженных и нескромные слова произносящих? От сего рождаются представления беспокойные и вредные. Если ты победила любодеяние грубое, то страйся, чтобы враг не вложил любодеяния в чувства твои. Он часто воздвигает внутреннюю брань, он припоминает отшельницам красивые лица, непристойные одежды, нескромные разговоры. Не должно сдружаться с такими представлениями, ибо они пролагают путь к греху. В людях, любящих Христа, дьявол часто и братскую любовь обращает в соблазн. Он многих девиц обольстил, прикрывшись благочестивой одеждой и братской наружностью. Это дело врага – одеваться в чужое платье и держать оружие под покровом. Если возникает в твоей мысли образ красивого лица, представь обезображенным, мертвым трупом, – и порочное желание оставит душу».

Спросили однажды блаженную Синклитику: произвольная нищета есть ли совершенное благо? Она отвечала: «Она совершенное благо для имеющих силу пребывать в ней. Живущие в нищете хотя и имеют скорбь по плоти, но спокойны душою. Как твердое платье, если его вымыть и крепко выжимать, становится чистым и белым; так и твердая душа от произвольного убожества более и более утверждается. Но чтобы оно принесло пользу, нужно прежде отречься от привычек роскоши, усовершиться в начальных добродетелях. Так Господь тогда только повелел юноше продать имение и раздать нищим, когда тот сказал, что он исполнил все добродетели (Мф.19:17). Не приобретшие навыка в добродетели скорбят об убожестве. Но добродетельные, раздав имения, свободнее прилепляются к Богу, на Него Одного возлагая надежду; их не мучит забота о земном богатстве, – с отъятием имения они освободились от большей части печалей и забот, и врагу нечем искушать их».

«Сколько велико убожество, столько сребролюбие низко и гнусно. Справедливо сказал Апостол, что оно причина всех зол. Не только Бог наказывает сребролюбцев, но они сами себя погубляют. Ненасытимые в желаниях, они всегда жалуются на

бедность. Сребролюбие всегда носит с собою зависть, которая измождает своего господина, прежде нежели он станет изнурять подобных себе, подобно ехиднам, которые умерщвляют своих матерей прежде, нежели наносят вред другим».

«Душа подобна кораблю, который иногда от внешних волн потопляется, иногда от внутреннего повреждения погружается на дно. И мы иногда погибаем со стороны внешней от грехов делом, а иногда от внутренних помышлений. Посему мы должны примечать и за внешними порывами ветров, и изгонять изнутри себя нечистые помыслы. Враг нападает сперва объядением, негою и любодеянием. Эти ветры большею частью дуют на юношеский возраст. За ними следуют сребролюбие, любостяжание и сему подобное. Но когда душа воздержала чрево, победила чистотою чувственные удовольствия, тогда враг возбуждает в ней гордость. Он показывает подвижнику, будто он познал то, что для многих остается тайною, приводит ему множество заслуг его, а все согрешения предает забвению, занимает ум мыслию о первенстве, учении, даровании, исцелении, и обольщенная душа тлеет и погибает».

«Отшельница, если придут к ней такие помышления, пусть идет в киновию. Пусть она принудит себя есть по дважды в день, если чрезмерное подвижничество подвергло её сей болезни. Искусные земледельцы, когда заметят, что растение прежде времени обременилось сучьями, лишние сучья отрезывают: так и великое подвижничество, обятое огнем гордости, нужно переносить в прохладные места и обрезывать лишние сучья. Сестры должны укорить и поносить возгордившуюся, как ничего не сделавшую доброго. Она должна исполнять все службы. Ей должно рассказывать жития Святых, и сестры сами должны на несколько дней усугубить труды подвижничества своего, дабы она, видя высоту добродетелей, менее о себе думала. Пусть говорят о такой: чем ты надмеваешься? Ты не ешь мяса, другие в глаза не видят и рыбы. Ты не пьешь вина, другие не употребляют и масла. Ты постишься до вечера, другие по три дня не едят ничего. Ты не моешься, другие и по болезни не умывали тела. Ты спишь на рогоже, другие на голом полу. Иные камни клали под себя, а

некоторые привешивали себя на целую ночь. Но если ты и все это делаешь, и то нечем гордиться. Демоны ни едят, ни пьют, ни посягают, ни спят. Так как с гордостью всегда неразлучно непослушание, то через послушание можно исцелить гордость. Как невозможно корабля устроить без кормила, так невозможно устроить спасения без смиренномудрия; оно должно быть началом и концом всех добродетелей. Как живем мы в киновии, то не надобно нам приобретать собственности и не надобно служить собственной воле, но во всем должно повиноваться отцу духовному (матери) по вере. Мы сослали себя в ссылку, т. е. стали вне пределов мира».

«Должно прилагать все старание о том, чтобы скрывать свои успехи. Ибо как открытое сокровище уменьшается, так и добродетель, если она открывается и обнародуется, – упраздняется. И как воск тает от лица огня, так душа растаивает от похвал и лишается твердости».

«Иначе должно врачевать нерадивых. И малые добрые дела их должно выхвалять, указывать на примеры великих грешников, которые через покаяние достигли царства небесного, чтобы нерадивые не впали в отчаяние».

«Хорошо не гневаться. Но если бы сие и случилось, то не позволено тебе и дня оставаться в этой болезни. Солнце да не зайдет в гневе вашем (Еф.4:26). Зачем ты ненавидишь оскорбившего тебя человека? Не он оскорбил тебя, но дьявол; гневайся на болезнь, а не на больного. Но гнев есть меньшее зло, а злопомнение тягчайшее из зол. Гнев на короткое время, встревожив душу, проходит; а злопомнение делает её лютее зверей. Любодеяние, любостяжание, убийство исцелялись от спасительного лекарства покаяния; но гордость, злопомнение, злословие, почитаемые за небольшие стрелы, многих умертили. Они умерщвляют не силою удара, но нерадением получивших рану. Так как они ни во что вменяли злословие и другие пороки, то вскоре от них и погибли. Не слушай речей злословия, чтобы не быть вместилищем чужих пороков. Если примешь в себя нечистые речи, то положишь пятно на твою молитву. Наслушавшись худых отзывов, на всех будешь смотреть косо и ненавидеть без всякой причины. Люби врагов,

не презирай беспечных и нерадивых. Истинно добродетельные, подражая Господу, Который ел с мытарями и грешниками, заботятся о спасении грешников и употребляют все средства, чтобы наставить их на путь спасения. Впрочем, тому, кто сам не испытал деятельной жизни, опасно приниматься за научение. Если бы кто, имея дом, близкий к падению, принял странных, то падением дома причинил бы им погибель. Подобно сему и не устроившие прежде себя вместе с собою погубили бы и тех, которые пришли к ним. Словами они призывали ко спасению, но нечистою жизнью более повредили живущим с ними. Слова без дел подобны картинам, писанным линючими красками; от ветра и дождя они стираются. Но учения, соединенного с деятельностью, не может изгладить целый век. Такое слово, вырезывая камень души, представляет очам истинное изображение Христа».

«Не отказывайся от поста под предлогом болезни; ибо и непостяющиеся часто подвергались таким болезням. Начал ты доброе дело? не отступай назад. Пусть враг сilitся воспрепятствовать тебе, но он падет пред твоим терпением. Предпринимающие плавание сперва пользуются попутным ветром, а потом, распустив паруса, встречают и противный ветер. Но несмотря на противный ветер, плаватели не разгружают корабля, а или останавливаются на короткое время, или вступают в борьбу с бурею и продолжают плавание. Так и мы, когда враждебный дух станет нападать на нас, распострем крест вместо паруса и будем безопасно совершать наше плавание. Чем более успевают подвижники, тем с сильнейшим врагом вступают в сражение. Дух уныния должно прогонять молитвою и псалмопением».

«Много у дьявола сетей коварных. Не успев поколебать душу бедностью, он уязвляет её богатством. Не одолел её оскорблениями и поношениями, вооружается на нее похвалами и славою. Не возмог обольстить душу удовольствиями, – он покушается сокрушить её невольными трудами. Если человек побеждает дьявола крепостью телесною, дьявол насыщает на нее болезни, чтобы люди малодушные ослабели в любви к Богу. Если ты грешник, то, страдая в болезнях, воспоминай о

будущем наказании, о вечном огне, о мучениях после суда, не малодушествуй в настоящих страданиях, но радуйся, что Бог посетил тебя, и повторяй сие прекрасное изречение: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя (Пс.117:18). Ты железо, – и огонь очистит твою ржавчину. Если ты праведен, то чрез сие от великого переходишь к большему. Ты золото, – и чрез огонь делаешься чище. Плоти твоей дадеся ангел (2Кор.12:7), торжествуй; смотри; смотри, кому уподобился? Ты удостоился чести Павловой. Ты искушаешься горячкою, наказуешься простудою? Но Писание говорит: проидохом сквозь огнь и воду, и извел еси ны в покой (Пс.65:12). Достиг ты первого, ожидай и второго. Успевая в добродетели, повторяй слова праведника: нищь и боляй есмь аз (Пс.68:30). Сия двоякая скорбь соделает тебя совершенным. Ибо Псалмопевец говорит: в скорби распространил мя еси (Пс.4:2). В сих училищах нужд и страданий будешь образовывать свою душу подвигами».

«Когда болезнь тяготит нас, не надобно скорбеть, что от боли и язв мы не можем воспевать Псалмы устами. Ибо болезни и раны служат к истреблению похотей; а и пост и земные поклоны предписаны нам для победления страстей. Если же и болезни исторгают сии страсти, то не о чем заботиться. Великий подвиг – терпеливо переносить болезни и среди них возсылать благодарственные песни Богу. Мы лишились очей. Не будем печалиться; внутренними очами мы можем созерцать славу Божию. Лишились слуха. Будем благодарить за то, что вовсе не будем слушать пустых речей. Не действуют руки. Но у нас есть внутренние дланы, готовые на брань со врагами. Все тело страждет болезнью, но чрез сие умножается здравие внутреннего человека».

В себе самой Синклитикия показала высокий пример терпения болезни подобно Иову. Ей было восемьдесят лет, когда её посетила изнурительная лихорадка и три года с половиною изнуряла её. Потом от загнившего коренного зуба начали у неё гнить десны, гноение перешло на уста и всю щеку. После сорока дней страдания в больных местах образовались черви, которые стали выходить наружу, самые кости заразились,

гнилость и зловоние распространились по всему телу так, что с трудом могли быть при ней прислужницы. Блаженная страдалица отказывалась от всякого человеческого пособия. И только согласилась на употребление мази для уничтожения зловония. Три месяца страдала она, не принимая никакой пищи и не зная сна. За три дня до кончины она сподобилась небесного видения, в котором открыто было время её кончины, и она мирно почила в назначенный ей день.

Так подвизались святые жены в Египте. Пастыри церкви особое попечение прилага ли об их благосостоянии. Когда возникло гонение Ариан в Александрии, злоба сих врагов имени Христова пала и на девственниц. Ариане подвергали их поруганиям, ранам, смерти и не позволяли даже погребать умерших. Св. Афанасий писал к ним несколько утешительных посланий⁴⁷².

Продолжение следует...

Примечания

¹ - Беляев А. А., прот. Профессор Московской Духовной Академии Петр Симонович Казанский // Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1914. С. 278.

² - Беляев А. А., прот. Профессор Московской Духовной Академии П.С.Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном. Сергиев Посад, вып. 1. 1910. С. 34.

³ - Беляев А. А., прот. Профессор Московской Духовной Академии П.С.Казанский и его переписка... Вып. 1. 1910. С. 32.

⁴ - Там же. С. 32.

⁵ - Там же. С. 34.

⁶ - Казанский П. С. Св. Макарий Египетский // Прибавления к творениям святых Отцев. Ч. 3. М. 1845. С. 105–146.

⁷ - Беляев А. А., прот. Профессор Московской Духовной Академии П.С.Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 98.

⁸ - Прибавления к творениям святых Отцев. Ч. 3. М. 1845. С. 105–146.

⁹ - Там же. Ч. 10. М. 1851. С. 528–562.

¹⁰ - Там же. Ч. 12. М. 1853. С. 598–640.

¹¹ - Там же. Ч. 13. М. 1855. С. 195–248.

¹² - Там же. Ч. 14. М. 1856. С. 31–73.

¹³ - Там же. Ч. 15. М. 1856. С. 596–609.

¹⁴ - Там же. Ч. 17. М. 1857. С. 14–26. Ч. 16. М. 1857. С. 7–53.

¹⁵ - Там же. Ч. 16. М. 1857. С. 578–605.

¹⁶ - Беляев А. А., прот. Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. 2, 1916. С. 302. Письмо от 25 сентября 1869 г.

¹⁷ - Беляев А. А., прот. Профессор Московской Духовной Академии П.С.Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 92–93.

¹⁸ - Там же. С. 93.

¹⁹ - Соколов И. Из воспоминаний об академических чтениях по древней гражданской истории профессора Московской

Духовной Академии П. С. Казанского» Душеполезное чтение, 1879, ч. 2. С. 48.

²⁰ - о. Алексий (А. Ф. Лавров), проф. Слово перед отпеванием заслуженного профессора Московской Духовной Академии Петра Симоновича Казанского, 16 февраля 1878 г. // Православное обозрение, 1878. т. 1. С. 489–490.

²¹ - Беляев А. А., прот. Профессор МДА П. С. Казанский и его переписка... Вып. 2. С. 358.

²² - Там же, С. 361, примечание.

²³ - Прибавление к творениям святых Отцев. Ч. 24. М. 1871. С. 621–676.

²⁴ - Там же. С. 789–889.

²⁵ - См.: Беляев А. А., прот. Профессор МДА П. С. Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 57–61.

²⁶ - Там же. С. 62.

²⁷ - См.: Беляев А. А., прот. Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 62–68. См. также: Беляев А. А. Профессор Московской Духовной Академии Петр Симонович Казанский // Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1915. С. 280–285.

²⁸ - См.: Беляев А. А., прот. Профессор МДА П. С. Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 282.

²⁹ - Там же. С. 283.

³⁰ - Об обстоятельствах защиты см.: «Современные известия», 1873, №275.

³¹ - Беляев А. А., прот. Профессор МДА П. С. Казанский и его переписка... Вып. 1. С. 69, примечание 1.

³² - Памяти заслуженного профессора МДА П. С. Казанского // Православное обозрение, 1878, март, т. 1. С. 499–500.

³³ - Памяти заслуженного профессора МДА П. С. Казанского // Православное обозрение, 1878, март, т. 1. С. 495. Речь, произнесенная профессором Академии Д. Ф. Голубинским.

³⁴ - Там же. С. 498. Речь приват-доцента Академии В. А. Соколова.

³⁵ - Памяти заслуженного профессора МДА П. С. Казанского // Православное обозрение, 1878, март, т. 1. С. 500. Речь профессора Академии Е. Е. Голубинского.

³⁶ - Там же. С. 500.

³⁷ - Сергий (Спасский), архим. Лавсаик и история египетского монашества/ЧОЛДП, 1882, ч. 1, отд. 1. С. 197–248.

³⁸ - Лебедев А. П. Новые и старые источники истории первоначального монашества» Богословский вестник, 1892, № 4. С. 1–37.

³⁹ - Палладий (Кафаров), архим. Новооткрытые сказания о преп. Макарии Великом по коптскому сборнику. Казань, 1898; его же: Новооткрытые изречения преп. Антония Великого. Казань, 1898; его же: Св. Пахомий Великий и первое иноческое общежитие. Казань, 1899.

⁴⁰ - Православное обозрение, 1878, т. 1, март. С. 500.

⁴¹ - Cass. coll. XVIII.

⁴² - Proleg. ad vit. Pachom. Acta. § 3. Bolland.

⁴³ - Беседа 68 на Евангелие от Матфея.

⁴⁴ - Беседа 69, 70, 72 на Евангелие от Матфея.

⁴⁵ - Chrys. tom. 1. pag. 143–148.

⁴⁶ - Rufini Hist. monach. Patrol. curs. compl. T. XXI. pag. 390.

⁴⁷ - Созомен. Церковная история. Кн. 1, гл. 12.

⁴⁸ - Evsev. Hist. Eccl. L. 2. c. 23. Hieron. adv. Jovianum.

⁴⁹ - Hier. contra Vigilantium L. 1. c. 26.

⁵⁰ - Epiph. adver. Haer. 38, 4. 78. Procli orat. 6.

⁵¹ - Hieron. ad. Tit. 2, 7. Antiochi Monachi. hom. 112.

⁵² - Isidor. Pelus. L. 1. Epist. 87. Athanas. vita Synclit.

⁵³ - Evsev. Hist. Eccl. L. 3. c. 29. 31.

⁵⁴ - I. Damascini Parallila.

⁵⁵ - Послание к Поликарпу, гл. 5.

⁵⁶ - Constit. Apost. L. IV. c. 14.

⁵⁷ - Epist. 1. ad Corinth, c. 39.

⁵⁸ - Hieron. L. 1. contra Lovianum. Epiph. Haeres. 30. c. 15.

⁵⁹ - Кто хочет быть уважаем более, нежели Епископ.

60 - Const. Apost. L. VIII. c. XIII. n. 76.

61 - Кроме названия аскетов, они назывались Ἐκλεκτῶν Ἐκλεκτούροι, ибо все Христиане назывались Ἐκλέκτοι Clim. Alex, in hom. quis divers salvetur n. XXXVI. Epiph. exposit. fidei n. 22.

62 - Dion. Асеор. О земной Иерархии.

63 - Hist. Eccl. L. II. c. 17.

64 - Apologia major. § 18.

65 - Legatio pro Christ. § 33.

66 - Octavius c. 31.

67 - Contra Cels. 1, 7.

68 - Ad uxor. L. 1. 1. c. 4. 6.

69 - Comber. Biblioth. Patr. Pars. 1 р. 64 и далее.

70 - Orat. 1.

71 - Orat. 5.

72 - Orat. 6.

73 - Слово о благочинии и одежде девственниц.

74 - Прав. Корф. Соб. 6, 53. Девы, выходя из дома родительского, поручались честнейшим девам (Пр. 53). Девы, после произнесения обета вступившие в брак, подвергались епитимии двоебрачных (Соб. Анк. пр. 19).

75 - ἀυτοπαρθένου_с ἀσκητρία_с Evs. de mart. Palaest. c. 5.

76 - Там же. С. 8, 9.

77 - Acta SS. Mm. Mart. 18 d.

78 - Творение Григория Богослова. Сл. 18.

79 - Athan. in vita s. Ant.

80 - Evs. Hist. Eccl. L. VI. c. 10. Hist. Eccl. Socr. L. IV. c. 23.

81 - Evs. de mart. Palaest c. 10, 11.

82 - Закон против безбрачной жизни уничтожен только Константином Великим. Evsev. de vita Constan. IV, 26, и первоначально ради девственников и девственниц христианских, отрекавшихся от брака по религиозным побуждениям.

83 - Hoc praestat carcer Christiano, quod eremus Prophetis. Tertull. ad Martyres. cap. II.

⁸⁴ - Oper. Chrysosth. T. I, Advers oppugnat. vitae monast. n. 7.

⁸⁵ - Homii. in Math. VII.

⁸⁶ - Demonstr. Evang. p. 227.

⁸⁷ - Путешествие по Египту Норова. Ч. И. С. 350.

⁸⁸ - Жизнь Преподобного Антония описана св. Афанасием

Александрийским. Св. Афанасий не только был современником Антония, но немало времени жил при нем, как сам пишет. О том, что сие житие действительно принадлежит Афанасию, свидетельствует святой Григорий Назаинзин в похвальном слове Афанасию, святой Златоуст в 8-й беседе на Евангелие Матфея и блаженный Иероним. Кроме Афанасия, об Антонии говорит Палладий (Лавсаик, гл. 23–26), Сократ (Церковная история. Кн. 4, гл. 23). Многие изречения его и рассказы о нем собраны в достопамятных сказаниях о подвижничестве Отцев. М., 1843, с. 3–12. Созомен. Церковная история. Кн. I, гл. 13. Руфин Hist. monach.

⁸⁹ - Sozom. H. E. L. I. с. 13. Гераклеополь ныне Ahnas находится в Среднем Египте.

⁹⁰ - Кассиана собеседование с Аввою Пафнутием о трех отречениях.

⁹¹ - Церковная история. Кн. 1, гл. 13.

⁹² - Vit. Ant. S. Ath. n. 30, 40.

⁹³ - Так говорит святой Афанасий.

⁹⁴ - Гераклеополь находился на западном берегу Нила: монастырь Антония, по древнему разделению, в Афродитопольском округе на восточном берегу Нила. Description de l'Egypte faite pendant l'expedition de l'armee Francaise. T. IV. 1821. p. 420.

⁹⁵ - παρεμβολὴ означает укрепленный лагерь. Такого рода лагерей немало было в Египте в прежнее время, особенно по берегам Нила; в них жили войска, которые должны были охранять Египет. Letronne Recueil. Том. I. р. 10, 11.

⁹⁶ - Путешествие по Египту и Нубии Норова. Ч. II. С. 344–349.

⁹⁷ - Vit. Ant. n. 31.

98 - Достопамятные сказания о подвижничестве Святых и блаженных Отцев. С. 5.

99 - Там же. С. 9.

100 - Там же. С. 3.

101 - Там же. С. 3, 1.

102 - Cassian Coll. 9. с. 10.

103 - Палладий. Лавсаик, гл. 3.

104 - Vit. Ant. п. 46.

105 - Vit. Ant. п. 44.

106 - Они переведены с арабского языка на Латинский Маронитом Авраамом Эхилленским и первый раз изданы в Париже в 1646 г. Подлинность сих слов подтверждается всеобщим преданием Восточных монахов, принадлежавших к разным вероисповеданием – Мелхитов, Иаковитов, Несториан, Коптов, Ефиопов и Маронитов.

107 - Письмо. 17-е.

108 - Извлечено из 20 слов Антония к монахам. Христ. чт. ч.

20. С. 293–326.

109 - Cass. Coll. 2, 4. с. 10, 12.

110 - Vita PP. L. 7. с. 26. п. 4.

111 - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 11.

112 - Там же. С. 4.

113 - Там же. С. 4.

114 - Там же. С. 12.

115 - Там же. С. 8.

116 - Там же. С. 4.

117 - Там же. С. 5.

118 - Там же. С. 12.

119 - Vita Ant. S. Athan.

120 - Ibidem, п. 73.

121 - Созомен. Церковная история. Кн. I, гл. 13.

122 - Боколией называлось взморье при впадении Нила на Восток от Александрии.

123 - Пустыня Антония была недалеко от Клисмы (Мосх. Луг Духовный, гл. 132).

124 - Vita S. Hilar, с. 26.

125 - Так называется первый монастырь Антониев. Палладий. Лавсаик, гл. 23.

126 - Палладий. Лавсаик, гл. 23.

127 - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 33–38.

128 - Vita Ant. п. 30.

129 - Vita Ant. п. 77.

130 - Vita Ant. п. 72–80.

131 - Vita Ant. п. 61, 63, 64.

132 - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 11.

133 - Там же, С. 5, 6. Vita Ant. п. 59.

134 - Созомен. Церковная история. Кн. I, гл. V.

135 - Vita Ant. п. 67.

136 - Письмо Антония к монахам, 4-е. Христианское чтение, гл. 22. С. 166.

137 - Письмо 17-е. Христианское чтение, гл. 35, 22.

138 - Палладий. Лавсаик, гл. 4.

139 - Vita Ant. 69. 70.

140 - Созомен. Церковная история. Кн. 2, гл. 31.

141 - Когда посещал Антония Макарий Египетский, то они плели корзинки из пальмовых прутьев.

142 - Перейдя во внутреннюю пустыню, Антоний несколько времени брал хлеб из монастыря, но потом ему не захотелось есть чужой хлеб, и он, взявши орудия, возделывал землю подле своей горы. Vita Ant. п. 67.

143 - Палладий. Лава, гл. 26. Созомен. Церковная история. Т.1, гл. 13.

144 - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 239.

145 - Histor. Mon с. XXXI.

146 - Ibid.

¹⁴⁷ - Пещера Павла на горе Холзим в прямую линию от горы Антония отстоит не более как на четыре версты, но она отделена столь высокою и крутою стеною, что обход вокруг нее очень продолжителен. Путешествие по Египту Норова. Ч. II. С. 354.

¹⁴⁸ - Житие Павла Фивейского и встреча Преподобного с ним Антония описаны вероятно со слов самого Антония, кем-либо из ближайших его учеников. Автор пишет: когда Антонию пришла мысль, как он сам рассказал мне. Это житие, переведенное с очень древней Греческой Баварской рукописи на Латинский язык, помещено *in vita Sanet.* Т. I. Ianu. 10. р. 605. В сочинениях блаженного Иеронима есть также жизнь Св. Павла Фивейского. Во многих местах своих сочинений он сам свидетельствует, что писал жизнь Св. Павла Фивейского. Я послал тебе, – писал он Павлу подвижнику Кондарийскому, – другого тебя, старцу Павлу старейшего Павла (*Epist. 21. ср. liber, de illustrib. Eccles. scriptoribus.* с. 135. *chronic, ad. an. 19 Constantin*). То и другое житие Павла Фивейского согласны между собою по содержанию.

¹⁴⁹ - Год рождения Павла Фивейского можно определить по житию его. Когда Антоний пришел к Павлу, он уже 91 год был в пустыне, в которую удалился 22-х лет. Следовательно, ему было 113 лет. Антоний, родившийся в 251 году, пришел к нему 90 лет от роду, следовательно Павел родился около 228 года.

¹⁵⁰ - *Vita Ant.* п. 87.

¹⁵¹ - *Hist, arian* р. 552. *vita Ant.* п 82.

¹⁵² - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 11. *concion.* Т. I, р. 5.

¹⁵³ - Св. Афанасий не называет сих учеников по имени, а говорит, что они пятнадцать лет служили ему и погребли его. Блаженный Иероним в жизни св. Павла Фивейского говорит, что он слышал рассказ об нем от учеников Антония: Амафы и Макария, из коих первый хоронил его. Палладий приводит слова Крония об Макарии и Амафе, говорившего, что сии два ученика похоронили Антония. Когда Иларион посетил гору Антония, спустя три года после его смерти, то нашел двух

учеников Антония, Исаака и Пелузиана, повидимому бывших прежде с Антонием.

154 - До нас дошло 20 писем Антония к монахам. Он писал их на Египетском языке, на котором они и доселе сохраняются в некоторых Египетских монастырях. Еще в VI веке с Египетского они переведены на Греческий язык, в VIII веке на Арабский, в XVII веке Маронитом Авраамом Ехелленским переведены с Арабского на Латинский, и изданы в 1641 году в Париже. Из содержания писем видно, что они писаны были Антонием в старости. О подлинности первых семи писем свидетельствует Иероним (Catalog, de. vir. illustr. cap. 88), который называет их имеющими дух Апостольский, и лучшим из них называет шестое письмо к монахам Арсинойским. Фотий в своей библиотеке (cod. 198) приводит свидетельство древнего Греческого писателя, который приписывает сии письма Антонию. Подлинность прочих тридцать писем видна из сходства слога и духа их с первыми письмами Антония (Comber. Recens. autor. Bibl. concian. T. I. p. 5).

155 - Письмо 14-е. Христианское чтение. 1829, ч. 34. С. 41–44.

156 - Письмо 15-е, там же. С. 48.

157 - Извлечение из писем Антония предложим мы ниже.

158 - Кроме 20 писем и 20 поучений Антония Великого, дошло до нас еще: 1) Слово о суете мира и воскресении мертвых. Оно найдено в древней Латинской рукописи Алда Минуция и в первый раз напечатано Жерардом Воссием в мае месяце 1604 г. в собрании сочинений разных святых Отцев, и изданном в одной книге с сочинениями св. Григория Чудотворца. 2) Антонию Великому приписываются еще наставления для нравственности человеков и доброй жизни во 170 главах. Иоанн Маврокордато, издавший их в 1782 г. на Греческом языке в Добротолюбии, подтверждает их подлинность свидетельством Петра Дамаскина, жившего в половине VIII века, но Каве, Удино, Фабриций и другие считают их произведением Антония Мелиссы, жившего около половины VII в. (Fabr. Bibl. tom. 9. p. 262). В самом деле, эти наставления

не имеют той простоты, которая дышит в подлинных писаниях Антония Великого. 3) Духовные наставления детям своим монахам. Эти духовные наставления едва ли принадлежат Антонию Великому. Между прочим здесь пишется: «Обращай внимание на одежду свою, и вспоминай те слезы покаяния, которыми ты орошал ее, когда облекся в нее». Здесь видно уже указание на обряд пострижения и облачения в иноческую одежду, чего при Антонии Великом не было. 4) Правила духовным детям своим монахам. Сии правила встречаются еще у Венедикта Аньянского, жившего около 800 г., в собрании правил инокам и на Арабском языке. 5) Ответы на некоторые вопросы, предложенные братией. Все сии писания Антония напечатаны в 1788 г. в Библиотеке древних Отцов, изданной Голландом в Венеции.

- 159 - Письмо 17-е.
- 160 - Письмо 1-е. Христианское чтение, ч. 22. С. 40.
- 161 - Письмо 1-е. Христианское чтение, ч. 35.
- 162 - Письмо 6-е. Христианское чтение, ч. 24. С. 176.
- 163 - Письмо 6-е.
- 164 - Письмо 16-е. Христианское чтение, ч. 34. С. 236.
- 165 - Письмо 7-е. Христианское чтение, ч. 31. С. 16.
- 166 - Письмо 6-е. Христианское чтение, ч. 2. С. 182–189.
- 167 - *Vita Ant. L. 7. c. 15. n. 1.*
- 168 - Письмо 18-е. Христианское чтение, ч. 35. С. 140.
- 169 - Письмо 17-е. Христианское чтение, ч. 35.
- 170 - Письмо 7-е.
- 171 - Письмо 6-е.
- 172 - *Hieron. Epist. 127.*

173 - Спустя 16 лет после смерти Антония, Руфин видел учеников Антония, славных простотою жизни (Церковная история. Кн. I, гл. 13), Апостольскою чистотою сердца и даром чудотворения, во всех замечательных обителях Среднего Египта, кроме двух Макариев, Исидора в Ските, – Памво в Келлиях, Моисея и Вениамина в Нитрии, Илию и Павла в Алемоте, другого Павла в Фоках (*Hist. Eccles. c. VII*).

174 - Vita Ant. n. 94.

175 - Hieron. vita S. Hilar, c. 26.

176 - Vit. pp. 1, 6. libell. 3. n. 6. Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 250. 12.

177 - Cotel. t. I. p. 672. Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 254. 23.

178 - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 184. 6.

179 - Vit. pp 1. s. lib. 13. n. 47. Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 250. 11.

180 - Lib. 5. Lib. 1. n. 17. Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 256. 37.

181 - L. 5. Lib. 15. n. 44. Там же. С. 240. 8.

182 - n. 46. Там же. С. 251. 14.

183 - L. 5. lib. 4. п. 38. Достопамятные сказания, 248. 3.

184 - n. 23. Достопамятные сказания, 251. 13.

185 - L. 5. lib. 4. n. 36. Достопамятные сказания, 249. 7.

186 - n. 37.

187 - L. 6. lib. 9. n. 5. Достопамятные сказания, 249. 6.

188 - Cot. 1. 1. p. 669. Достопамятные сказания, 252. 17.

189 - L. b. 5. lib. 4. п. 39. Достопамятные сказания, 248. 4.

190 - L. 6. lib. 3. п. 6.

191 - Достопамятные сказания, 248. 1.

192 - L. 3. п. 103. Достопамятные сказания, 256. 32.

193 - Cot. t. 1. p. 670. Достопамятные сказания, 253. 14.

194 - Cot. t. 1. p. Достопамятные сказания, 193. 12.

195 - n 16 p. 674. Достопамятные сказания, 255. 28.

196 - Id. p. 672. Достопамятные сказания, 254. 25.

197 - Id. p. 675. Достопамятные сказания, 256. 33.

198 - Id. 672. 254. 24.

199 - Id. 676. Достопамятные сказания, 257. 40. 4. id. 673.

200 - Id. 673.

201 - Достопамятные сказания, 252. 16.

202 - Vita pp. 1. 6. lib. 2. n. 14. Достопамятные сказания, 250.

10.

203 - Bult. 1. 1. с. 3. п. 7. Достопамятные сказания, 253. 21.

204 - Достопамятные сказания, 248. 2.

205 - Cot. t. 1. р. 671. Достопамятные сказания, 254. 22.

206 - Ibid. Достопамятные сказания, 254. 22.

207 - Vita pp. 1. 3. п. 162. Достопамятные сказания, 258. 12.

208 - Достопамятные сказания, 225. 186.

209 - Bult. 1. I.e. 3. п. 7.

210 - Палладий. Лавсаик, гл. 28 и 68. Пустыня Порфирий лежала вероятно к Югу от горы Антония, ближе к Тавенне. Кассиан называет Порфирий глубочайшей пустыней, отстоящей от жилищ человеческих на семь переходов, Vit. pat. р. 551. 6.

211 - Луг Духовный, гл. 120.

212 - Жизнь Постумия напечатана *in vita* Patr. р. 232–236.

213 - Палладий. Лавсаик, гл. 65. Руфин. Hist. Monach.

214 - Луг Духовный, гл. 132.

215 - А. С. Норов. Путешествие по Египту 7. 2. С. 354.

216 - Жизнь Пахомия написана со слов учеников его в IV столетии. Bolland. Acta SS. Mens. Majus d. 14. Том. III. р. 203. Слова Антония приводятся в сей жизни, п. 77.

217 - Vita Pach. п. 1. 2. 3.

218 - Письмо Аммона к Феофилу. Христианское чтение, ч. 26. С. 19–21.

219 - Vita Pach. п. 7.

220 - Vita Pach. п. 7–8. Тавенна находится в Фиваиде. Она принадлежала к ному Тестерийскому (Schampillon L. Egypte sous. Pharaon. Том. 1. р. 236). Название Тавенны принадлежало собственно острову на Ниле, хотя Пахомий поселился не на острове. Тавенна с Египетского языка значит место, обильное пальмами Изиды. Арабы зовут сей остров Джезиреель-Гариф, т. е. западный остров. Пахомий поселился в Тавенне между 312 и 320 г.

221 - Vita Pach. п. 9–16.

222 - Vita Pach. n. 17.

223 - Vita Pach. n. 20.

224 - Более подробное изложение устава Пахомия Великого находится у блаж. Иеронима, переведенное с Греческого. Patrol. Curs. Compl. Т. XXII р. 62–80. В жизни Пахомия встречаются правила иноческие, данные Ангелом (п. 7) и писанные самим Пахомием (п. 57). У Палладия (Pallad. Lavs. с. 37) и Созомена (Н. Е. 3, 14) есть также краткое известие об уставе Пахомия. Довольно подробно говорит об этом уставе Кассиан (Cass. epist. ad. Castor de coenobiorum institutis).

225 - Пабау, у Шампольона Prou (L’Egypte sous Pharaons Том. I, р. 242–246) находился в окрестностях Диосполя немного к Северу от Тавенны на восточном берегу Нила.

226 - От города Хоюбоскіа, по-коптски Schineset, находился к Югу несколько от острова Тавенны на восточном берегу Нила (СатроПоп L’Egypte sous Phar. Tot. I. р. 241. 242).

227 - В округе Тентирийском выше Тавенны, у Шампольона Thmonsohons. Loco citato р. 235.

228 - Champolion L’Egypte sous Pharaons Том. I. р. 184. 246.

265.

229 - Vit. Pach. n. 50–52. 35. 72.

230 - Блаженный Иероним приводит в Латинском переводе несколько писем Пахомия, писанных этими таинственными знаками. Для нас они не понятны. Приводим для образца одно письмо Пахомия, писанное к Сурп: Momenta, quae scripserim tibi V, in epistola propter Tav scriptum, et recordare, et scribe Ni propter Sigma quod scriptum est. Num quid Xi non est V, quod in Kappa convertitur? In his omnibus recordare, scribe Ni et Iota ut Alpha pulchre scribatur in gratiam excelsorum. Numquid Mi non est V et Kappä Kappa non est Tav? Aperi os tuum et leva faciem tuam, ut oculi tui videant, et possis legere, quae scripta sunt. Attende diligenter, et cave, ne scribas Delta super Phi, et inveterescant dies tui, et aquae tuae imminuantur. Memento, et scribe Theta et Ro, ut Ro scribatur bene. Patr. Curs. Compl. Том, XXIII. р. 87. Cp. Sozom. Н. Е. L. 3. с. 14. Палладий. Лавсаик, гл. 34. Кажется, иероглифы Египетские послужили первообразом для сего языка.

231 - Hieron. Paef. ad reg. Pach. 7. 8. Patrol. Cur. Compl. 23.
p. 64.

232 - Ibid. p. 95. 96. 99.

233 - Hier. Praef. ad. reg. Pach. 3. 6. 7.

234 - Regul. Pach. n. 159. 169. 170.

235 - Praecep. Pach. 152. 153. 159. 168–170. 176. 181. 182.

190.

236 - Praecep. Pach. 156. 21.

237 - Reg. Pach. 39. 40.

238 - Cassiani de coenob. instit. lib. 4. cap. III. IV. V. VI. Regula
Pach. apud. Hiron. XLIX.

239 - Cass. de. coenob. instit. 1. 1. Hieron. praef. ad. reg. Pach.
n 4. Sozom H. E. 3, 14. Палладий. Лавсаик, гл. 24.

240 - Regula Pach. n. 139. 140.

241 - Cass, de coenob. instit. 1. 4. n. 8. 9.

242 - Палладий. Лавсаик, гл. 34.

243 - Cass. de coenob. instit. n. 10. 12. Regula et instituta
Pach.

244 - Bolland. vita Pach. c. 2. n. 27.

245 - Cassiani de coenob. instit. Lib. 2. Reg. Pach. 9. 10.

246 - Regula Pach. 20. 115.

247 - Cass. de coenob. instit. L. 2.

248 - Ibid. lib. 3. n. 2. Reg. Pach. 14.

249 - Vita Pach. n. 18.

250 - S. Cyrill. op. Tom. 5. ep. p. 2. p. 211.

251 - Regula Pach. n. 9. 31. 32. 121. 125. 126.

252 - Ibid. n. 10.

253 - Regul. n. 11. 187.

254 - Reg. n. 28. 36. 37. 60. 59. 116.

255 - Boll. V. S. Pach. c. 5. п. 38.

256 - Regul. Pach. n. 100. 25.

257 - Reg. Pach. 20.

258 - Boll. v. Pach. c. 6. n. 49.

259 - S. Pach. paral. c. 1. n. 1.
260 - Boll. v. S. Pach. c. 5. n. 37.
261 - Reg. S. Pach. n. 122.
262 - Reg. S. Pach. n. 22.
263 - Boll. v. s. Pach. c. 5. n. 37.
264 - Regul. S. Pach. n. 69.
265 - Ibid. п. 33. 34. 58. 56. 60.
266 - 16 н. 57. 85. 86.
267 - Ibid. n. 111. 89.
268 - Cass, instit. I. 4. c. 1.
269 - Ibid. n. 84. 69. 74. 95. 123. 127. 157 и пр.
270 - Ibid. n. 58. 59.
271 - Hieron. praef. ad. reg. Pach. n. 2. Reg. Pach. n. 70. 115.

182.

272 - Ibid. 189. 118.
273 - Regul. n. 25. 26.
274 - Praec. atque judicia Pach. 166–176.
275 - Reg. n. 133. 181.
276 - Reg. 154.
277 - Reg. n. 168–170. 176. 190. 191.
278 - Cass. inst. I. 4. c. 16.
279 - Cp. Reg. Pach. n. 125.
280 - Praecep. atque judic. Pach. n. 160–176.
281 - Boll. v. s. Pach. c. 5. n. 3.
282 - Cass, de coenob. inst. c. 4.
283 - № 55. 58. 62. 104.
284 - Cass. de coenob. inst. Lib. 4, c. 13. 14.
285 - Hieron. praef. in Reg. S. Pach.
286 - Regul. Pach. n. 70. 71.
287 - Boll. v. s. Pach. c. 3. n. 38.
288 - Reg. s. Pach. n. 66.
289 - Reg. Pach. n. 74.
290 - Reg. Pach. n. 147. 148. 131.

291 - Ibid. n. 152.

292 - Reg. Pach. n. 149.

293 - Ibid. n. 132.

294 - Ibid. n. 120.

295 - Лавсаик, гл. 35. V. pp. 1. 8. с. 39.

296 - Hieron. praef. ad regul. Pach. n. 6.

297 - Reg. Pach. n. 25. 26. 27.

298 - Reg. Pach. n. 25.

299 - Ibid. n. 58. 59.

300 - Ibid. n. 60. 62–66.

301 - 25–27. 145. 146.

302 - 179.

303 - Reg. Pach. n. 164.

304 - Cass. inst. 1. 4. с. 11.

305 - Reg. Pach. n. 112.

306 - Cass. de coenob. inst. 1. 3. с. 12.

307 - Reg. Pach. n. 80.

308 - Cass. de coenob. inst. 1. 4. с. 22.

309 - Regul. Pach. n. 29. 30.

310 - Cass. de coenob. inst. L. 4. с. 17. Reg. Pach. n. 30–34.

311 - pp. 1. 2. с. 3. et. 1, 8. с. 48. Лавсаик, гл. 43.

312 - Reg. Pach. n. 34.

313 - Ibid. n. 78.

314 - Ibid. n. 72. 79.

315 - Reg. Pach. n. 76.

316 - Ibid. n. 45.

317 - Reg. Pach. n. 42. 46. 47.

318 - Hieron. ep. 22.

319 - Boll. v. s. Pach. n. 34.

320 - Reg. Pach. n. 160–174.

321 - Ibid. n. 161.

322 - Ibid. n. 179.

323 - Ibid. n. 91–96. 166.

324 - Ibid. n. 109.

325 - Reg. Pach. п. 53–56. 108.

326 - Ibid. n. 54.

327 - Ibid. n. 51.

328 - Boll. v. s. Pach. с. 4. п. 28.

329 - Reg. Pach. n. 51.

330 - Ibid. n. 109.

331 - Ibid. п. 53. 54.

332 - 53.

333 - Boll. v. s. Pach. paral. с. 1. в. 5. et. 6.

334 - Regul. Pach. n. 87. 88.

335 - Ibid. n. 94.

336 - Ibid. n. 127.

337 - Vita Pach. n. 19.

338 - Vita Pach. n. 32.

339 - Reg. Pach. n. 172. 173. Vita Pach. n. 28. 35. 55. Paralip. Pach. n. 25.

340 - Vita Pach. 1. 4. n. 27. и след.

341 - Patrol. Curs. Compl. XXIII. Opera Hier. p. 85.

342 - Vita Pach. n. 27.

343 - Vita Pach. n. 60.

344 - Ibid. n. 75.

345 - Bolland. Pach. paralip. с. 4. n. 34

346 - Bolland. Pach. paralip, с. 2. n. 25.

347 - Ibid. с. 1. n. 5. 6.

348 - Ibid. с. 6. n. 43.

349 - Ibid. с. 3. n. 23.

350 - Bolland. Pach. paralip. с. 3. n. 21. 22.

351 - Vita Pach. n. 58.

352 - Между сочинениями блаж. Иеронима приводится XI писем Пахомия.

353 - Vita Pach. n. 47.

354 - Ibid. n. 55.

355 - Vita Pach. n. 62. 17.

356 - Ibid. n. 33.

357 - Vita Pach. n. 49. 71.

358 - Vita Pach. n. 49.

359 - Ibid. n. 44.

360 - Paralip. Pach. n. 32.

361 - Vita S. Pach. n. 10. Parall.

362 - Boll. vita. S. Pach. n. 23.

363 - n. 24.

364 - n. 25.

365 - Cap. 17. п. 83.

366 - Ibid. n. 26.

367 - Vita Pach. n. 40.

368 - Epist. Ammoni de vita Theodori n. 11.

369 - Ibid. n. 41. 49.

370 - Ibid. n. 58.

371 - Ibid. n. 50.

372 - Ibid. n. 56.

373 - Ibid. n. 58.

374 - Ibid. n. 82.

375 - Ibid. n. 68.

376 - Ibid. n. 69.

377 - Ibid. n. 78.

378 - Ibid. n. 70.

379 - Ibid. n. 73.

380 - Ibid. n. 75.

381 - Amm. Epist. c. 2.

382 - Boll. V. Pach. c. 9. п. 71.

383 - Ibid. n. 7. n. 51.

384 - Ibid. c. 5. n. 38.

385 - Ibid. n. 39.

386 - Vita Pach. parall. c. 5. n. 28.

387 - Vita Pach. с. 6. п. 50. Достопамятные сказания о подвижничестве... 274. Vit. Pach. с. 7. п. 53.

388 - Vit. Boll. с. 10. п. 72 not. E. Epist. Aman. с. т. п. 3.

389 - Ibid. п. 3, 4.

390 - Boll. v. Pach. с. 6. п. 50. с. 9. п. 68.

391 - Ibid. с. 10. п. 79.

392 - Ibid. с. 7. п. 51.

393 - Vita Pach. с. 4. п. 35. с. 6. п. 36.

394 - Boll. v. Pach. с. 8. п. 66. Et parall. с. 1. п. 2–4.

395 - Paralip. Pach. п. 10. 11.

396 - Vita Pach. п. 58.

397 - Ibid. п. 31.

398 - Ibid. п. 32.

399 - Vita Pach. п. 55.

400 - Ibid. п. 33. 20. 21. Paralip. Pach. п. 7.

401 - Ibid. п. 48.

402 - Vita Pach. п. 43. Paralip. п. 17.

403 - Vita Pach. п. 74. День кончины преп. Пахомия и лета его жизни мы определяем по разысканию Тиллемона. Т. 7. п. 25. р. 691.

404 - Bolland. v. Pach. п. 75.

405 - Bolland. v. Pach. п. 75. 76.

406 - Ibid. п. 76.

407 - №78.

408 - №77.

409 - №79.

410 - №81.

411 - №82.

412 - №83.

413 - №78 и 83.

414 - №84.

415 - №85.

416 - №86.

417 - Epist. Ammon, c. 4. n. 1.

418 - Epist. Ammon, n. 3.

419 - Epist. Ammon, n. 4.

420 - Ibid. n. 8 и 9.

421 - Ibid. n. 10.

422 - Ibid. n. 11. 12.

423 - Epist. Amm. п. 12. с. 3.

424 - Ibid. n. 14. 16.

425 - Ibid. n. 16.

426 - Ibid. n. 19. 20.

427 - Bolland. v. Pach. c. 11 .n. 87.

428 - Epist. Ammoni n. 21. 22.

429 - Bolland. v. Pach. annot. c. 81.

430 - Epist. Amm. n. 23. Theodor, hist. L. 3. c. 5.

431 - Bolland. vit. Pach. n. 90.

432 - Bolland. vit. Pach. n. 90. 91. 92.

433 - Ibid. n. 93.

434 - Bolland. v. Pach. n. 94.

435 - Bolland. v. Pach. prol. § 2. n. 17. p. 291. et annot. p. 334.

436 - Tillem. T. 7. p. 497. et. not. 7. p. 671. vit. Pach. n. 95.

437 - Bolland. v. Pach. n. 96. p. 333.

438 - Ibid. n. 96.

439 - Tillem. T. 8. n. 8. vit. s. Theod. p 761. Biblioth. Patr. T. 4.

р. 92. Holst, reg. mon. Tom. I.

440 - Rufin. Hist. Mon. с. 111. IV.

441 - Палладий. Лавсаик, гл. 35.

442 - Cass, de coenob. instit. Lib. 4.

443 - Беседа 4-я на Матфея.

444 - Слова Антония к монахам, 7-е. Христианское чтение, ч. 20. С. 323.

445 - Палладий. Лавсаик, гл. 1.

446 - Там же, гл. 12.

447 - Палладий. Лавсаик, гл. 20, 120, 123.

448 - Они названы так вероятно потому, что носили сандалии.

449 - Oper. Isid. Pel. Lib. 1. Epist. 87.

450 - Lib. 11. Epist. 367.

451 - Rosweid. vita PP. Lib. 1 п. 15.

452 - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 268.

453 - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 292.

454 - Палладий. Лавсаик, гл. 33.

455 - Act. S. Bollant. febr. 11.

456 - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 51,

52.

457 - Act. SS. Bollant. Том. I. Jan. p. 260. 261.

458 - Достопамятные сказания о подвижничестве... С. 457.

459 - Там же. С. 275, 276.

460 - De puellarum disciplina. Regul. S. Pach. Holsten. cod. regul. Том. II. p. 50.

461 - Boll. v. Pach. п. 86. п. 50.

462 - Ibid. с. 11. п. 86.

463 - Ibid. с. 3. п. 26. Rufin. v. pp. L. 3. п. 34.

464 - Палладий. Лавсаик, гл. 35.

465 - Палладий. Лавсаик, гл. 36.

466 - Палладий. Лавсаик, гл. 37, 38.

467 - Epist. 16 ad princ. vig. с. 4.

468 - August, de mor. Eccles. L. 1. с. 31.

469 - Палладий. Лавсаик, гл. 282, 283.

470 - Acta. SS. Bolland. 13 Martii. Память Евпраксии
Греческая Церковь празднует 25 июля, а Римская 13 марта.

471 - Жизнь Синклитикии помещена в переводе в
Христианском чтении, ч. 3. 1821.

472 - Феодорит. Церковная история. Кн. 2, гл. 14.